

A c t a
Universitatis
Lodziensis

FOLIA LINGUISTICA ROSSICA

18
2019



WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGO

A c t a Universitatis Lodzianis

FOLIA LINGUISTICA ROSSICA

18
2019

W kręgu języka i kultury

Вопросы языка и культуры

pod redakcją
Zoi Kucej
Iji Tuliny-Blumental
Agaty Piaseckiej

 WYDAWNICTWO
UNIwersYTETU
ŁÓDZKIEGO
ŁÓDŹ 2019

 C O P E
Member since 2019
JN14477

REDAKCJA NAUKOWO-DYDAKTYCZNA
Agata Piasecka (redaktor naczelna), *Zoja Kuca* (sekretarz)

RADA NAUKOWA

Andrzej Charciarek (Polska, Katowice), *Thomas Daiber* (Niemcy, Giessen), *Stefana Dimitrowa* (Bułgaria, Sofia), *Jelena Iwanian* (Rosja, Samara), *Wiera Kartawienko* (Rosja, Smoleńsk), *Julia Krawcowa* (Ukraina, Kijów), *Walerij Mokijenko* (Rosja, Sankt Petersburg), *Jelena Romaniczewa* (Rosja, Moskwa), *Andrzej Sitarski* (Polska, Poznań), *Jelena Stojanowa* (Bułgaria, Szumen)
Damina Szajbakowa (Kazachstan, Ałmaty), *Żanetta Zakupra* (Ukraina, Kijów)

RECENZENCI

Irina Tarasowa (Rosja, Saratów), *Irina Chepikowa* (Białoruś, Grodno)
Marina Tryhuk (Białoruś, Mińsk), *Jarosław Wierzbiński* (Polska, Łódź)
Krzysztof Kusal (Polska, Łódź), *Andrzej Sitarski* (Polska, Poznań)
Andrzej Charciarek (Polska, Sosnowiec)

REDAKCJA TOMU

Zoja Kuca, *Ija Tulina-Blumental*, *Agata Piasecka*

REDAKTORZY JĘZYKOWI

Zoja Kuca (język rosyjski), *Ija Tulina-Blumental* (język rosyjski)
Agata Piasecka (język polski), *Konrad Szulga* (język angielski)

REDAKTOR INICJUJĄCY

Katarzyna Szumska

SKŁAD I ŁAMANIE

Munda – Maciej Torz

KOREKTA TECHNICZNA

Elżbieta Rzymkowska

PROJEKT OKŁADKI

Agencja Reklamowa efectoro.pl

Publikacja bez opracowania redakcyjnego w Wydawnictwie UŁ

© Copyright by Authors, Łódź 2019

© Copyright for this edition by Uniwersytet Łódzki, Łódź 2019

Wydane przez Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego

Wydanie I. W.10054.20.0.Z

Ark. wyd. 6,4; ark. druk. 6,75

ISSN 1731-8025

e-ISSN 2353-9623

Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego

90-131 Łódź, ul. Lindleya 8

www.wydawnictwo.uni.lodz.pl

e-mail: ksiegarnia@uni.lodz.pl

tel. (42) 665 58 63

Содержание

От Редакции	7
Пётр Червинский – О мотивационной соотносительности лексико-семантических дериватов (на примере одного славянского корня). <i>Полисемия слова и корня</i> (часть 1)	13
– On the Motivating Relation of Lexical-Semantic Derivatives (One Slavonic Root as an Example). <i>Word and Root Polysemy</i>	13
Пётр Червинский – О мотивационной соотносительности лексико-семантических дериватов (на примере одного славянского корня). <i>*Chol- и его производные</i> (часть 2)	39
– On the Motivating Relation of Lexical-Semantic Derivatives (One Slavonic Root as an Example). <i>*Chol- and its Derivatives</i>	39
Jarosław Wierzbński – Kategoryzowanie świata a model sieciowy z perspektywy badań Beaty Rycielskiej	61
– Categorizing the World and the Network Model from the Perspective of Beata Rycielska's Research	61
Ольга Десюкевич – Внутренняя и внешняя семантика глаголов социальных отношений (на материале русских глаголов победы и поражения)	71
– Internal and External Semantics of Social Relations Verbs (Based on Russian Verbs of Victory and Defeat)	71
Елена Невзорова-Кмеч – Криминальные истории Людвика Курнатовского как источник жаргона	85
– Crime Stories by L. Kurnatowski as a Source of Jargon	85
Обзоры и рецензии	
Zoja Kuca – <i>Beceda</i> (Анна Падо). <i>Beceda</i> – skutecznie i atrakcyjnie	97
– <i>Beceda</i> (Anna Pado) – Efficient and Attractive.	97

Марина Родина – <i>Беседа</i> (Анна Падо). Учебный комплекс для изучения русского языка	105
– <i>Беседа</i> (Anna Pado) – Russian Language Course	105

От Редакции

Настоящий 18 том – это уже второе издание академической серии *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica* в 2019 году. В нем продолжается рассмотрение вопросов, важных для современных филологических изысканий, объединённых темой *Вопросы языка и культуры*. Структура журнала также осталась без изменений, кроме научных статей в томе опубликованы две рецензии на серию учебных пособий по русскому языку как иностранному *Bеседа*.

Авторами представленных исследований являются специалисты как польских, так и зарубежных академических центров. Некоторые из них уже давно сотрудничают с академической серией *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica*, другие впервые публикуются на страницах настоящего журнала.

Сборник открывает научная работа Петра Червинского, затрагивающая семантику славянского корня *хол(о)-*. Автор детально рассматривает функционирование дериватов, содержащих указанный корень, в славянских языках. В своем анализе исследователь обращается к показательному этимологическому, историческому и диалектному материалу, а также к современному литературному языку. Стоит подчеркнуть, что этот обширный, состоящий из двух частей анализ, касающийся, в основном, одного корня, содержит ряд интересных интерпретационных и методологических решений.

Статья Ольги Десюкевич посвящена семантике русских глаголов. В работе были описаны мотивационные семантические модели в лексико-семантической группе *победить/понести поражение*. В свою очередь, Елена Невзорова-Кмеч представила анализ жаргона варшавских криминальных групп на рубеже XIX–XX веков. Текст содержит большое количество информации об этом временном периоде, а также о языковых особенностях преступной среды.

Три текста в настоящем томе имеют характер рецензии. Ярослав Вежинский рассматривает монографию Беаты Рыцельской *Języki słowiańskie w świetle lingwistyki kognitywnej. Studium przypadków*. Книга представлена как выдающееся, новаторское научное исследование, которое вносит значительный вклад в развитие польской русистики в области когнитивных исследований.

Серия современных учебных пособий по русскому языку для старшеклассников, Автором которых является Анна Падо, стала темой рецензий

Марины Родиной и Зои Куцей. Оба Автора единогласно подчеркивают, что серия учебных пособий *Beseda* является ценным материалом и заслуживает профессионального внимания преподавателей и студентов.

Тематика научных текстов, опубликованных в настоящем томе, актуальна и научно востребована.

Agata Piasecka

Перевод: *Zoja Kuca, Ija Tulina-Blumental*

From Editors

This 18th volume has been designed as a semi-annual publication. It continues to explore some relevant linguistic problems of contemporary language studies. The general theme has remained the same as in the previous volume, *Within the Domain of Language and Culture*. It also follows a similar structure and contains reviews next to research papers.

The authors are specialists from both Polish and foreign academic centres. Some of them have been for long associated with the series, *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica*, others contribute to the journal for the first time.

Piotr Chervinsky's comprehensive work covers semantics of the Russian root *хол(o)-*. The author offers a detailed overview of the functioning of derivatives containing the mentioned root in the domain of Slavic languages. He explores representative etymological, historical, and dialectical material as well as contemporary literary language. It should be noted that the author generates an extensive discussion as the work consists of two closely connected parts and both cover mainly one (!) root. A number of interesting interpretative and methodological proposals are made in the conclusion.

The semantics of Russian verbs is addressed by Olga Desukevich. Based on the thematic group *победить/понести поражение*, the author casts light on the peculiarities of the linguistic worldview.

Elena Nevzorova-Kmech shares her reflections on the jargon of Warsaw criminal groups at the turn of the 19th. The text makes an excellent read as it is filled with a wealth of information about these interesting times, the criminal world, and its language.

The publication contains three reviews. Jarosław Wierzbiński takes a closer look at Beata Rycielska's monograph work, *Języki słowiańskie w świetle lingwistyki kognitywnej. Studium przypadków*. The book is exposed as an outstanding and innovative research study, which makes a significant contribution to the development of Russian studies in Poland, in particular cognitive research. Marina Rodina and Zoja Kuca review modern Russian textbooks for upper secondary students by Anna Pado. Both authors are enthusiastic about the *Beceða* series as highly recommendable, valuable, and garnering interest of both teachers and students.

All the texts contained in the volume are highly informative, attractive, and inspiring.

Od Redakcji

Niniejszy 18. tom został pomyślany jako półrocznik. Kontynuuje on problematykę ważnych dla współczesnej filologii rozważań językoznawczych objętych tematem ogólnym *W kręgu języka i kultury*, jaki przyświecał poprzedniemu zeszytowi. Ma również podobną strukturę i oprócz artykułów naukowych zawiera recenzje.

Autorzy prezentowanych badań to specjaliści zarówno polskich, jak i zagranicznych ośrodków akademickich. Niektórzy z nich są związani z serią *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica* od dawna, inni publikują swoje artykuły na łamach naszego czasopisma po raz pierwszy.

Obszerna praca Piotra Czerwińskiego dotyczy semantyki słowiańskiego rdzenia *xor(o)*-. Autor szczegółowo omawia funkcjonowanie derywatów zawierających wspomniany rdzeń w obszarze języków słowiańskich. Sięga przy tym po reprezentatywny materiał etymologiczny, historyczny, dialektalny, a także współczesny język literacki. Należy podkreślić, że to rozległe – bo składające się z dwóch ściśle łączących się ze sobą części – omówienie głównie jednego rdzenia zawiera szereg ciekawych propozycji interpretacyjnych i metodologicznych.

Semantyce rosyjskich czasowników poświęcony został artykuł Olgi Desukevicz. Na podstawie grupy tematycznej *победить/понести поражение*. Autorka przybliżyła osobliwości językowego obrazu świata. Z kolei Elena Nevzorova-Kmech przedstawiła żargon warszawskich grup przestępczych na przełomie XIX i XX wieku. Tekst zawiera wiele informacji o wspomnianych czasach, a także o samym środowisku przestępczym i jego języku.

Trzy teksty mają charakter recenzyjny. Jarosław Wierzbiński omawia monografię Beaty Rycielskiej *Języki słowiańskie w świetle lingwistyki kognitywnej. Studium przypadków*. Książka zostaje zaprezentowana jako wybitne, nowatorskie opracowanie naukowe, które stanowi znaczący wkład do rozwoju polskiej rusycystyki w nurcie badań kognitywistycznych. Cykl nowoczesnych podręczników do nauki języka rosyjskiego dla uczniów szkół ponadgimnazjalnych autorstwa Anny Pado stał się przedmiotem recenzji Mariny Rodiny i Zoi Kucej. Obie Autorki jednogłośnie wypowiadają się o kursie *Beceđa* jako o publikacji wielce pożądanej, cennej i zasługującej na zainteresowanie zarówno nauczycieli, jak i uczniów.

Tematyka wszystkich tekstów jest bardzo atrakcyjna poznawczo i zachęca do lektury.

Agata Piasecka

Пётр Червинский

 <https://orcid.org/0000-0001-6575-5736>

Uniwersytet Śląski w Katowicach

Wydział Humanistyczny

41-206 Sosnowiec, ul. Grota-Roweckiego 5

czerwinski.piotr@gmail.com

**О мотивационной соотносительности
лексико-семантических дериватов
(на примере одного славянского корня). Полисемия слова и корня**

**On the Motivating Relation of Lexical-Semantic Derivatives
(One Slavonic Root as an Example). Word and Root Polysemy**

Резюме

С привлечением этимологического, исторического, диалектного, а также современного общепотребительного литературного материала рассматривается семантика, в первую очередь, русскоязычного корня *хол(о)-*, отчасти в сопоставлении с рядом славянских языков в контексте особенностей и отличия. Последовательно выводится общее и типичное в значениях таких слов, как *холостой*, *холон*, *холуй* и др. На базе этого общего прослеживаются далее возможные ответвления в развитии исходных значений. Обращается внимание на специфику не выделяемых уже в настоящее время суффиксов *-ст-*, *-н-*, *-уй* и подобные, с представлением их воздействия на семантику корня при формировании лексем. Анализ подводит к возможности выделения парадигматико-концептуальной схемы и потенциала, лежащих в основе моделирующего развития определяемого круга слов с опорой на их корневую семантику. В завершение выводится и представляется в наглядном типологическом виде, с опорой на составляющие семантические признаки, указанная концептуальная схема-модель для семантики *холостой* в отношении русскоязычного ареала, с учетом общепотребительных и диалектных употреблений.

Ключевые слова: семантика корня, этимология, диалекты, языковое сознание, парадигматико-концептуальный потенциал, развитие значений.

Summary

This article discusses the primarily Russian root *хол(о)-* based on the etymological, historical, and dialectal material as well as contemporary literary common language. The material is partly contrasted with some Slavonic languages in terms of features and differences. Common and indi-

vidual features are highlighted within the meanings of such words as *холостой*, *холоп*, *холуй* and others. This is considered a starting point for revealing further possible branches in the development of the original meanings. The author focuses on the specificity of the suffixes that are not currently isolated: *-cm-*, *-n-*, *-yü* and similar. The author also shows the influence of these suffixes on the root semantics in the process of shaping lexems. The analysis demonstrates that it is possible to identify a paradigmatic-conceptual scheme and potential which underlie the development model of the word range in question and the semantics of their root. At the end, the scheme is shown in an illustrative and typological perspective next to the semantic features of the *холостой* lexem. The conclusions address the Russian linguistic domain covering the usage in the dialects and in the common language.

Keywords: the root semantics, etymology, dialects, linguistic awareness, paradigmatic-conceptual potential, development of meanings.

При более или менее внимательном обращении к семантике лексических единиц в ряде случаев можно заметить не всегда объяснимые с точки зрения современного восприятия соотношения между значениями слов, подаваемых в словарях как многозначные. Вопрос, который при этом может возникнуть, собственно говоря, не один, а, по крайней мере два вполне очевидных вопроса, впрочем, связанных между собой, касался бы области так называемой мотивации при объяснении одного значения через другое, и в связи с этим, как следствие, объясняющее себя и понятное представление выбора, затрагивающего порядки значений, определяемых в своей нумерации. Не будем, однако, в данном месте входить в пространные теоретические рассуждения, важные и неизбежные при такой постановке вопроса, в литературе к тому же довольно широко и разносторонне отображенные¹, начнем свои рассуждения с примера. Не только для иллюстрации, но и для возможного обобщения и выводимого из этого следствия. Чтобы не углубляться излишне в проблему, в силу ограничения объема статьи, было выбрано только одно многозначное слово, а точнее корень общеславянского происхождения, весьма специфичный в семантическом отношении, в русском, украинском и белорусском языках.

Начнем с представления данного слова, а с этим, отчасти, и корня по МАС, как наиболее апробированного и признанного источника, чтобы все

¹ Проблемы семантики многозначного слова ставились и решались столь значительным числом исследователей и к тому же с разных сторон, что сам их перечень занял бы немало места. Помимо ставших классическими трудов, постоянно появляются новые, предлагающие разнообразные подходы и их разрешения. Поскольку в нашу задачу не входило их представление, назовем лишь некоторые, наиболее, на наш взгляд, характерные: (Гак, 1972), (Шмелев, 1973), (Уфимцева, 1977), (Гак, 1977), (Телия, 1977), (Кубрякова, 1981), (Телия, 1981), (Мурзин, 1984), (Кудрявцева, 1993), (Гак, 1998), (Кустова, 2000), (Анна А. Зализняк, 2001), (Розина, 2002), (Тропина, 2003), (Шапилова, 2012), (Кустова, 2016).

остальное, о чем следовало бы сказать, обратив на это внимание, можно было бы представлять с наглядной опорой на материал. Речь идет о слове *холостой* и корне, в кириллице представляемый как *холост-*. МАС дает его следующие значения в порядке от 1 до 8 (приводимые в словаре иллюстрации для сокращения места опустим):

1. Неженатый, не вступивший в брак (о мужчине) ... || *Разг.* Незамужняя (о женщине) ... 2. *только полн. ф.* Состоящий из холостяков. *Холостая компания* ... 3. *только полн. ф.* Свойственный неженатому мужчине или незамужней женщине. *Холостое положение. Холостая жизнь* ... 4. *Охот.* Одиночный, не имеющий пары, самца или самки (о животных, птицах). *Холостой волк. Холостая утка* ... 5. *только полн. ф. С.-х.* То же, что холощенный (т.е. кастрированный – П.Ч.). *Холостой бык. Холостой конь* ... || Не оплодотворенный, без зародыша (о самках животных). *Холостая кобыла. Холостая свиноматка* ... || Не дающий плодов (о растениях). *Браковка заболевших и холостых растений* ... 6. *только полн. ф. Тех.* Не производящий полезной работы, действующий без рабочей нагрузки. *Холостой шкив* ... || Осуществляемый транспортом без груза. *Холостой пробег. Холостой прогон*. 7. *только полн. ф. Воен.* Без пули, ядра и т.д., не боевой (о патронах, зарядах). *Холостой патрон. Холостой заряд*. 8. *только полн. ф. Устар.* Нежилой, пустой (о постройках).

Это последнее, 8-е значение, сопроводим для целей анализа приводимой в МАС иллюстрацией:

[*Раиса Порфильевна*] *выстроила просторный дом, развела огород и фруктовый сад, наполнила холостые постройки домашним скотом и всякой птицей и зажила, как в деревне.* Салтыков-Щедрин, *Пошехонская старина* (Словарь русского языка в четырех томах (МАС), 1984, IV, 618).

То, что холостое, следовательно, может быть наполнено и, видимо, требует, согласно имеющимся представлениям, наполнения, хорошо, когда наполнено, а не стоит пустым как холостое (аксиологический аспект).

Итак, первым значением, как следует из представления в МАС (и не только в нем), является 'неженатый', с немаловажным для того же значения, а точнее представления, стоящего за ним, уточнением 'не вступивший в брак' (вдовый (вдовец) и разведенный, следовательно, *холостой* уже было бы не совсем верным определением). Сюда же относится, как оттенок значения, с пометой *разг.* 'незамужняя' (о женщине, но, добавим, без поданного уточнения при мужчине в том смысле, что 'не вступившая в брак'). Все остальные значения образованы, как получается, от этого первого и должны быть определены как его производные и, соответственно, дериваты.

Вопрос, который естественным образом при таком представлении возникает, связанный с вынесенной в заглавие мотивационной соотносительностью, на первый взгляд довольно прозрачный и ясный, будет касаться двух оснований, видящихся существенными для дальнейшего рассуждения. Во-первых, того, что русскоязычное (и, если шире, восточнославянское)

представление о *холостом* как неженатом в том отношении, что не вступившим в брак, как можно вывести из производных значений в смысловом их единстве, сводится к признаку (в обобщении) следующего из (первоначально) неналичия необходимой парности, неналичия пары как 'недостаточности', 'лишенности', 'неполноты', отсутствия чего-то существенного в функциональном отношении важного, если не определяющего. *Холостой*, по таким понятиям, предстает как 'неполный', 'неполноценный', 'неполнозначный', 'ущербный', такой, которому не хватает едва ли не самого главного, говоря по-другому, как 'несостоявшийся'. И за всем этим стоит отнюдь не скрытое представление о его 'непарности'. Говоря об отсутствии самого главного, как показывает исследуемый материал, и о чем пойдет речь в дальнейшем, основная идея, стоящей за всем этим неполноты, предполагает сформировавшееся о нем представление как о человеке. И в первую очередь, не только как о человеке в социальном его проявлении, но и как о целостности и его существе.

Во-вторых (касаясь вопроса о втором основании), необходимым и важным виделось бы понять не только то, что *холостой* как 'неженатый' значение первое и с точки зрения современного языкового сознания немотивированное, ибо все остальное мотивируется и следует из него, но и то, почему возникает, откуда берется и чем объясняется такое о нем представление, если, что необходимо добавить, с точки зрения все того же современного языкового и не только языкового сознания, подобного восприятия *холостого* (мужчины), собственно, уже нет, что вполне понятно с самых разных сторон и позиций, а *холостой* 7-го значения (для патрона, заряда, выстрела, все остальное следует видеть как не общеупотребительное) воспринимается, если не как омоним к 1-му, то едва ли не в обратном порядке (с чем автору приходилось неоднократно сталкиваться). С мотивирующей точки зрения, необходимо добавить, не в отношении основного и неосновного значений. В связи с чем и возникает, как следствие, вынесенный в название работы вопрос о мотивационной соотносительности, об изменении мотивации либо ее утрате, а также о семантических признаках, их характере и порядках, связываемых со стоящими за значениями слов представлениями.

Прежде чем обратиться к возможному разрешению поставленных двух вопросов, видится необходимым понять, что исходно за этим стоит, точнее стояло, могло стоять, с тем, чтобы это исходное постараться затем увидеть в дальнейшем развитии в порядке своих значений укладываемой семантики. Помочь в этом могут данные этимологических, исторических словарей, а также фразеологии, паремиологии, диалектологии, фольклорной обрядовости и этнолингвистики. В этом последнем случае стоило бы начать с довольно пространной цитаты из словаря *Славянские древности*, в отчетливой и короткой форме представляющей разбираемое положение вещей:

ХОЛОСТОЙ, холостяк – неженатый мужчина, перешедший за оптимальный, с точки зрения данной традиции, возраст для вступления в брак и в силу этого занимающий маргинальное положение в обществе. ... Считали, что Х. «не такой полный человек, как другие» (калуж. ...) и даже «не е човек» (болг. ...), ср. рус. смолен. «Сядить халостой², як пес бязхвостый; сядить жинатый, як пан богатый» ... Х. считался позором для семьи (о.-слав.) и всей деревни (серб.) ... ст.-чеш. *chlastý*. Семантика «пустоты», «бесполезности» еще отчетливее в ср.-волж. *пустой, трутень, сорока пустая* (*Славянские древности*, 2012, 5, 454)³.

Обратим внимание в данном месте на два обстоятельства – маргинальное положение *холостого* мужчины в обществе, с той существенной оговоркой, что речь идет о человеке, перешедшем за оптимальный возраст для вступления в брак. Положение, которое предполагает исходно одну из ступеней инициации, существенной для включения его в коллектив. Маргинальное положение следует из социальной его дезакцептации, непринятия как полноправного члена в данную общность. Что касается оптимального возраста, то таким, согласно источникам, по крайней мере, для русского материала, можно считать двадцать пять лет как критический и тридцать – как уже более, чем критический иотягчающий, показатель⁴. Не женившийся парень до этого возраста, будучи *холостым*, социальным изгоем, естественно, не воспринимался. Тем самым, в рассматриваемом представлении заложен заряд перехода от ‘неженатости’ как нормативного и не осуждаемого состояния к ‘неженатости’, с возрастом, как социальной ущербности и следующего из нее остракизма.

Вторым обстоятельством необходимо считать указанную ранее неполноту его как человека по сравнению с другими, воспринимаемую также в контексте его бесполезности, в крайнем своем проявлении объясняемую и как то, что он «не е човек». За этим стоит, а точнее может стоять, объяснение исходно мифологическое. В цитируемом словаре находим такое тому подтверждение:

Относительно происхождения Х. в Галиции была записана следующая легенда. Ева в наказание за грехопадение после смерти несет ежедневно столько яиц, сколько умирает людей. Господь разрезает их пополам: из одной половины рождается девочка, из дру-

² Видимо, с ударением на втором слоге, *халóстой*, для рифмы.

³ Автор статьи Г.И. Кабакова.

⁴ Ср. приводимую цитату в том же источнике (с. та же): «Тот казак, который не женился до 25-ти, а особенно до 30-ти лет, отпетый казак, такому казаку нет и не было прозвища, кроме как забуддыга, шаматок, старое базло» (урал., Н.М. Малеча, *Словарь говоров уральских (яицких) казаков*. Оренбург, 2002/2: 12). Или такие пословицы, применительно к возрасту, в том числе и критическому: *Молодому жениться – рано, а старому – годы ушли. Старого мяса не уворишь, старого жениха не оженишь. Тридцать лет жены нет – и не будет. В двадцать лет сам женится, в тридцать лет соседи женят, а в сорок и сам чёрт не проженил* (Зимин, 2012, 307).

гой – мальчик. Две половинки должны найти друг друга, чтобы создать семью. Но если одна половина пропадет, то из другой получается Х. (или старая дева) (ЖС 1897/1:110). (*Славянские древности*, 2012, 5, 455).

Обратим внимание в этой цитате на следующие, представляющиеся важными, обстоятельства. Во-первых, яйца, из которых рождаются люди обоих полов, и их для этого разрезание Господом на две половины, во-вторых, на эти две половины двух разных полов⁵. Из чего получалось бы, что в представление целостности заложена мысль о мужском и женском в единстве, исходная андрогинность с последующим рассечением такого цельного в своем существе человека на два, мужчину и женщину, известная в мифологиях разных народов. И, в-третьих, на то, что две получившиеся вследствие разрезания половинки должны друг друга найти, а если этого не происходит, то за этим стоит объективная причина – одна половина пропала, и это тогда не судьба. ‘Пропадешть’ оставшейся половинки, ее маргинальность и диссоциированность следуют из исходной неполноценности человека при его появлении на свет, утрате им второй части себя, своей собственной и ему предназначенной потому половины. Из этого следуют и его остракизм, и отношение к нему как ‘нечеловеку’ и полчеловеку. Стало быть, *холостой* недостаточное исходно и свою часть потерявшее существо, не такое, как все остальные.

Идея неполноты, ‘половинности’ и связанные с этим нехватки и недостаточности находят свое отражение в паремиологии. Ср. у Даля в его словаре такую прямо указывающую на это пословицу: *Холостой – полчеловѣка*. И к этому, в добавление и в расширение: *Холостой – что бѣшеный. Холостой – простой, женатый – богатый, а вдовецъ – что зяблецъ*. Несколько в стороне, но не менее важное представление о связи с утопленничеством и водой: *Холостому – хоть утопиться (съ тоски), женатому – хоть удавиться!*⁶ (Даль, 2000, 4, 559–560).

⁵ С этим связано этимологически общеславянское *пол-* ‘половина’ и рус. *пол*, как лат. *sex*, в котором также заложено представление о рассечении и разделении.

⁶ Сюда же русалки, сирены, заманивающие и затягивающие в воду одиноких и, как правило, молодых, неженатых мужчин. Как потустороннее, женское одиночное (неодинокое), ищущее себе пару, первоначально утраченную (представление о русалках-утопленницах, девушках, не вышедших замуж, брошенных либо не нашедших себе мужа). И интересное сопоставление с женатым, которому *хоть удавиться*. Ср., по крайней мере, для русского материала: *жена – удавка* и она же *веревка, камень на шее* (*Анна на шее* – название рассказа у Чехова, обыгрывается орден и имя супруги); *накинуть себе петлю на шею; самому (в)лезть в петлю / в петлю лезть* в смысле ‘жениться’ и *только в петлю и остается* (о несчастной женитьбе и сварливой, злобной жене). Тема, требующая своего уточнения и развития – почему женатое состояние связывается с ‘удавленничеством’, а холостое – с ‘утопленничеством’. В данном месте мы лишь обратим внимание на это не случайное сопоставление.

Развивая далее то, что было уже затронуто, *холостой* предстает как ‘бешеный’⁷ и ‘простой’, в противоположность женатому, который богатый (представление о вдовце, который зяблец, опустим). В каком значении следует понимать прилагательное *простой*? К этому приведенная в процитированном словаре поговорка *Сядит холостой, як пес бязхвостый; сядит жинатый, як пан богатый*. Женатый и богатый, и не просто богатый, а пан. В то время как *холостой* – бесхвостый и пес. Идея хвоста, которого он лишен, и того, что он пес, т.е. не человек (опуская возможные в данном месте параллели и рассуждения, что заняло бы немало места и уводило бы в сторону – о ‘псиности’ человека и в человеке, о псе, о человеке-псе, о песье главах и пр. в мифологии и фольклоре). Будучи псом, человеком-псом, ‘бесхвостость’ в нем человечья, не псиная. К этому стоит припомнить волка в сказках с отмороженным и оставленным в проруби хвостом и его, в связи с этим, ‘бесхвостость’. Фаллическое представление о хвосте, напрашивающееся само собой, с отсутствием такового у холостого, было бы слишком поверхностным, хотя и небезосновательным, разрешением.

В отношении того, что *холостой* – простой, у Даля под этим последним понимается, как первое и основное, «порожній, пустой, ничѣмъ не занятый, самъ по себѣ» (Даль, 2000, 512). И, видимо, это значение следовало бы применить для холостого. Он, как человек, есть пустой, порожний, сам по себе, ничем не занятый. Ср. указанную ранее ‘беспольность’, пустоту в функциональном смысле, как черту в общественном сознании его характеризующую.

При гадании на будущего мужа, опять же у Даля, дается такое перечисление возможных для этого кандидатов: «Богатый, бѣдный, вдовецъ, холостецъ (приговариваетъ дѣвка, считая колья въ тыну)» (Даль, 2000, 4, 560). Тот на кого выпадет последний кол, за того и придется ей выйти замуж. Порядок и соотношения в приведенных парах отнюдь не случайные. В первой, как можно заметить, содержится имущественное противоположение по признаку обладания либо необладания, отсутствия желательного достатка. Вторая предполагает соположением вдового и холостого. Трудно сказать, который из них был бы лучше, существенным видится их общественный статус. Тот, за кого можно выйти замуж, при невозможности выбора, как правило, с девичьей стороны, будет либо богатый, либо бедняк, с одной стороны, либо вдовец, либо *холостец*, с другой. Но при этом, если вдовец, по признаку первого в паре, не исключено, что возможен богатый, соотносясь с первым пары предшествующей, *холостец*, в свою очередь, скорее всего, а именно он нас интересует, в паре с вдовцом второй, будет бедным (второй первой пары). Не столько по обстоятельствам сельской жизни, хотя и они в этом случае значимы (*холостец* нередко гуляка, забулдыга-пропойца, и не женился, поскольку

⁷ Что за его этим бешенством может исходно стоять, если опустить само собой разумеющееся? Впрочем, не будем входить в эту тему, требующую рассуждений и уводящую в сторону.

никто его не хотел), сколько, и это для нас важнее, по существующим о нем представлениям. С той существенной оговоркой, что *холостец* в данном случае понимается, и так его, видимо, следует понимать, как засидевшийся, вышедший из оптимального возраста для вступления в брак.

Возвращаясь к значениям *холостого*, представленным в МАС, в поисках мотивирующих оснований исходного корня с последующими его воплощениями, с учетом также всего дальнейшего, предполагаемого к рассмотрению, было бы целесообразным подразделить их по принципу семантической близости. Возможным видится деление на следующие три группы:

1) То, что касается человека и с этим живых существ, животных и птиц, объединяющим признаком было бы ‘одиночность’, ‘неналичие, отсутствие более или менее постоянной пары’, ‘безбрачное состояние’. Последнее – в отношении человека, при условии, добавим, таковой необходимости для него, поскольку, скажем, монашеского положения это не будет касаться, во всяком случае не должно⁸. Проецирующими данное представление были бы значения с 1-го по 4-е.

2) То, что, касаясь домашних животных и культивируемых для получения урожая растений, предполагает у них неспособность производить потомство, давать плоды либо их отсутствие на данный момент (о самках животных). И таким объединяющим признаком была бы ‘бесплодность’ (значение 5-е со своими оттенками).

3) То, что, касаясь орудий, построек, технических и транспортных средств, как артефактов и неживых объектов, предполагает признаком их нерабочесть, недейственность или недействие в отношении того, к чему они предназначены. Иными словами, ‘нефункциональность’, возможно, на время, на данный момент, что допускает потенциально способность их изменения: холостой патрон можно зарядить и произвести им нехолостой выстрел; нежилиую, пустую постройку можно заполнить (как это было в примере из МАС); холостой прогон, пробег, равно как и холостой шкив, сами по себе, содержат представление о состоянии, которое временно, и тогда это была бы ‘актуальная’, скажем так, ‘нефункциональность’.

Отвлекаясь от распространения семантики на объекты⁹, можно было бы, исходя из выведенного, говорить о трех взаимно связываемых для сознания семантических признаках – ‘безбрачии’, ‘бесплодии’ и ‘актуализированной нефункциональности’. Если вывести признак актуализированности из его

⁸ Из чего будет следовать представление о том, что *холостой* – это тот, кому не положено таким быть (опуская все остальные параметры, возрастные, физические и т.п.).

⁹ Говоря об объектах, необходимо иметь в виду, что они, формируясь в сознании в классы, существенным образом определяют семантику слов, способствуя изменению и переходам значений. Разбирая подобный вопрос на основе глагола, Г.И. Кустова отмечает следующее: «Как исходные, так и производные значения глагола ... связаны с семантическими характеристиками актантов. Поэтому, в принципе, при каждом глаголе должны быть указаны семанти-

отнесения к нефункциональности, в холостом, в общем о нем представлении, в известном смысле, идею времени, как о том состоянии, которое на данный момент, в ряде немаловажных случаев, можно увидеть. *Холостой*, если женится, перестанет им быть, так же как волк или утка, если найдут себе пару. То же о самках домашних животных, отчасти, возможно, растениях. Из чего получается, что холостым можно стать (для людей, достигнув определенного возраста, но то же и для животных, птиц, орудий, построек, снарядов при известных условиях) и вместе с тем холостым можно перестать быть. *Холостой*, тем самым, это такое вот состояние, будь то временное, будь то своим предварительным временем обусловленное. Обозначенный признак, однако, не обязателен, факультативен, и подвижен, – приложим не ко всем попадающим под определение *холостого* возможным объектам.

Обращаясь к этимологическим словарям для поиска исходного и мотивирующего в своих следствиях основания, прежде чем погрузиться в проблему, стоит отметить, в связи с предыдущим, заслуживающее внимания определение значений для *холостого* у П.Я. Черных. Называя свой труд *Историко-этимологическим словарем современного русского языка*, автор последовательно предвзывает даваемую им этимологию определением значений объясняемого слова, с краткой, в ряде случаев, исторической справкой его фиксации в письменных памятниках. *Холостой*, в этих самых, но современных значениях толкуется им следующим образом: 1) «неженатый»; 2) *спец.* «не вызывающий работу механизма», «не дающий полезного действия», «не рабочий»; 3) *с.-х.* «кастрированный»¹⁰ (Черных, 1999, II, 349). Основание такого тройного подразделения можно видеть: а) в актуальности представляемых значений для современного языкового сознания, с этим связывается также порядок от 1-го к 3-му, и б) в отнесении к определяемым словом объектам – люди, орудия, животные. Два последних значения сопровождаются также пометами – *спец.* и *с.-х.*, из чего следует, что только первое значение воспринимается как общеупотребительное.

Далее следует перечень слов того же корня в других языках славянской группы, из чего можно сделать вывод о характере его распространенности среди них. Приведем показательную цитату:

Укр. **холостий**, -á, -é, **холостяк**, **холостіти**, **холощений**, -а, -е, блр. **халасты́**, -áя, -óе, **халасця́к** (но «холостить» – **пакладаць**). В других слав. яз. отс.[утствует]. Знач. «неженатый» выражается гл. обр. словами, соответствующими рус. *неженатый* ... знач.

ческие ограничения на актанты, то есть заданы классы объектов (и соответствующих существительных), заполняющих его валентности». Далее она выделяет в качестве этих классов дискретные физические объекты, или предметы, которым противопоставлены другие классы – вещества, люди (сюда же живые существа), части тела человека, нефизические объекты (Кустова, 2000, 88, 90).

¹⁰ Кавычки оригинала.

«кастрировать» – по-разному ... Ср., однако, польск. *chłosta* – «побои», «телесное наказание», *chłostać* – «стегать», «сечь» (Черных, 1999, II, 349).

Получается, что разбираемое представление о *холостом* как неженатом сохранилось (хотя сомнительно, чтобы имело место), по крайней мере, как активное, только в восточнославянских языках, проблематичным видится и отражение в других славянских языках слов того же корня, хотя приводимые польские *chłosta*, *chłostać* дают повод для того, чтобы задуматься.

Как замечает далее П.Я. Черных с опорой на письменные памятники, «Др.-рус. (с XII–XIII в.) **холость**, **холостый** (> *холостой*), позже (с XVI в.) **холостьць** – «холостяк» (Срезневский, III, 1385)» (Черных, 1999, II, 349).

И, наконец, этимология дается им следующим образом:

О.-с. [общеславянское] *cholstь, -а, -о, *cholstьjь, -aja, -oje, *cholstiti. Этимология спорная. Старшее знач. прил. *cholstь, по-видимому, было «холощенный», «оскопленный», «кастрированный», далее – «неспособный к половой жизни». И.-е. [индоевропейский] корень, возможно, был *(s)kol- [: *(s)kol-] – «резать», «сечь (отсекать)» (с перестановкой начальных sk > ks > kch > ch на слав. почве). Ср. лит. skėlti – «колоть», «раскалывать», «высекать» (огонь), skilti – «расколотся», «треснуть»; гот. skilja – «мясник», skalja – «черепица»; др.-исл. (и совр. исл.) skilja – «отделять», «разделять», «прерывать»; др.-в.-нем. skala – «скорлупа», «шелуха» (совр. нем. Schale – «оболочка», «скорлупа»), scollo *m.*, scolla *f.* (совр. нем. Scholle) – «глыба», «кочок земли»; греч. σκάλλω – «копаю», «рою»... (Черных, 1999, II, 349).

Итак, этимология спорная, что отнюдь не редкость, и поэтому рассуждения, с ней связанные и следующие из нее, воспринимать приходится как предположительные, но, при соответствующей мотивирующей поддержке, вместе с тем как не исключаемые и допустимые.

В подтверждение спорности этимологии достаточно привести замечания, нашедшие свое отражение у М. Фасмера. Что, видимо, не без значения, само это слово в его словаре подается как диалектное и сопровождается следующими объяснениями:

Холосто́й, *хóлост*, диал. «коротко остриженный», ряз. ... «нежилой (о доме)», владим. ... «не махровый (о цветах)», донск. ... *холостя́к*, также о рыбе, метавшей икру, донск., *холосто́к* «самец рыбы», арханг. *не́холость* ж. «некастрированное животное», укр. *хóлост*, русск.-цслав. *хлaсть* «caelebs», словен. hlâst «кисть без ягод». Отсюда *хóлостити́ть*, укр. *хóлостати́ти* «лущить толчением», блр. *хóлосціць* – то же (Фасмер, 1987, IV, 257–258).

Не будем входить в объяснения того, почему общепринятое значение 'неженатый' для *холостой* находит у Фасмера отражение лишь для русск.-цслав. *хлaсть* и затем также для др.-русск. *холокъ*, видимо, это следует у него из источников. Как бы там ни было, но и он отмечает, что у этого слова «Исключительно гадательные этимологии». И добавляет далее следом:

Не представляются обязательными сближения со словен. *hlástiti* «хлестать, бить», словц. *chlástat'* «стегать», польск. *chłostać* – то же (см. *хлестать*) ... Недостоверны и сопоставления с польск. *chłostać*, *chłoznać* «укрощать, унимать» ... или с польск. *ochłostać* «износить, вытереть» ... Не более удачно сравнение ... с др.-инд. *khalatiṣ* «лысый». Не получило признания сопоставление с лат. *sōlus* «одинокий» ... точно так же как и сравнение с гот. *halbs* «пол-» ... Напрашивается сближение с *пахолок*, *холóp*, *холок*... (Фасмер, 1987, IV, 257–258).

Опуская то, что Фасмер считает недостоверным и, в отличие от мнения П.Я. Черных, не видит связи с польским *chłostać* и к этому, с тем же значением, словен. *hlástiti* и словц. *chlástat'*, отметим лишь семантико-мотивационные поиски этих недостоверностей у разных исследователей, не то чтобы не случайные или кажущиеся, но чем-то внутренне объяснимые. Говоря о напрашивающемся, по замечанию Фасмера, сближении с *пахолок*, *холóp*, *холок*, обратимся коротко к представляемым им этимологиям данных слов, для того только, чтобы увидеть возможные связи и основания. Начнем с последнего, как наиболее близкого в смысловом отношении: «**ХОЛОК** «холостой, неженатый», только др.-русск. *холокъ*, русск.-цслав., сербск.-цслав. *хлакъ* *ћуаџоџ*, цслав. *нехлакаџа* «беременная». || Обычно считается заимств. из гот. *halks* «пустой, скудный, бедный» ... Сомнительно ввиду различия знач-ий ... Скорее всего, исконнослав., связанное с *холóp*, *хóлост* ...» (Фасмер, 1987, IV, 256). Не без значения видятся два возникающих положения. То, что касается женского с отрицанием *нехлакаџа* «беременная», ср. *непраздная* в том же значении в русском из ст.-слав., иными словами, также и «не пустая», или «полная, наполненная». Получается, что идея или мысль пустоты все же находит, пусть и не прямо, в *холокъ* свое отражение¹¹. И это было бы первое. Вторым можно видеть для *холостой* и для *холок*, а далее *пахолок* и *холóp*, суффиксальные морфы *-ст-*, *-к-* и *-п-*. Над чем стоит задуматься, если не разрешить, и что, следовательно, важно учитывать при разборе.

Итак, объяснения для *холостой* и для *холок* у Фасмера мы не находим, даются сближающие отсылки к *пахолок* и *холóp*. Это второе (опустим слова с тем же корнем в приводимых им славянских языках) сопровождается замечанием: «Все существующие этимологии недостоверны. Сравнивали с гот. *halbs* «полу-, половина», собственно «непарный, нечетный» ... или «служи-

¹¹ Небезынтересным и показательным, возможно и не случайным, видится нечто подобное в лат. *caelebs* (*coelebs*), *lībis adj.* «неженатый (*холостой* или *вдовый*); (*о самце*) одинокий, не имеющий подруги», образованное от *caelo*, *āvi*, *ātum*, *āre* «вырезывать», в то время как *vacua*, ае *f* «одинокая, незамужняя женщина» от *vacuus*, а, *um* «пустой, пустующий, порожний, незанятый». При этом если второе – существительное, то первое – прилагательное, следовательно, то и другое и грамматически различено. К этому стоит добавить и то, что пустота и незанятость соотносится с женским незамужним состоянием и положением, в то время как «неженатость» мужского – с отмечающимся в этимологии (П.Я. Черных) и словаре *Славянские древности* для галицийской легенды «резанием».

тель-евнух» ... при этом предполагалось родство со слав. *xolkъ и *xolstъ ...». Далее Фасмер дает всевозможные как сближения, так и заимствования, которые следует, по его замечанию, отклонить, заключая и, тем самым, противореча себе, в отношении *пахолок*: «Недостовверно родство с *пáхолок* и *хó-литъ*» (Фасмер, 1987, IV, 257). Противоречие это встречаем и в объяснении: «**пáхолок**, род. п. -лка «парень, баловень», зап., вятск. ... От *па-* и *xolkъ; ср. сербск.-цслав. *хлакъ* ѡуаѡс, др.-русск. *холокъ* – то же, цслав. *нехлакая* «беременная». Далее, вероятно, связано с *холоп* и *холу́й*...» (Фасмер, 1987, III, 221). Если принять эту последнюю связь, то у *хол-* в слове *холост* (*холу́й*, др.-рус. *холуи*), следует видеть еще один суффиксальный морф -у́й (-уи), на который можно было бы обратить внимание.

Для более полного представления об этимологиях целесообразным представляется обращение к еще одному словарю. *Этимологический словарь славянских языков* так предлагает рассматривать разбираемое в его корне слово:

***xolkъjъ**: цслав. *хлакъ*, прилаг. ѡуаѡс, saelebs ... др.-русск. *холокыи* ‘холостой’ ... Обращает на себя внимание близость к **xolpъ* (см.) и **xolstъ* (см.), которые, как и **xolkъ*, не имеют соответствий за пределами слав. и оформлены разными слав. суффиксами (ср. еще **xolujъ*, см.). По-видимому, праслав. новообразование **xol-къ* от к. **xol-* < **ksol-/skol-*, представленного в **xoliti* (см.). Идея кастрирования (ср. **xolstъ*, **xolstiti* ...), видимо, все-таки вторична; следует отметить прежде всего функцию **xolkъ* и близких **xolpъ*, **xolstъ* как обозначений молодых существ определенного возраста ... Ср. при этом значение одного из продолжений **xoliti* – ‘стричь очень коротко’. Прочие этимологии маловероятны... (*Этимологический словарь славянских языков*, 1981, 8, 61–62).

В отношении **xolpъ*, на который содержится ссылка в рассматриваемом словаре, отмечается, в первую очередь, его связь с **xolkъ* и **xolstъ*. Опустим приводимые многочисленные образования, в том числе и в диалектах славянских языков, обращающиеся вокруг обозначений мужского разного возраста, вида, строения и положения, типа (лишь для примера) словен. *hlâp* ‘балбес’, чеш. диал. *chlap* ‘взрослый мужчина, мужик’, ‘лоботряс’, ‘красивый, видный человек’, ‘порядочный человек’, ‘женатый мужчина’, словц. *chlap* ‘мужчина, силач, детина’, ‘муж’ или словин. *χliop* ‘мужчина’, ‘муж’, ‘самец’, ст.-польск., соответственно, *chlop* ‘крестьянин, мужик’, ‘мужчина’, польск. ‘(мелкий) земледелец, крестьянин’ ‘мужчина, мужик’, др.-рус. *холоп* ‘несвободный’ ‘слуга’ в его соотношении со ст.-слав. *хлань* ‘слуга, раб’ и русск. *холоп* ‘раб’, ‘крепостной крестьянин’. С точки зрения происхождения предлагается следующее: первоначальное значение у **xolpъ* как ‘кастрированный раб’ (А.И. Соболевский, 1914 г., и то же встречаем у П.Я. Черных) считается менее убедительным, более правильной видится родственная связь с чеш. *pachole*, *pacholek* с привлечением для аналогии возрастных и социальных обозначений *раб*, *роб* и *паробок*, *робя*. С выделением слав. суф.

-р- (что ранее отрицалось) появилась возможность реконструкции **xolo-* ‘молодой человек’ (со ссылками на источник) (*Этимологический словарь славянских языков*, 1981, 8, 63).

В отношении **xolstь* отмечается упомянутая ранее связь с **xolkъ* и **xolpъ* с выделением суф. *-stь* от общего корня **xol-*.

Связь **xolstь*, **xolpъ*, **xolkъ*, **xoliti* (сюда же **xolijъ* не только по этому словарю – П.Ч.) и их семантика реальнее всего указывают на первонач. значение ‘стричь’, ‘стриженный’, а не ‘кастрировать’, как нередко предполагалось, ср. сближение **xolstiti* с **xlastati...* Прослеживаемые у **xolkъ*, **xolpъ*, **xolstь* значения молодости, молодцеватости как-то не вяжутся с кастрацией, но могут быть осмыслены в связи с возрастными обозначениями. Ср. греч. *kóрос*, *ко́рос*, ‘мальчик, сын’, *кóрѣ* ‘девушка’: *κεῖρω* ‘стричь’, *τριχοκομία* ‘обряд острижения волос у подростков’ (*Этимологический словарь славянских языков*, 1981, 8, 65).

Для **xoliti*, **xolijъ* с выделением корня **xol-* в разбираемом словаре отмечается та же связь, с указанием, что «В основе всех частных значений лежит значение ‘стричь, резать’» (*Этимологический словарь славянских языков*, 1981, 8, 65). Ср. также такие примеры отсюда же (с. 64, 61, с указаниями на источники): **xolstiti*: цслав. *хлостити* *evirare* ‘холостить’, русск. *холостить* ‘кастрировать’, диал. *холостить* ‘стричь слишком коротко’ (пск., твер.), ‘обманывать, обирать кого-либо’; диал. *холить* ‘стричь очень коротко’ (пск., твер.), ‘приводить в порядок, чистить, прибирать’, ‘чистить’ (волог., ряз.), ‘стегать, драть’ (твер.).

Объясняется как продолжение **ksol-* от и.-е. **ks-* ‘скрести’, ср. др.-инд. *kṣāláyati* ‘мыть, чистить’, лит. *skaldáuti* ‘мыть, полоскать’. Ср. ... знач. ‘чистить’, ‘мыть(ся)’, а также ‘стегать, драть’ у слав. слова [**xoliti*]. Значения ‘нежить’ и ‘драть’, как известно, родственны, ср. **dročiti* (см.) (*Этимологический словарь славянских языков*, 1981, 8, 61).

Обращаясь вокруг различных этимологий, предполагающих выведение как формальной, так и семантической первоосновы с установлением образовательных и не только образовательных связей, приходим к выводу (ничто не мешает к таковому прийти), что в первоначальном и формирующем отношении корень *хол(о)-* в русском *холост(ой)*, с одной стороны, отражает себя в таких производных, как *холст*, *холоп*, *холуй*, *холить*, *пахолок*, *пахолень* (неженка), *холить* и само собой *холостить* (ограничимся только русским на сей раз материалом, сюда же *нахал*, *подхалим*, о чем речь впоследствии). Со всеми дальнейшими производными каждого слова. С другой своей стороны, в смысловом отношении, опуская возможные не случайные связи, отмеченные в процитированных этимологических словарях, следует говорить об идее стрижения, слишком короткого нередко стрижения, срезания и резания, с развитием далее в сторону подрезания и кастрации.

Все это переходит и переводится на представления: а) возрастного либо, б) социального положения, связываемые, в конечном итоге, с достижением либо недостижением полноправного состояния, с утратой (для кастрируемых рабов) либо приобретением в последующем (для постригаемых юношей, скажем), с одной стороны, социальной позиции в данной общности, на актуальный момент еще недостаточной, а с другой, с тем, что связывается в сознании с отношением к производительности, способности либо неспособности, возможности либо нет, к воспроизводству, созданию потомства.

Холостой при таком восприятии может видаться как 'непроизводительный', 'не дающий потомства' (применительно к человеку и живым существам), 'не работающий в должном режиме', 'не производящий' поэтому соответствующий продукт, полагаемый результат (в отношении артефактов). В отношении человека непроизводительность эта, имея актуализируемый ко времени смысл, может восприниматься с позиции, выражаемой как еще, пока что (такой, поскольку молод, не в браке и не созрел, как первоначальное) или уже, поскольку вырос, перерос, постарел, для представлений более позднего состояния о перестарке-холостяке, либо обрезанный, холощенный, кастрированный, 'остриженный слишком коротко' – для такого раба.

Определяя выявленное на основе этимологических положений и не давая оценки им с позиции достоверности либо недостоверности, поскольку не в этом состояла задача, оттолкнемся в дальнейших своих рассуждениях, предполагающих отражение представлений о возможном развитии и мотивационно-семантических связях разбираемого корня, от того, что находит свое выражение в формально-словообразовательных показателях, суффиксальных, в первую очередь, хотя также и в префиксальных, которые, присоединяясь, определяют значение корня в том или ином отношении. Возьмем для этого те значения, которые не то, чтобы были самодостаточны и очевидны, но полагали бы некое обобщение.

На основе приведенного материала можно было заметить, что интересующий нас корень *хол(о)*- русского языка (русского, поскольку в нем этот корень наиболее полно представлен, как свидетельствует все тот же этимологический материал), как уже отмечалось ранее, встречается в словообразовательных формах *холост(ой)*, др.-рус. *холок, холоп, холуй*, а также, не без сомнений и оговорок, в слове *холст* (см. у П.Я. Черных¹²) и *холити* с его производными *пахолок, пахольень*. К этому необходимо добавить отмеченные и ранее *нахал, подхалим*.

¹² «Старшее знач. этого слова, возможно, было «отрезок, кусок холста (грубого, толстого полотна) определенной формы (для мешка, попоны, половика и др.)». Если так, то, м.б., по корню (о.-с. *chъl-) рус. холст восходит к и.е. *(s)kel- [: *skl̥-] – «резать», «сечь», «рубить» (с перестановкой начальных sk > ks > kch на слав. почве). Некоторое затруднение тогда представила бы лишь концовка -st(ь). М.б., из *chъl-t-t- или chъl-d-t-, где первый зубной – расширитель дославянской эпохи» (Черных, 1999, II, 349).

В отношении *нахал* П.Я. Черных отмечает следующее (выберем только то, что может иметь значение для дальнейшего):

... грубый, бесцеремонный человек» ... В других слав. яз. лишь как заимствование из русского ... В русском языке слово *нахал* – довольно позднее ... ◦ Корень тот же, что в *охальник*, *подхалим*, в абляute – в *холуй*, а также в *шалить* (см.) ... И.-е. корень, м.б., *skēl- : *skōl- ... «гнуть», «сгибать», также «кривой», «искривленный», «извращенный» (с перестановкой *ksel- : *ksol- на о.-с. почве, откуда (ks > kch > ch) *chol- : *chal-; *šal- (Черных, 1999, I, 562).

Можно бы отметить попутно, если не противоречие, то некоторую непоследовательность, в представлении значения индоевропейского корня, у автора не объясняемое. Связывая *нахал*, *подхалим*, *охальник* с *холуй* и *шалить*, у первых трех Черных отмечает корнем *skēl- : *skōl- со значениями ‘гнуть’, ‘сгибать’ и последующие, в то время как для двух других этот корень выглядит в форме *(s)kel- (по-видимому, как вариант?) в значениях ‘резать’, ‘отделять’, предлагая в отношении *шалить* видеть в этом случае с семантической точки зрения сходство с *резвый* (от рѣзати) (Черных, 1999, II, 400).

Можно ли считать это разными значениями одного и того же корня и, если да, то как смотреть на такой переход? Оставим, однако, этот вопрос без уточнения, как требующий погружения в индоевропейский по своему происхождению материл. Еще раз приходится повторить, что при различии и неочевидности предлагаемых разными авторами этимологий, опора на них может иметь характер предположительный, в связи с чем дальнейшее построение попробуем выводить с учетом не только и не столько этимологических, сколько имеющихся лексико-семантических данных. Та смысловая модель¹³, к отражению которой мы будем стремиться, по этим причинам будет иметь допустимый характер, передавая не столько действительное с точки зрения происхождения положение вещей (утверждать однозначно что-либо с этих позиций было бы делом рискованным), сколько в концептуальном отношении вполне вероятное. В концептуальном, поскольку так можно мыслить и такое предполагать и такие (равно как и другие какие-то близкие)

¹³ В работах последних лет все чаще говорится о необходимости связи процессов семантики с особенностями восприятия и отражения в сознании явлений реальной действительности, с так называемыми концептами в том числе. См. для примера: (Лапшина, 1996), (Убийко, 2004), (Морель, 2010), (Кустова, 2016). Анализ типов семантических изменений, основанный на когнитивных предпосылках предлагает, в частности, М.Н. Лапшина (1996, 12–13). Тем не менее, как отмечает Н.Ю. Шабалина, «... в современной лингвистике еще не сложилась универсальная система взглядов на семантическую деривацию как средство концептуализации действительности» (Шабалина, 2007, 3). Говоря о посреднической функции языка между человеком и внеязыковой реальностью, Г.И. Кустова отмечает: «... язык и сам несет в себе отпечаток человеческих способов освоения реальности» (Кустова, 2000, 85). Отнюдь не случайно в этой связи исследователи во многих работах поднимают вопрос о моделях.

представления не противоречат тому, что имеется, может иметься в языке-вом и не только языковом сознании носителей данной ментальной культуры.

Принимая, однако, представленные в этимологиях соотношения, можно было бы говорить о том, что разбираемый корень *хол(о)-/хал-/шал-* русско-го языка, сочетаясь с суффиксальными морфемами *-к-* (для *холок*), *-ст-* (у *холост*), *-п-* (*холоп*), *-уй-*, др.-рус. *-уй-* (*холуй* и *халуи*), *-ити* (*холити*, *шалить*), *-т-* (для *холст*, поскольку *-с-*, согласно Черных, предположительно диссимилятивный итог зубного расширителя первого *-t-/-d-* в *-t-t-/-d-t-*), префиксальным *на-* (*нахал*), префиксально-суффиксальным *под-* ... *-им* (*подхалим*), – сочетаясь с этими морфемами первой ступени, при которых возможны последующие, в семантическом отношении разбираемый корень дает результат, который, в известном его обобщении, можно было бы видеть следующим (с той оговоркой, что в приложении к человеку):

	<i>-к-, -ст-</i>	‘неженатый’ как „коротко стриженный” и ‘непродуктивный’
	<i>-п-</i>	‘раб’, ‘слуга’, ‘крепостной’, ‘крестьянин, мужик’
<i>хол(о)-/хал-/шал-</i>	<i>-уй-</i> <i>-уй-</i>	‘слуга’, ‘лакей’
* <i>холо-</i> ‘молодой человек’	<i>-ити</i> (<i>хол-</i>) <i>-ити</i> (<i>шал-</i>)	‘нежить’, ‘баловать’, ‘ухаживать, заботиться’ ‘проказничать’, ‘резвиться’, ‘дурачиться’
	<i>-т-</i>	‘полотно’, ‘кусок, отрезок грубого полотна’
	<i>на-</i>	‘грубый, бесцеремонный, наглый’
	<i>под-</i> ... <i>-им</i>	‘лстивый угодник’, ‘унижающий себя и других перед кем-л. с целью добиться его расположения’

Вопрос, который возникает в связи с поставленной задачей, а с ним затем еще один, последующий, заключался бы в том, чтобы решить (исходя из концептуально допускающей возможности), – что все эти представленные в правой части таблицы проекции объединяет, имеется ли некий контрапункт (будем полагать, что имеется), из которого все это исходит и на который, опять же в концептуальном отношении, опирается? И с этим, как следствие, в каких смысловых, ментальных, направлениях лучами расходится все дальнейшее, а также чем и как все эти расхождения можно бы объяснить? Добавим к этому, что, исходя из прилагаемых к корню морфов, оттакаяваясь от них в семантике, нашедшей свое выражение в вербализованных формах, при рассмотрении названных семантических направлений мы будем от этих морфов отвлекаться. Так же как при последующем словообразовании – от морфов, с переводом значения в другой класс (типа *холостить* ‘кастрировать’, *холостак* ‘рыбий самец’, *холостянка* ‘похлебка’) и затем от называемых словами с данным корнем объектов, типа *холостой патрон*, *холостая постройка* и т.п. С тем чтобы впоследствии прийти к выводу о том,

какой, с одной стороны, можно себе представить в отношении данного корня смысловую матрицу, парадигматическую схему, моделирующую сеть (не суть важно, как это назвать, важно в параметрах, ее составляющих, определить и увидеть). А с другой, на какие классы или группы объектов может эта сеть в ее значениях распространяться, что она может в составе своих семантических проекций в номинативном отношении предполагать¹⁴. Отдавая себе отчет в том, что задача эта в ее более или менее полном виде в пределах ограничения объемом невыполнимая, автор видел возможность ее решения как постановку и намечаемый процедурный подход.

Возвращаясь к представленной мысли и передавая ее в обобщении, смысл подхода к определению и описанию разбираемых параметров можно свести к положению о соотношении учитываемых при подобного рода анализе четырех сторон:

1. Того, что исходит и следует из этимологий, выводится и формируется на их основе (примерами были бы те проекции, которые нашли свое выражение в словарях).

2. Того, что себя полагает как следствие словообразовательных воплощений, передаваемых с помощью соответствующих формантов, но воспринимаемых, способных восприниматься, с позиции выражаемого смысла, вне их. Форманты, тем самым, лишь оформляют, позволяя увидеть и распознать, то, что, собственно говоря, к ним таковым для сознания (по крайней

¹⁴ О семантической схеме, или модели, при изменении состояния объекта на материале изучения глаголов пишет Г.И. Кустова, замечая также, что «в результате расширения сферы приложимости исходной единицы происходят соответствующие модификации значения», а «при изменении типа актантов происходит категориальный сдвиг значения», отмечая это как синтагматический фактор. Под парадигматическим фактором она понимает семантическую парадигму, или класс (глаголов), и тип исходного значения, выделяя также в качестве очередного фактора, влияющего на семантические изменения и тип производного значения, семантический процесс (метафорические и метонимические переносы, расширение и сужение значения) (Кустова, 2000, 87–88). Показательно также в указанном случае следующее замечание Н.П. Тропиной: «Одной из важнейших задач семантической дериватологии является, на наш взгляд, теоретическое обоснование использования при изучении и описании семантической деривации понятия модели ... адаптация этих понятий к особенностям семантической деривации; выделение продуктивных моделей семантической деривации, действующих в языке» (Тропина, 2003, 4). Обосновывая все это, Тропина идет еще далее, предлагая, при изучении деривационных процессов, мультипарадигмальный, по ее определению, подход «со стороны семантики, синтагматики, прагматики, ономазиологии, с применением методологии, методов и приемов, разработанных и апробированных как традиционным описательным языкознанием, так и другими исследовательскими направлениями – структурной лингвистикой, функциональной лингвистикой, социопсихолингвистикой, когнитивной лингвистикой». Семантическая деривация в этой связи рассматривается ею «в нескольких исследовательских парадигмах: ономазиологической, эпидигматической (деривационно-семасиологической), синтагматической, этносоциопсихологической (с точки зрения отражения этнических стереотипов и влияния на языковую картину мира)» (Тропина, 2003, 7).

мере, на первой ступени от корня) не всегда имеет свое отношение: *-ст-*, *-(с)т-* в *холостой* и *холст*, равно как и *-н-* или *-уй* в *холоп* и *холуй* как смысловые отдельности не воспринимаются и значения слова не передают. Другое дело в таких словах, как *холопство*, *холопка*, *холуйство*, *холстина*, *холостяк*, *холостежь* – ступень словообразования не исторического, на которой первоначальный корень, не воспринимаясь и видясь в составе своих обособленных производных *холоп-*, *холуй-*, *холст-*, *холост-*, предполагает осознаваемую очевидность морфемных значений у *-ств(о)*, *-к(а)*, *-ин(а)*, *-ак*, *-ожь*, не говоря о последующих образованиях типа *холопствовать*, *холуйствовать*, *холстинный*, *холостяцкий*, *холостежный* и пр.

3. Того, что находит свое выражение в семантической деривации в виде отдельных значений, оттенков значений у слова, а также словоупотреблений, как узуальных, так и не узуальных, с переходом, предполагающим смену класса объектов обозначения, типа *холостая утка*, *холостой бык*, *холостые щи*, *холостая постройка*, *холостой снаряд*, *холостой пробег* и т.п., в отношении узуальных употреблений, или что-нибудь вроде *холостое стояние*, *холостые будни*, *холостой диван* (как ничем не застеленный) для не узуальных. В эту же группу необходимо добавить значения и оттенки значений, находящие свое отражение в говорах и о чем еще будет речь: *холостой налог* (на бездетность), *холостые рыбы* (выметавшие икру), *холостые помидоры* (без завязей), *холостой сруб* (без прокладки мха между бревнами) для примера, и таких очень много.

4. Того, что можно определять как парадигматико-концептуальный потенциал, предполагающий как необходимости, так и возможности реализованных и способных к реализации проявлений. Потенциал, который в отношении разбираемого корня, с учетом его воплощений на первой ступени, самостоятельных и изолированных, не воспринимаемых современным сознанием как связанные между собой, предполагает ту самую матрицу или сеть, о которой ранее говорилось.

Не то, чтобы действие, но, скорее, существование этой сети и матрицы, можно и, как представляется, следует полагать и, тем самым, выводить и описывать, с одной стороны, как самосущее и внеположенное по отношению к двум из трех упомянутых перед этим сторон, в пунктах 2 и 3, т.е. словообразовательной и семантической деривации, с появлением новых форм и значений. В то же время, с другой стороны, невозможно и ни в коей мере не следует отрицать неизбежной связи концептуального потенциала с тем, что находит свое выражение в дериватах, – связи, направленной, в первую очередь, от него, поскольку им управляется смысловая и с этим формальная необходимость, определяемая номинативной потребностью. Равно как и действия, точнее воздействия, с их стороны, со стороны появившихся и, в первую очередь, общепринятых и освоенных дериватов. Такого воздействия, которое, результируясь и оседая, указанный парадигматико-концеп-

туальный потенциал, не ощущаемый, но действующий для сознания как матрица или сеть, в составе параметральных его показателей организует и оформляет.

Существуя вне номинативных своих отражений, принимающих форму и вид дериватов соответствующих слов и корней, потенциал, о котором речь, их появление вызывает и тем себя в них воплощает, но, существуя до них и вне их, оформляется, складываясь и уточняясь, с опорой на них, как от них на себя свое обращенное следствие. Об этом самом парадигматико-концептуальном потенциале и будет, собственно, речь, с рассмотрением и привлечением словообразовательных форм и значений с оттенками у разбираемого первоначального корня *хол(о)-*, как для возможности соотношения с ним, так и для очевидности его выявления.

Прежде чем расширить представленный материал для возможности более полного рассмотрения того, о чем говорилось в последнем, 4-м, пункте, обратимся к тому, что имелось, будучи выведенным, на основе первой ступени образований от *хол(о)-*, что нашло свое выражение в таблице и что привело к постановке вопроса об объединяющем смысловом (парадигматико-концептуальном, как теперь можно добавить и уточнить) контрапункте и о следующих из него направлениях-лучах.

То, что получится, будет по внешнему виду представлять собой проявления первой ступени для корня *хол(о)-*. По внешнему виду, но не существу. По существу речь пойдет об имеющихся в сознании и для сознания представлениях, которые, будучи связаны между собой, переходят одно в другое, взаимодействуют, движутся и развиваются. Это движение и развитие, расширение, распространение их находит свое выражение в номинации¹⁵, поскольку имеет исходно не только ментальный, но и коммуникативный характер, в стремлении выразить то, что замечено, для других. Этим других, равно как и того или тех, кто что-либо обозначает и называет, не следует, собственно говоря, различать, имея в виду стоящего за всем этим множественного Субъекта – Субъекта языкового и не только языкового сознания и вместе с тем и другим языка.

Имея ментальный и одновременно коммуникативный характер, то, о чем речь (понимаемое как матрица, сеть, парадигматико-концептуальный потенциал), вместе с тем неизбежно является средством и способом отражения, переосмысления и ощущения представлений о мире, тем, отчасти, что

¹⁵ В литературе предмета это определяется как преобразования, семантические сдвиги, имеющие в ряде случаев категориальный характер. См., для примера: (Кубрякова, 1991), (Кудрявцева, 1993), (Гак, 1998), (Антонова, 2003) и др. О семантических сдвигах при описании системы значений лексемы, с установлением отношений между отдельными значениями внутри нее, т.е. типах семантических сдвигов, с изучением их механизмов, на материале адъективной лексики см. показательную работу: (Рахилина, Карпова, Резникова, 2009), а также их же (2010).

принято называть языковой картиной мира, просто картиной мира, моделью мира и пр. Не будем, однако, входить в рассмотрение всех этих дескрипций и их пониманий, о чем написано очень много и что, вместе с тем, не входило в задачу, а даже самый краткий обзор, заняв место, лишь уводил бы в сторону. В данном месте необходимо было единственно указать на подобную связь, видя смысл предлагаемой работы в наглядном, на базе выбранного материала для корня *хол(о)-*, главным образом русского языка, отображении того, что за всем этим материалом стоит, что способно (было способно) его вызвать к жизни и воплотить и что, вместе с тем, не могло бы, но не существовать, а быть оформленным без него (что приходится повторить для связи и в завершающем сказанное обобщении).

Итак, возвращаясь к тому, что нашло свое отражение в таблице и что было бы выражением, но лишь условным, поскольку не для сознания современных носителей языка, соотношения концептуального со словообразовательно его оформляющим (это последнее, впрочем, не будет иметь значения для того, о чем пойдет речь), – возвращаясь к представленному в таблице, объединяющей концептуальной точкой, с необходимым уточнением приложимости к человеку, за концептуальным неисключением на данном этапе, с учетом первой ступени, также *холста*, было бы то, что можно выразить широко понимаемым недо-, с представлением о недотягивании, недостижении, недостаточном соответствии тому, что можно воспринимать как полное, как достигнутое, неущербное, нормативно желательное и самодостаточное.

Если, опять же условно, представить себе какую-то концептуально, если не осознаваемую, то ощущаемую, чувствуемую, линию, или черту, на которой и над которой находится все, что не ‘недо-’, как некий возможно желательный и не требующий довосполнения, поскольку самодостаточный, норматив, то все, что, косвенно или прямо, будет касаться ментальности, передаваемой с помощью *хол(о)-* в составе его производных, будет себя относить к положению под этой линией и чертой. Иными словами, это то ‘недо-’, которое для сознания и в сознании себя обретает в ущербе, недовосполненности, недостаточности и неполноте, этимологически связываясь будь то с идеей ‘резанности, обрзанности, слишком короткой обрзанности, иссекновения, отсекания, отрезания, срезания, сечения, рубленности’ и т.п., будь то с идеей, внутренне связанной с этим всем, но не осознаваемой недостигнутости (*пока и еще* либо *перешедших в уже*) необходимого стадийного положения.

Сказанное было бы тем объединяющим глубоко посаженным контрапунктом, который в себя собирает, но и из себя, излучая, затем отдает концептуальные и смысловые свои ответвления в том, что мыслится и может мыслиться, для людей, но не только людей, что будет показано далее, как недотягивание и недостаточность в социальном, возрастном, поведенческом (для людей) отношениях, в приложимости к назначению, к способно-

сти производить, иметь, содержать в себе, обладать (для людей, для живых существ, объектов живой и неживой природы, предметов, орудий, средств, материалов и пр. как артефактов).

Ответвления скрытого объединяющего все остальное пункта начинают себя проявлять, исходя из потребностей называния и, тем самым, с опорой на парадигматико-концептуальную схему как внутренний потенциал, в отношении того, что видится важным для обозначения, поскольку входит в имеющиеся представления о мире. В первую очередь, такие и те, которые составляют действительность существования применительно к взаимодействию с ней человека. Это не мир как таковой, а тот мир в его ограничении кругом контактов и функционирования, в котором живет человек в окружении объектов, с которыми ему приходится иметь дело.

И тогда скрытый от непосредственного осознания семантический пункт недотянутости и недостаточности проявляет себя в отношении тех и того, кто, достигши определенного возраста, не достиг пока еще, не осуществил следующей из этого, важной с общественной точки зрения, необходимости приобретения пары и вступления в брак, с тем чтобы, имея потомство, членов общины, тем самым, производить. Будучи важным, подобное представление реализует себя с помощью корня *хол(о)-*, выражаясь, поддерживаясь также и словообразовательно при посредстве формантов *-к-*, *-ст-*. Появляются *холокъ* и *холостъ*, за которыми, при назывании не состоящего в браке, скрыто стоит представление о недотянутости его социального положения по сравнению с другими при соответствующем возрасте и о нем же как о 'недопроизводителе'. Из чего далее следуют представления о его неполноте, несостоятельности на данный момент, неисполненности, неполноценности, которые, обрастая коннотациями несоответствия и ущербности по сравнению с другими – в социальной и функциональной проекциях, становятся средством как ритуальной в известных случаях, так и общественной маргинализации. Отсюда то, что *холостой* – *полчеловека* и *не человек* (на что обращалось внимание ранее), не состоявшийся человек, во всяком случае на данный момент, и *недо*человек (опуская аллюзии нищезанятия), в значении 'недошедший' пока что еще человек – до того положения, которое требуется и соответствовать которому ему надлежит. И это была бы проекция, применительно к человеку-объекту, как уже отмечалось, социальная, точнее общинная и родовая, и с этим, как следствие и во взаимной связи, витально-функциональная, с оценкой его неисполненности в этом втором и несоответствия, применительно к данной общности, в первом случае.

Следующая проекция, опуская, может быть, важное, а может, неважное, представление об 'обрезанности' в физическом смысле (кастрированный раб), выводимое в ряде этимологий, предполагает 'обрезанность', точнее 'урезанность', в социальном и, как следствие, правовом отношениях. Это также по существовавшим понятиям *недо*человек, поскольку неполноправ-

ный, ущербный, урезанный член и не член данной общности по сравнению с другими. Представление это, связываемое либо не связываемое первоначально с его физической неполноценностью подразумевая то, что он евнух, но несомненно связываемое с неполноценностью статусно-правовой, обуславливающей его ограниченность и маргинализованность, а с этим оценочность и коннотации, оформляется, в силу того, что реально имеются такие людские объекты и их надо назвать, также словообразовательно с помощью суффикса *-н-*. И отсюда *холоп*.

Представление о молодом как ‘коротко стриженном’, но лишь исходно (греч. *κόρος*, *κοῦρος*, ‘мальчик, сын’, *κόρη* ‘девушка’: *κεῖρω* ‘стричь’, в связи с обрядом стрижения у подростков), на первый взгляд, несколько неожиданно, но если задуматься, то в продуцирующем семантику потенциале стоит все то же *недо-*, и тогда представление не о ‘коротко стриженном’, а о молодом как еще недостигшем, позиции, положения, состояния, с переносом на возраст и то, что с ним неизбежно связано, оформляется в *холити* и *шалити*. Как то, что характерно для несовершенного и неполного возраста у человека, с дальнейшими производными в *пахолок*, *пахольень*, *pacholek*, *pachole* и пр. И как ребенок, и как оруженосец, поскольку мальчик-слуга, слуга по возрасту, а не ‘обрезанному’ своему положению, как *холоп*.

Соотношение возрастного и социального, как известно, было активным и тесным, в известном смысле не различаемым, для эпохи средневековья, концептуально слитым в одно. Ср.: *дети боярские* (дружина боярина, князя, отсюда *детинец*, где они собирались), *челядь* ‘слуги, рабы, невольники’, ‘дворня’ и олон. ‘дети’, ‘мальчики’, болг. *челяд* ‘потомство, род, дети’, с.-хорв. *чѣльад* ‘члены семьи’, ‘домашние’, чеш. *čeled* ‘прислуга’ и т.п. по слав. языкам, *чадо* ‘ребенок, дитя’ и собир. *чадь* ‘дети’ и ‘люди’, ‘народ’, ‘дружина’, *ребенок*, *ребята*, *ребя*, *робя*, *ребята*, *робята*, того же корня, что *раб*, др.-рус. *отрок* ‘дитя, подросток’, а также ‘слуга, раб, работник’; ‘дружинник, воин’, общеслав. **от(ъ)рокъ*, с корнем **рок-* (*речь*), ‘не говорящий’ как ‘не имеющий права речи, права голоса в жизни рода и племени’. (Черных, 1999, I, 611). Неполноправность детей, в связи с тем же отроком, лишенным права, не будучи спрошенным, говорить, в польском находит свое отражение в известной пословице *Dzieci i rybu głosu nie mają*, с отнюдь не случайным уподоблением рыбам¹⁶.

Обращаясь в связи со сказанным к далеко не простому слову *холуй*, суффиксальный морф которого сам по себе создает затруднение, видится необ-

¹⁶ Рассуждение об этом подобии заняло бы немало место и уводило бы в сторону, поэтому мы его лишь отметим в связи не с одним только правовым, но и сущностным, несовершенством детей, недостижимостью ими полного состояния, их недостаточностью и неполнотой, возрастной, но при этом как социальной и функциональной. Ср. рус. *несовершеннолетний* и польск. его соответствие *nierpełnoletni*, легко ассоциирующееся с *niespełna (rozumi)*.

ходимым отметить два обстоятельства. При достаточной очевидности, по крайней мере на первый взгляд, его социальной и затем поведенческой, в отнесении к человеку, проективности применительно к *недо-*, у Даля в его словаре как основная дается форма *халуй*, а *холуй* как вторичная. И это различие, пусть и чисто формальное, нельзя сказать, чтобы с семантической точки зрения было не значимым. Это первое. Второе, связанное с этим первым, а может, и нет, заключается в том, что у этого слова немало отнюдь не близких по своей сути значений, из которых для современности (минуя говоры) сохранилось, собственно говоря, одно – ‘слуга’, ‘лакей’ (уже устаревшее, и так отмечает МАС) и его производное бранно-презрительное не устаревшее ‘раболепствующий прислужник (при ком-то и у кого-то)’, ‘низкий угодник’ и ‘подхалим’.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антонова, С.М. (2003). *Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации*. Гродно: Гродненский университет.
- Гак, В.Г. (1972). *К проблеме общих семантических законов*. В: *Общие и романское языкознание* (151–152). Москва: Издательство Московского университета.
- Гак, В.Г. (1977). *К типологии лингвистических номинаций*. В: *Языковая номинация: Общие вопросы* (230–293), Б.А. Серебrenников (ред.). Москва: Наука.
- Гак, В.Г. (1998). *Языковые преобразования*. Москва: Языки русской культуры.
- Даль, В.И. (2000). *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 4. Москва: Русский язык.
- Зализняк, А.А. (2001). *Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов»*, Вопросы языкознания, № 2, 13–25.
- Зимин, В.И. (2012). *Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений*. Москва: Аст-Пресс Книга.
- Кубрякова, Е.С. (1981). *Типы языковых значений. Семантика производного слова*. Москва: Наука.
- Кубрякова, Е.С. (1991). *О понятии семантического сдвига в естественном языке*. В: *Лингвистическая семантика и прагматика* (8–10). Москва–Харьков.
- Кудрявцева, Л.А. (1993, 2004). *Моделирование динамики словарного состава языка*. Киев: ИПЦ «Киевский университет».
- Кустова, Г.И. (2000). *Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений*, Вопросы языкознания, № 4, 85–109.
- Кустова, Г.И. (2004). *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. Москва: Языки славянской культуры.
- Кустова, Г.И. (2016). *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. Москва: Флинта, 2016.
- Лапшина, М.Н. (1996). *Семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале английского языка)*. Автореферат. Диссертация кандидата филологических наук, доступ: 10.02.2004. Санкт-Петербург.
- Морель, Д.А. (2010). *Виды семантической деривации и проявления интеграционной активности концептов*, Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова Общественные науки, № 4, 132–138.

- Мурзин, Л.Н. (1984). *Основы дериватологии*. Пермь: Пермский университет.
- Рахилина, Е.В., Карпова, О.С., Резникова, Т.И. (2009). *Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие*, Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). Москва: РГГУ, 420–425.
- Рахилина, Е.В., Карпова О.С., Резникова Т.И. (2010). *Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг (396–455)*. В: *Лингвистика конструкций*, Е.В. Рахилина (отв. ред.). Москва: Азбуковник.
- Розина, Р.И. (2002). *Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации*, Вопросы языкознания, № 2, 3–15.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н.И. Толстого.* (2012). Т. 5, Москва: Международные отношения.
- Словарь русского языка в четырех томах (МАС)*. (1984). Изд. второе, испр. и доп., А.П. Евгеньева (гл. ред.). Т. IV. Москва: Русский язык.
- Телия, В.Н. (1977). *Вторичная номинация и ее виды*. В: *Языковая номинация: Виды наименований (129–221)*, Б.А. Серебренников (ред.). Москва: Наука.
- Телия, В.Н. (1981). *Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке*. Москва: Наука.
- Тропина, Н.П. (2003). *Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование*. Херсон: Изд. ХГУ.
- Убийко, В.И. (2004). *Концептосфера человека в семантическом пространстве языка*, Вестник Оренбургского государственного университета, № 5, 37–40.
- Уфимцева, А.А. (1977). *Лексическая номинация (первичная, нейтральная)*. В: *Языковая номинация: Виды наименований (5–85)*, Б.А. Серебренников (ред.). Москва: Наука.
- Фасмер, М. (1987). *Этимологический словарь русского языка. В четырех томах*. Изд. второе, стереотипное. Т. IV. Москва: Прогресс.
- Черных, П.Я. (1999). *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. 3-е изд., стереотипное. Т. I–II. Москва: Русский язык.
- Шабалина, Н.Ю. (2007). *Когнитивные модели субстандартной семантической деривации (на материале тематической группы субстандартных глаголов умственной деятельности современного английского и русского языков)*. Автореферат. Диссертация кандидата филологических наук, доступ 10.02.2020. Тюмень.
- Шапилова, Н.И. (2012). *Семантическая деривация как основа системного и функционального взаимодействия лексических единиц*, Вестник Кемеровского государственного университета, т. 4, № 4 (52), 211–214.
- Шмелев, Д.Н. (1973). *Проблемы семантического анализа лексики*. Москва: Наука.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. (1981). Вып. 8 (*ха–*jъвьlga), О.Н. Трубачев (ред.). Москва: Наука.

- Antonova, S.M. (2003). *Glagoly govoreniya – dinamičeskaya model' yazykovoi kartiny mira: opyt kognitivnoi interpretatsii*. Grodno: Grodnenskii universitet.
- Chernykh, P.Ya. (1999). *Istoriko-etimologičeskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. 3-e izd., stereotipnoe. Т. I–II. Moscow: Russkii yazyk.
- Dal, V.I. (2000). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. Т. 4. Moscow: Russkii yazyk.
- Etimologičeskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksičeskii fond*. (1981). Vyp. 8 (*kha–*jъвьlga), O.N. Trubachev (red.). Moscow: Nauka.

- Fasmer, M. (1987). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V chetyrekh tomakh*. Izd. vtoroe, stereotipnoe. T. IV. Moscow: Progress.
- Gak, V.G. (1972). *K probleme obshchikh semanticheskikh zakonov*. V: *Obshchee i romanskoe yazykoznanie* (151–152). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Gak, V.G. (1977). *K tipologii lingvisticheskikh nominatsii*. V: *Yazykovaya nominatsiya: Obshchie voprosy* (230–293), B.A. Serebrennikov (red.). Moscow: Nauka.
- Gak, V.G. (1998). *Yazykovye preobrazovaniya*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Kubryakova, E.S. (1981). *Tipy yazykovykh znachenii. Semantika proizvodnogo slova*. Moscow: Nauka.
- Kubryakova, E.S. (1991). *O ponyatii semanticheskogo sdviga v estestvennom yazyke*. V: *Lingvisticheskaya semantika i pragmatika* (8–10). Moscow–Kharkov.
- Kudryavtseva, L.A. (1993, 2004). *Modelirovanie dinamiki slovarnogo sostava yazyka*. Kiev: IPTs «Kievskii universitet».
- Kustova, G.I. (2000). *Kognitivnye modeli v semanticheskoi derivatsii i sistema proizvodnykh znachenii*, *Voprosy yazykoznaniiya*, № 4, 85–109.
- Kustova, G.I. (2004). *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury.
- Kustova, G.I. (2016). *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya*. Moskva: Flinta.
- Lapshina, M.N. (1996). *Semanticheskaya derivatsiya v kognitivnom aspekte (na materiale angliiskogo yazyka)*. Avtoreferat. Dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk, dostup: 10.02.2004. St. Petersburg.
- Morel', D.A. (2010). *Vidy semanticheskoi derivatsii i proyavleniya integratsionnoi aktivnosti kontseptov*, *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova Obshchestvennye nauki*, № 4, 132–138.
- Murzin, L.N. (1984). *Osnovy derivatologii*. Perm: Permskii universitet.
- Rakhilina, E.V., Karpova, O.S., Reznikova, T.I. (2009). *Modeli semanticheskoi derivatsii mnogoznachnykh kachestvennykh prilagatel'nykh: metafora, metonimiya i ikh vzaimodeistvie*, *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2009»* (Bekasovo, 27–31 maya 2009 g.). Vyp. 8 (15). Moscow: RGGU, 420–425.
- Rakhilina, E.V., Karpova O.S., Reznikova T.I. (2010). *Semanticheskie perekhody v atributivnykh konstruktivnykh: metafora, metonimiya i rebrending* (396–455). V: *Lingvistika konstruktivnykh*, E.V. Rakhilina (otv. red.). Moscow: Azbukovnik.
- Rozina, R.I. (2002). *Kategorial'nyi sdvig aktantov v semanticheskoi derivatsii*, *Voprosy yazykoznaniiya*, № 2, 3–15.
- Shabalina, N.Yu. (2007). *Kognitivnye modeli substandartnoi semanticheskoi derivatsii (na materiale tematicheskoi gruppy substandartnykh glagolov umstvennoi deyatel'nosti sovremennogo angliiskogo i russkogo yazykov)*. Avtoreferat. Dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk, dostup 10.02.2020. Tyumen.
- Shapilova, N.I. (2012). *Semanticheskaya derivatsiya kak osnova sistemnogo i funktsional'nogo vzaimodeistviya leksicheskikh edinit*, *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, t. 4, № 4 (52), 211–214.
- Shmelev, D.N. (1973). *Problemy semanticheskogo analiza leksiki*. Moscow: Nauka.
- Slavyanskie drevnosti. Ehtnolingvisticheskii slovar' pod obshchei redaktsiei N.I. Tolstogo*. (2012). T. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh* (MAS). (1984). Izd. vtoroe, ispr. i dop., A.P. Evgen'eva (gl. red.). T. IV. Moscow: Russkii yazyk.
- Teliya, V.N. (1977). *Vtorichnaya nominatsiya i ee vidy*. V: *Yazykovaya nominatsiya: Vidy naimenovaniia* (129–221), B.A. Serebrennikov (red.). Moscow: Nauka.

- Teliya, V.N. (1981). *Tipy yazykovykh znachenii. Svyazannoe znachenie slova v yazyke*. Moscow: Nauka.
- Tropina, N.P. (2003). *Semanticheskaya derivatsiya: mul'tiparadigmal'noe issledovanie*. Kherson: Izd. KHGU.
- Ubiiko, V.I. (2004). *Kontseptosfera cheloveka v semanticheskom prostranstve yazyka*, Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, № 5, 37–40.
- Ufimtseva, A.A. (1977). *Leksicheskaya nominatsiya (pervichnaya, neutral'naya)*. V: *Yazykovaya nominatsiya: Vidy naimenovaniy* (5–85), B.A. Serebrennikov (red.). Moscow: Nauka.
- Zaliznyak, A.A. (2001). *Semanticheskaya derivatsiya v sinkhronii i diakhronii: projekt «Kataloga semanticheskikh perekhodov»*, Voprosy yazykoznanii, № 2, 13–25.
- Zimin, V.I. (2012). *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazhenii*. Moscow: Ast-Press Kniga.

Пётр Червинский

 <https://orcid.org/0000-0001-6575-5736>

Uniwersytet Śląski w Katowicach

Wydział Humanistyczny

41-206 Sosnowiec, ul. Grota-Roweckiego 5

czervinski.piotr@gmail.com

**О мотивационной соотносительности
лексико-семантических дериватов
(на примере одного славянского корня). *Chol- и его производные**

**On the Motivating Relation of Lexical-Semantic Derivatives
(One Slavonic Root as an Example). *Chol- and its Derivatives**

Резюме

С привлечением этимологического, исторического, диалектного, а также современного общепотребительного литературного материала рассматривается семантика, в первую очередь, русскоязычного корня *хол(о)-*, отчасти в сопоставлении с рядом славянских языков в контексте особенностей и отличия. Последовательно выводится общее и типичное в значениях таких слов, как *холостой*, *холон*, *холуй* и др. На базе этого общего прослеживаются далее возможные ответвления в развитии исходных значений. Обращается внимание на специфику не выделяемых уже в настоящее время суффиксов *-ст-*, *-н-*, *-уй* и подобные, с представлением их воздействия на семантику корня при формировании лексем. Анализ подводит к возможности выделения парадигматико-концептуальной схемы и потенциала, лежащих в основе моделирующего развития определяемого круга слов с опорой на их корневую семантику. В завершение выводится и представляется в наглядном типологическом виде, с опорой на составляющие семантические признаки, указанная концептуальная схема-модель для семантики *холостой* в отношении русскоязычного ареала, с учетом общепотребительных и диалектных употреблений.

Ключевые слова: семантика корня, этимология, диалекты, языковое сознание, парадигматико-концептуальный потенциал, развитие значений.

Summary

This article discusses the primarily Russian root *хол(о)-* based on the etymological, historical, and dialectal material as well as contemporary literary common language. The material is partly contrasted with some Slavonic languages in terms of features and differences. Common and indi-

vidual features are highlighted within the meanings of such words as *холостой*, *холоп*, *холуй* and others. This is taken as a starting point for revealing further possible branches in the development of the original meanings. The author focuses on the specificity of the suffixes that are not currently isolated, *-cm-*, *-n-*, *-yü*, and similar. The author also shows the influence of these suffixes on the root semantics in the process of shaping lexems. The analysis demonstrates that it is possible to identify a paradigmatic-conceptual scheme and potential which underlie the development model of the word range in question and the semantics of their root. At the end, the scheme is shown in an illustrative and typological perspective next to the semantic features of the *холостой* lexem. The conclusions address the Russian linguistic domain covering the usage in the dialects and in the common language.

Keywords: the root semantics, etymology, dialects, linguistic awareness, paradigmatic-conceptual potential, development of meanings.

Даль в своем словаре помещает как связанные для слова *халу́й* (*халу́йка* ж. р.) такие значения: «бран. (бранным это слово в данном значении было уже тогда – П. Ч.) *холуй*, слуга, лакей, холопъ, подлый родомъ и приемами». Из этого следует, что и слуга, и лакей, и холоп, но не просто, не только, а такой, который подлый родом и одновременно приемами. Происхождение переходит на признаки и черты поведения, а с этим также характера (что для все тех же средневековых еще представлений отнюдь не случайно). Далее в его словаре помещаются как областные в той же статье:

|| *Твр.* отруби и мѣятка для скота. || *Вят.* соръ, дрязгъ, наносъ отъ разлива, коимъ заволакиваются луга. || *Холуй*, *холу́йникъ*, плетень рыболовный, язъ, езь или заезокъ, *арх.* см. *хламъ* и *хлудъ*, общ. корня. || *Халу́й*, *халу́йнь* пск. грибъ валуй. ... *Халу́йнь* тотъ же халу́й, невѣжа, грубый неучъ, хамъ; || лакей. *Не балуй, халу́й: барину скажу!* || Чурка, свинка, для игры въ городки. *Изъ осиноваго дышла тридцать три халуя вышло* (Даль, 2000, 4, 541).

Это последнее с тридцатью тремя *халуями*, с учетом языковой игры и не только, вполне может быть отнесено к *халую* и в первом его значении.

Показательно то, что слова *холуй*, равно как и *халу́й*, в этом первом значении в *Материалах словаря древнерусского языка* у Срезневского не встречается. *Холуй* имеется, но дается без объяснений, со знаком вопроса и с таким интересным примером: «**холви** – ? – Ни горы, ни хольма видѣти, ни холѡл, ни етеры земля. *Ю. Злат. о Юс. Прекр. по сп. XV в.* – Ср. Вятск. халу́й – наносъ отъ разлива, коимъ заволакиваются луга. (Д.)» (Срезневский, 1958, III, стлб. 1385–1386). То есть с отсылкой к Далю, но без толкования значения в древнерусском. Остается неясным вопрос, почему *холви* в приведенном Срезневским примере стоит в общем ряду с горой и холмом при обобщении ни какой-либо (ни етеры) земли? Не вполне логичным было бы представлять – ни горы, ни холма не видать, ни наноса от разлива реки, ни какой-либо земли. Однако оставим этот вопрос без ответа.

П.Я. Черных в своем словаре по понятным причинам дает только то значение, которое не областное ('слуга', 'лакей' и его производные), отмечая, что:

В других слав. яз. отс. (кроме русского, украинского и белорусского, а тем самым, и др.-рус. происхождения – П.Ч.). В русском языке слово *холуй*, по-видимому, старое, хотя в памятниках др.-рус. письменности не засвидетельствовано (отсюда отсутствующее его толкование у Срезневского – П.Ч.). Но ср. прозвище *Холуй*, отм. Тупиковым (416): «Федко *Холуй*, крестьянин», 1500 г. В словарях русского языка слова *холуй*, *холуйский* (по акающему произношению: *халуи* и пр.) (чередование *o > a* Черных объясняет аканьем) отм. с 1847 г. (Черных, 1999, II, 349).

Этимологию Черных выводит от того же корня «*schol-*, что и в *холоп*, *холостой*, польск. *rascholak* «слуга», «приспешник», ист. «солдат», «оруженосец». В абляйте **chal-*Ср. рус. *нахал* (см.), *подхалим*». (Черных, 1999, II, 349). *Этимологический словарь славянских языков* дает широкий спектр значений со ссылками на соответствующие источники, которые опустим:

Холуѣ: чеш. диал. *choluji* м. р. 'подстилка из листьев, мелкие ветки' ... *choloj* ж. р. 'сушеные липовые или другие ветки, которые зимой дают овцам для обгладывания листьев, а затем сжигают' ... в.-луж. *choluji* м. р. 'плуг' ... н.-луж. *chóluj* м. р. 'плуг', также диал. *chóluj* м. р. ... польск. *choloj* 'стебель, холудина' ... русск. *холуѣ* м. р. 'хам, слуга, лакей', диал. *хóлуѣ* м. р. 'нанос разного сору весенней водою' (перм. ...), *холуѣ* 'опилки, отруби, высевки низшего сорта' [ряз.] ... *холуѣ* м. р. 'бездельник, лентяй' ... Ср. еще *хóла* ж. р. 'карча на дне Днепра' (херс., Даль ...). (*Этимологический словарь славянских языков*, 1981, 8, 33).

Появились слова того же корня – *холудина* (стебель) и *хóла*. В отношении этимологии, о чем уже писалось, говорится о суф. *-иѣ* при корне **chol-* в его связи к **choliti*, с одной стороны, и **cholкъ*, **cholръ*, **cholstъ*, с другой, с объединяющим их все значение 'стричь, резать', а также существенным для разбираемого материала представлением о том, что «Концепция нескольких омонимов *холуй* различного происхождения, представленная у Фасмера (IV, 258–259), избыточна¹» (*Этимологический словарь славянских языков*, 1981, 8, 65). Отмечается также, со ссылками на А. Брюкнера, Т. Лер-Сплавиньско-го и ряд других, происхождение от праслав. **chol-* 'ограждение'. (*Этимологический словарь славянских языков*, 1981, 8, 65). К чему можно добавить (при аканьи?) *халуѣга*, с вопросами у Даля: «црк. изгорода въ полѣ? *Изыди на пути и халуѣги*. Лук. || Стар. улица?» (Даль, 2000, 4, 541). И у Срезневского, с тем же иллюстрирующим примером, но с объяснением без вопросов: «*халѣга* – тынь, изгородь ... Ср. *Халѣги* шплотки, *оубогих* хатки...» (Срезневский, 1958, III, стлб. 1359).

¹ М. Фасмер в своем словаре дает четыре омонима для *холуй*, с различными внутри значениями и предположительными объяснениями этимологий, включая заимствования из финского для трех. Не будем, однако, углубляться в их анализ.

В результате *холуй* в силу своей многозначности, не признаваемой омонимами в *Этимологическом словаре славянских языков*, и, видимо, не случайно, с той оговоркой, что эти значения находят свое отражение в говорах разных славянских, не исключая при этом и русского языка, а в значении, сохранившемся и общеупотребительном, это бранно-презрительная характеристика прислужника-подхалима, – с учетом подобного рода своих проявлений и семантических обстоятельств данное слово предполагает вопрос двойного, точнее тройного, характера. Во-первых, как можно связать и можно ли связывать все эти значения между собой в какую-то объяснимую схему, с развитиями и переходами между значениями внутри. Во-вторых, чем и как объяснить и можно ли объяснить, поскольку подобного объяснения по приведенным словарным источникам не находим, то, что *холуй* для обозначения человека этимологически, как получается, связывается, а следовательно и тем самым, деривативно (что первое, что не первое, остается при этом вопросом), с теми значениями, которые означают объекты природы либо (как отруби, сечка) произведенное как продукт человеческой деятельности. В *Словаре русских народных говоров* (о чем еще будет речь) по понятным причинам слова́ подобного рода и общего происхождения с суффиксом *-уй* при варьирующемся корне *хол-* / *хал-*, в том числе и в отношении ударения, представлены в разных словарных статьях, т.е. рассматриваются как омонимичные. И, наконец, последнее, в-третьих, в чем состояла бы роль и как объяснять столь многообразное действие суффикса *-уй*, (*-ој* в ряде других славянских) при разбираемом общем корне, и сами его значения (если отталкиваться от позиции *Этимологического словаря славянских языков* с учетом единого происхождения), – как многозначность или омонимию?

Все эти вопросы можно поставить, но невозможно решить в пределах сравнительно небольшой по объему работы, поэтому смысл их представления сводился бы к двум методическим положениям. К тому, что семантика корня и далее слова связывается первоначально, а затем и определяется тем формантом, который к этому корню присоединяется. Положение само по себе тривиальное и понятное, с тем существенным для разбираемой задачи уточнением, что корень в своей такой, а не другой семантике, точнее в своем таком, а не другом семантическом ответвлении, ‘ищет’ и с этим далее находит тот суффиксальный, как в данном случае, морф, который ему для передачи значения необходим. Иными словами, *хол-* / *хал-* (с ударением либо без, но для русского языка) для выражения того, что будет выражено далее в форме *холуй* / *халу́й* / *хо́луй* / *ха́луй*, не случайно соединяется с *-уй*, и соединение это следует из того, что данный формант привносит. Тем самым, то, что *холуй* для русского языка (ограничимся только одним не диалектным и не древнерусским значением) означает прислужника-подхалима, следует, что понятно, с одной стороны, из семантики корня *хол-* в соединении его, с другой стороны, с семантикой суффиксального морфа *-уй*, и никак не иначе. Все это было бы первым из двух упомянутых положений.

Вторым будет то, что, приближая к поставленной задаче, предполагает как отвлечение от формальных сторон выражения тех или иных значений, определяемых как многозначные либо омонимичные, так и вхождение в область не то, чтобы иного рода и от всего того удаленную, но такую, которая может действовать и, как предполагается, действует, по крайней мере отчасти, сама по себе, и которая, действуя данным образом, с одной стороны, за всем этим стоит, направляя и управляя, а с другой, всем этим, в конечном и не в конечном итоге, насыщается, формируется и оформляется. Область эта была уже обозначена, и это то, что было охарактеризовано как парадигматико-концептуальная матрица и с нею потенциал. Рассмотрение этого потенциала может создать соблазн допускаемой изолированности его от формально-вербальных сторон, ибо можно начать рассуждать умозрительно о том и другом в отношении семантики, не связывая себя словарно отображаемыми ограничениями. Избежать такого соблазна (не избежав при этом возможных неточностей и не до конца обоснованных определений, что может касаться, впрочем, чего угодно, и предположительность достоверных и недостоверных этимологий подобное хорошо иллюстрирует), избежать такого соблазна позволяет опора на материал, как в его формально передаваемом, так и в семантическом виде.

Исходя из сказанного и возвращаясь к предмету, в данном случае к форме (условно) *холуй* в ее семантических, в первую очередь, вариациях, те направления, о которых шла речь, можно было бы, прежде чем их свести к чему-то единому, представлять в таком проявлении, без соблюдения на данном этапе последовательности, если таковую исходно гипотетически и отчасти спекулятивно предполагать, как существование, но не как однозначное разрешение:

– Для человека – все то, что, скажем, с учетом 12-ти значений, представленных в *Словаре русских народных говоров* (2019, 51, 231–232), но не только в нем, отображает его в оценочно-неприязненном виде (рассмотрение их всех заняло бы немало места), следующем из того, что это значение, как первое и общеупотребительное (но, может быть, не первоначальное?), характеризуется в русском в терминах ‘слуга’ и ‘лакей’. Для нас будет важно увидеть и вывести, что за этим, за тем, что ‘слуга’ и ‘лакей’, с учетом далее приводимого, при условии его не случайности, будет стоять.

– Для природных объектов растительного, в первую очередь, происхождения – в чеш. диал. ‘листья и мелкие ветки’, используемые для скота (подстилка, еда), сюда же польск. ‘стебель’ и рус. ‘сор, нанесенный весенней водою’, иными словами, все то, что содержит в себе представление о мелком, разрозненном, в массе либо раздельности, сыпучей, как бы так, обособленности, видящейся, ощущаемой таковой. Однако может быть и не мелкое – ср. ‘деревья, залитые водой при разливе рек’ (волог.), ‘наносные деревья на берегах рек или моря, груды таких деревьев’ (якут.), ‘завал, затор на реке, из поваленных деревьев, их обломков и другого мусора’ (перм.), а также на

основе подобного представления – ‘сор, хлам, беспорядок’ (перм.) (*Словарь русских народных говоров*, 2019, 51, 233). Представленная в массе разрозненность, собранная ‘рассыпанность’ более или менее однородных объектов, по крайней мере, в их обобщении мыслящихся таковыми и таковыми отображаемых, одновременно с этим становится тем, что мешает, препятствует, громоздясь, создает беспорядок, иными словами, не нужное, мало пригодное, лом и сор. Можно увидеть при этом, если не переход и развитие в признаках, то их соположенную соотнесенность – ‘масса’ чего-то ‘мелкого’ либо ‘не мелкого’, ‘перемешанного’, ‘нагроможденного’, ‘нанесенного’, в том числе в ‘беспорядке’, но, возможно, ‘отдельного’ (польск. ‘стебель’), что может использоваться ‘для скота’ (корм и подстилка), создавать ‘завал и затор’.

– Для объектов человеческой деятельности – также мелкое и сыпучее и используемое как корм для скота – рус. диал. ‘отруби в смеси с мукой, сечка с мякиной’, ‘опилки, отруби, высевки низшего сорта’. Это и предыдущее объединяет общее представление ‘сечки’ и ‘рубленности’.

– Для орудий – в.-луж. и н.-луж., то, чем ‘режут’, инструмент для вспашки земли – ‘плуг’; рус. диал. ‘рыболовный плетень’ (по своему виду – ‘сетка’).

– Для природных объектов ландшафтно-топографического характера – то, что, как в представлении польск. ‘стебель’, видится как обособленная отдельность на фоне чего-то другого, что, выступая, обращает внимание на себя, возможно, бросаясь в глаза, – ‘подводный камень, заметно выступающий на дне реки’ (арх.), ‘высокое место, возвышенность’ (вятск.), ‘островок на реке’ (волог.), ‘одинокое поселение, однодворок’ (волог.), ‘огороженное место в речке четырехугольной формы, где весной ловят рыбу’ (арх.), ‘участок пашни, луга, леса’ (вятск.) (*Словарь русских народных говоров*, 2019, 51, 233).

Итак, перед нами имеется общий корень, оформленный дополнением, также общим, суффиксом *-ij / -oj*, в таком формальном единстве, как слово, имеющий отражение в применении к объектам пяти различаемых видов – человеку; природным растительным формам; тому, что получено человеком из продуктов природно-вещественного происхождения; орудиям, созданным человеком; объектам ландшафта, как естественного, так и искусственного происхождения, т.е. того, что создано человеком.

Если принять во внимание то, что в основе всех частных значений данного корня, согласно *Этимологическому словарю славянских языков*, лежит значение ‘стричь, резать’, то какова будет роль суффиксального *-ij / -oj*, исходя из представленного. Это, во-первых. И тогда, во-вторых, не то и не столько то, какие признаки и подпризнаки все это будет объединять, сколько, с учетом возможных обозначаемых объектов в их пяти перечисленных разновидностях и поэтому связанных с их характером и природой, как эти признаки и подпризнаки можно организовывать и, организуя, подразделять. Из чего будет следовать далее то, что было бы в-третьих: что представлял бы

собой в этой части тот парадигматико-концептуальный потенциал, который во всем перечисленном нашел свое выражение, соответствующим образом отобразив себя в действии.

Оттолкнемся в своих рассуждениях от последнего. Если не сразу так, чтобы в сознании, то в ощущении имеется представление о дроблении, ‘сечении’, резании, ‘рублении’, которое может далее соотноситься с представлением о массе и веществе, полученных в результате дробления² либо имеющихся как таковое само по себе. ‘Дробление, сечение, резание, рубление’ далее себя соотносит: а) с тем, что такое вываливающее наружу крошение, скажем так, может производить (в.-луж., н.-луж. ‘плуг’), равно как и с тем, что б) подобному действию по природе своей поддается либо в таком порубленном и поваленном, сеченном, резанном виде уже предстает (сюда войдут объекты растительные и вещества человеческой деятельности, ‘отруби, сечка с мякиной’ и пр.). Идея массы и вещества, наблюдаемого, видимого вещества как сливающейся для восприятия массы, но вещества и массы не столько в физическом и материальном смысле, сколько в не различаемой ‘вещественности’ для ощущения, как в позиции с ‘плугом’, но не в отношении режущего производителя, а как отдельности, выставяющей, выпячивающей себя на фоне его окружающей ‘сечки’, – эта идея может себя объявлять в ‘выстающем’ на фоне всего остального сингулятиве. И тогда появляется то, что было отмечено для объектов ландшафтно-топографического характера и, пусть не покажется это странным, для человека – *холуй* как ‘хам’, ‘слуга’ и ‘лакей’, ‘подлый происхождением и приемами’, отдельность вещественности на фоне неразличимой массы не одного только низшего социального вещества, но и его в этом случае также.

Тем самым, в итоге, за всем этим можно увидеть такую парадигматико-концептуальную схему (признаки следует понимать обобщенно):



Ощутимы и значимы переходы между позициями по основаниям от дробления-сечения-резания к орудию как тому, что его производит, и к веще-

² К этому очень подходит польск. *w drobny mak stłuc, rozwalić coś* (о хрупких предметах), а также *stłukło się, rozsypało się, rozpadło się, rozwalilo się*.

ству как полученному его результату, метонимические по природе своей³; от орудия, как выставяющейся на фоне произведенного им вещества, к единичности, орудие и вещество в этом случае совмещаются в представлении (трудно было бы говорить в данном случае о метонимии, вместе с тем это и не метафорический переход⁴). И последним шагом было бы от единичности, выставяющейся на фоне ее окружающего, не различаемого зрением, либо внутренним зрением, мнением, ощущением, отношением, массовидного вещества, к тому, что себя таковым объявляет.

В соединении всего этого можно было бы видеть, с учетом корневого значения 'резать, сечь', и роль суффиксального *-ij / -oj*. Однако прежде чем к заключению, связываемому с этим, прийти, видится небезразличным для сопоставления смыслов, вносимых суффиксами, рассмотреть, то, что приносит в значение исходного корня *хол(о)*- суффиксальный морф *-ст-* в *холост(ой)*. Следует также напомнить при подобном анализе и то, о чем, впрочем, уже говорилось. Для парадигматико-концептуальной схемы неважно (но не для этимологий), находит или не находит в них свое отражение тот или иной параметральный ее поворот, что первичное, а что вторичное, достоверно или не достоверно этимологически объясняемое и выводимое.

Говоря, что неважно, необходимо иметь в виду определенную условность этой неважности, поскольку, если что-либо выведено в этимологическом отношении, а тем самым, и существует, существовало, как несомненное, служить оно может свидетельством и подтверждением не то, чтобы несомненности парадигматико-концептуального существования и присутствия данного обстоятельства, парадигматико-концептуальное может существовать и без него, служить оно может и будет способности данного параметрального положения себя отражать, передавая и выражая себя, в том числе, и на формально-вербальном уровне. Иными словами, видя и наблюдая действие парадигматико-концептуальной схемы как нечто самостоятельное и самодовлеющее, не следует его отрывать от того, в чем это действие

³ Все большее внимание, после метафоры, при изучении деривативных явлений внимание уделяется метонимии, которая начинает рассматриваться как значимый когнитивный процесс. См. такие известные по теме работы, как (Lakoff, Johnson, 1980), (Kövecses, Radde, 1998), (Dirven, 2002), (Croft, 2003). По замечанию Е.Я. Бадеевой, со ссылкой на работы Дж. Тейлора и Г. Палмера, «метонимия оказывается одним из самых фундаментальных процессов расширения значения, возможно, более основополагающим, чем метафора» (Бадеева, 2004, 42). Попытки исчислить засвидетельствованные в языке модели метонимических сдвигов обстоятельно даются в работе (Peirsmann, Geeraerts, 2006).

⁴ Не определяя в данном месте того, что стоит за таким переносом, поскольку не в этом состояла задача, а тип переноса значения бы не имел, обратим внимание на то, что, помимо привычных метафоры и метонимии, при изучении процессов дериватологии выделяют также генерализацию и специализацию, или расширение и сужение значений. См. об этом такие классические работы: (Ullmann, 1963), (Гак, 1972), (Dirven, Verspoor, 1998). Об еще одном типе пишут Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, О.С. Карпова (2010).

свое отражение находит или может найти. Недостоверность той или иной этимологии в отношении того или иного формального элемента, будь то корень, суффикс, другой какой-либо морф не может служить отрицанием наличия выводимого признака для сознания. Признак этот, существуя в сознании, может себя в данном случае не отразить, отразив (а возможно, и не отразив) себя в чем-то другом.

Для рассмотрения представлений, следующих из значений выбранной для анализа, как проявленной, формы рус. *холост(ой)* видится целесообразным обратиться к тому материалу, который нашел свое отражение в *Словаре русских народных говоров*, сведения из которого уже привлекались при рассмотрении такой же семантики у *холуй*. Значимый и не безразличный с точки зрения стоящей задачи плюс подобного обращения заключается в том, что материал выбираемого словаря разносторонен и множествен, передавая, тем самым, то, что объективно уже существует, будучи выражено в пределах распространения одного языка. Материал этот можно и стоило бы расширить для полноты предполагаемой картины, добавив свидетельства говоров всех остальных славянских, однако задача подобного рода, при ее несомненной желательности, была бы на данном этапе неподъемной по многим причинам. В связи с этим то, что предполагается вывести на материале одного языка, необходимо рассматривать как фрагмент более полной славянской картины, цель представления которого имеет иллюстративный характер и намечающийся вид в отношении возможной в последующем перспективы.

Отвлечемся от образований с производящей основой *холост-* в словах типа *холостёжь* ‘холостые, неженатые и незамужние’ (по разным говорам), ‘бездетность’ (новосиб.), ‘налог на бездетность’ (морд.), ‘молодняк рогатого скота’ (иркут.), *холостёл* ‘холостой парень, холостяк’ (ср.-уральск.), *холостіна* ‘яловая корова’ (омск.), *холосток* ‘рыба самец’ (арх.), *холостунья* ‘женщина, не рожавшая детей’ (перм.), *холостуха* ‘яловая корова’ (балаш.), ‘рыба без икры’, а также ‘рыба без икры, не достигшая половой зрелости’ (урал.), *холостцы* ‘тонкий молодой лес’ (орл.), *холостыш* ‘неженатый мужчина, холостяк’ (сев.-зап.), *хóлость* ‘*собир.* неженатые мужчины, незамужние женщины’, *холостьба* ‘*собир.* неженатые мужчины, холостяки’ (по разным говорам), ‘период холостой жизни’ (олон.), ‘*собир.* о скоте не дающем приплода’ (по разным говорам), ‘птица, не выведшая птенцов’ (якут.) *холостьё* ‘неженатые мужчины, парни’ (олон., перм.), *холостявый* ‘неженатый, холостой (о мужчине)’ (алт.) и пр.

Слов подобного рода по данному словарю удалось насчитать 49, среди которых можно заметить значения, предполагающие переход с изменением класса объектов, т.е. не только люди без брачной пары либо, для женщины, без детей, но и что-то другое, что было бы важно для разбираемой задачи. Определение используемых суффиксальных морфов и формируемых на их основе значений представляло бы несомненный, но вместе с этим и несколь-

ко самостоятельный интерес. Самостоятельный не с позиции упоминавшегося парадигматико-концептуального потенциала, а в том отношении, что это образования последующих после первой для корня *хол(о)-* ступени, что требует оговорок и уточнений с точки зрения образующей стороны.

Если вспомнить этимологические определения для *холост(ой)* ‘неженатый’ и *холст* ‘грубое полотно’ как слов от единого корня **хол-*, с различением суффиксов *-st-* для *холост* и *-t-* (*d-t-*) для *холст*, – не безразлично также и то, что в говорах, с опорой на материал словаря, можно встретить слова с не историческим уже корнем *холост-*, имеющие смыслом и образованные как от исходной основы у слова *холст*: *холостя́ник* ‘платье, а также нижняя юбка, рабочий кафтан, *мн.* штаны из домотканого полотна, холста’ (яросл.), *холостя́нки* ‘рукавицы из холста’ (перм.), *холостя́ный* ‘сшитый из домотканого полотна, холста, холщовый’ (новг.), *холощóвый* ‘изготовленный из домотканого полотна, холста, холщовый’ (арх.), *холощóный* ‘предназначенный для изготовления домотканого полотна, холста; холщовый’ (арх.). Видимо, не случайно такие слова характерны для русского севера, но уточнения данного рода, скорее всего фонетические, никак не входили бы в нашу задачу.

Интерес представляют для рассмотрения, с учетом того, что было отмечено при представлении этимологий на материале нерусского языка⁵ слова типа *холостá* ‘сухие ветки, хворост (?)’, правда, с вопросом, с примером детской считалки *Шла кукушка по мосту, собирала холосту* (хворост?), приведенные ранее *холостцы* (без отмеченного ударения) и, отчасти сюда же, без *-st-*, но с одним из значений для *хол-*, *холудóк* ‘прут, хворостина’ (брян.) и ‘кормысло’ (дон.), *холудьё* ‘мелкий лес, кустарник’ и ‘хворост’ (со ссылкой на Даля), *холужина* (терск.) и *холузина* (морд.) ‘длинный прут, хворостина’, *холудец* ‘палка’ и ‘палка, к которой крепится сеть бредня’ (волжск. и дон.), *холудина* ‘длинная жердь, палка, тонкая жердь, хворостина, прут’ (по разным говорам), а также заставляющие задуматься в поисках объединяющего их корнем⁶ смысла типа *холоумный* ‘умственно отсталый, полонумный’ (калуж., дон.), *холудора* ‘негодный, ничтожный человек’ (ср.-уральск.), *холтомá* ‘ленивый человек, бездельник’ (пск., это значение имеется и у *холуй*, волог.), *холтыга* ‘болтливый человек, пустомеля’ (пск.) и пр.

Обратимся, однако, к значениям у *холостой*. Смысл их рассмотрения будет состоять не только в более или менее понятных соотношениях между ними, на которые следует обратить внимание и их вывести в отношении указанного потенциала (как его очевидный фрагмент), но и в том, что будет

⁵ Ср. чеш. диал. *choluř, choloř*, приведенные в первой статье, а также болг. диал. *хлостина* ‘стебли кукурузы’, *хлостинь* ‘стебли кукурузы после сбора урожая’. (*Этимологический словарь славянских языков*, 1981, 8, 65).

⁶ Не затрагивая при этом варианты данного корня в виде *хал-* или *шал-* (тем более, что этот второй еще не дождался выпуска *Словаря русских народных говоров*, 51-й (Ход – Хоюшки) последний из опубликованных на сегодняшний день, а 52-й в проекте).

связываться с отнесением этих значений к обозначаемым словом объектам, с тем чтобы, исходя также из этого, установить, в какую сторону и каким образом семантика на примере *холост-* способна себя направлять.

Холостой в словаре отражает выделяемых цифрами 10 значений, в составе которых можно заметить то, что принято определять как оттенки и как словоупотребления. Для предполагаемой задачи то и другое в своем различии не обязательно будет влиять на полученный результат. Поскольку словарь, что естественно, отражает те значения, в данном случае общеупотребительного и литературного, слова, которые по диалектам со значениями этих двух не совпадают, 1-м значением в нем приводится в форме женского рода 'не состоящая в браке, незамужняя', как основное и наиболее (видимо) распространенное, с таким интересным примером на первом месте: *Пошел в монастырь к девкам холостым* (ворон., 1892). Пример, хотя устаревший, но показательно то, что монашки также воспринимались как холостые у носителей диалекта, что трудно бы было представить в отнесении к тем, кто, приняв церковный обет безбрачия (монашество для православных), по социальному статусу в браке не мог состоять.

Далее к этому 1-му сопологаются в качестве оттенка значения со знаком || 'потерявшая мужа, вдовая' (ленингр.) и неотчетливо выделяемое как оттенок (по замечанию составителей) со знаком ♦ 'живущая отдельно от мужа' (разведенная?) (том.). Из чего получается, что холостая – это такая, которая не столько находится и состоит, сколько проживает вне брачного состояния, и это был бы не столько признак ее социального, сколько житейского положения, что будет важно в дальнейшем при обобщении.

Значение 2-е предполагает то, что относится к неженатым и незамужним и может быть для них предназначено. Если обозначить это как проекцию атрибутива безбрачности, то первое будет тогда ее экзистенциальностью, соответственно, *Attr* и *Exist*, развиваясь от общего (*Agam*). Проявляется это 2-е значение, как указано в словаре, в сочетаниях, типа *Холостой налог* (на бездетность), *Холостая песня* (предназначенная неженатому на свадебном гулянье), *Холостой стол* ('угощение на второй день после бракосочетания, на котором присутствуют только холостые мужчины', олон., 1885-198, волог.) (*Словарь русских народных говоров*, 2007, 41, 197), *По холосту жить* (без брака, не принося потомства, хотя такой оборот, скорее, стоило бы отнести к житейскому положению, т.е. не к атрибутиву, а к экзистенциалису для *Agam* значения 1-го).

Значение 3-е определяется в отношении непродуктивности ('не оплодотворенный, не давший потомства'), как для людей в аспекте бесплодия либо бездетности (и тогда холостой налог на бездетность может быть отнесен и сюда), так и домашних животных (о самках), для диких птиц (вне зависимости от пола) и для рыб без икры (о самках), с оттенком для рыбы-самца (сиб., камч., арх.). В широком смысле данный семантический признак мож-

но определять как результатив безбрачности, $Rez(Agam)$, в своем проявлении также и вне $Agam$, как не производящий, $UnProd$, физического либо экзистенциального своего состояния. Физическое, как последующий уровень уточнения, можно относить к экзистенциальному, что в формульном виде выглядело бы $Exist(UnProd) > Phys(UnProd)$.

Значение 4-е, только для мужского рода, 'лишенный способности давать потомство; кастрированный'. И это было бы последующим уточнением признака $Phys(UnProd)$ применительно к смыслу лишения, изъятия, отбирания, таковой способности – $Adempt(PotProd)$, каузирующего по своему характеру действия в отношении признака непродуктивности, что можно выразить в виде $Caus(UnProd)$, с уточняемой разновидностью $Caus(PhysUnProd)$. Приводимый в качестве иллюстрации пример, относящийся к людям (поскольку все остальные предполагают домашних животных, типа *холостой бык* (вол), *баран*, *кот*) «♦ Как баран холостой. Шутл. О молодом человеке, у которого нет девушки. Тут девчонок-то и нету. Парни-от и ходят, как бараны холостые. Красновишер. Перм., 2011» (*Словарь русских народных говоров*, 2019, 51, 213), – необходимо рассматривать в контексте метафорического употребления, с тем же самым значением каузирующего лишения (ре)продуктивной способности: $Adempt(PotProd)$ как $Caus(PhysUnProd)$.

Значение 5-е, соответственно, в известном смысле соотносимое с предыдущим, также предполагает непродуктивность, 'не дающий плодов (о цветке, растении)', но, с распространением на объекты растительные, как культивируемые, так и нет, подобный вид у непродуктивности может быть как не каузируемый: *холостые помидоры* (без завязи, уральск.), *холостая черемуха* – на которой не бывает ягод, *холостой орешник* (вят.), *холостой вереск* (пск.), *холостой брусничник* (о листьях брусники без ягод, омск.). Так и каузируемый: *Некоторые* (люди) *срывают цвет* (огородных растений), *оне холостые* (оренб.); *Холостят*, *срывают светки*, *они холостые бывают*, *не заводят огурчики* (дон.) (*Словарь русских народных говоров*, 2019, 51, 213–214).

Отмечаемая смена класса объектов: представители животного мира – растения, – обуславливая смену значений у слова, не изменяет характера признака, который для значения 5-го не во всех и, скорее, вторичных случаях определяется смыслом 'лишенный способности (давать плоды, производить)'. В первичных случаях это будет признак, характеризуемый как 'не обладающий (способностью производить, давать плоды)' либо 'плоды в себе не имеющий'. Указанные, оттеночные по своему существу, разновидности можно рассматривать как проявление разбираемого признака на дальнейших ступенях по уровням уточнения. В представляемых формулах это может быть выражено, соответственно, как 'не продуцирующий, непродуктивный', $UnProd$, – 'не способный производить, не дающий плодов', $Impot(Prod)$, – 'лишенный способности производить, давать плоды', $Caus(ImpotProd)$, либо 'лишенный плодов' $Adempt(Prod)$.

Значение б-е предполагает дальнейшую смену класса объектов, определяясь по словарю как ‘относящийся к жилому или хозяйственному строению, сооружению с какими-л. особенностями его конструкции’, с последующими уточнениями этих особенностей в виде: а) без прокладки мха между бревнами – *холостая житница, холостая стройка, холостой амбар, дам, сруб, хлев*; б) с открытым пространством с боков или сверху (без крыши) – *холостая крыша* (навес, примыкающий к дому или другой постройке), *холостое гумно* (под навесом, под общей крышей с др. хозяйственной постройкой), *холостой баз* (огороженное место, летний загон для скота; такой же загон с крытым помещением в его пределах), *холостой двор* (летний загон для скота), *холостой забор* (забор вокруг усадьбы без хозяйственных построек по его периметру), *холостой хлев* (загородка из досок в пределах скотного двора) || относящийся к деталям, частям построек, в сочетаниях: *холостые брёвна* (последний венец сруба дома, который лежит поверх потолка и его прижимает), *холостой столб* (жилой постройки, без пазов), *холостой угол* (сруб, части сруба в подвале жилого строения).

При отмечаемой по приводимым примерам в оттенках значения детализации естественным образом возникает вопрос, что может все эти случаи объединять, каким может выглядеть тот семантический признак, который, с одной стороны, соотносился бы с предыдущими, а с другой, представлял все в б-м значении указанное в показанных разновидностях, ибо определение ‘относящийся к строению с какими-л. особенностями’ в смысловом отношении не информативно. Важен характер этих особенностей, который видится, как следует из приведенных примеров, в том, что та или иная постройка, строение, сооружение либо их часть, отличается от подобных других, того же вида и рода, в отношении отсутствия какого-либо составляющего либо предполагающего предназначение (для подобных других) элемента.

Тем самым, характер определяемого признака предполагает, во-первых, отличие, от подобных других, которое состоит, и это было бы во-вторых, в отсутствии либо прокладки между формирующими частями строения, либо (предполагая открытость) каких-либо составных частей (стен или крыши, построек периметра), либо, как в случае холостого угла, в отсутствии общего у него с другими подобными назначения. Ср., на основе примера: *Когда уже сруб срубят, потом холостой угол, чтоб не промораживался, там продукты хранятся* (в подвале жилого строения) (карел., 2005) (*Словарь русских народных говоров*, 2019, 51, 215).

Обобщая, можно бы было сказать, что объединяющим признаком будет ‘отсутствие (той или иной) составляющей части (возможно, что представляемой как важная для сооружений подобного типа)’ либо особенность назначения (*холостые брёвна, холостой сруб*), заключающаяся в ‘непривязанности’ к составу всего остального, отдельности, обособленности, т.е.,

фактически, не вхождении в общий состав, ‘внесоставности’ при сопоставлении с другими – бревнами, срубом, которые не холостые.

Отсутствие, о котором речь, соотносится семантически с признаком, определявшимся как лишение, лишенность, и, с учетом того, о чем было сказано в предыдущем абзаце, в формуле это можно было бы выразить как *Absent(Part)*, абсентив партитива, для отсутствия, и *Separ(Part)*, сепаратив партитива, для обособленности.

Говоря о том и другом, об отсутствии в смысле лишения и обособленности по сравнению с другим, небезразличным было бы вспомнить об исходной семантике корня *хол(о)-*, определявшейся по этимологиям в виде общего признака ‘резать, сечь’, ‘рубить’, ‘отделять’, точнее признаков связываемых, один в другой переходящих с концептуально единым для них представлением, расходящемся далее в своих проявлениях.

Применительно к резанию с отделением, лишением вследствие этого чего-то функционально существенного (первоначально физического) и таким же следствием в отделении и обособленности, экзистенциально-ментальной по своему характеру, стоит вспомнить, соотнеся, выражение в русском *отрезанный ломоть*, о человеке, в первую очередь, отделенном и отделившемся, оторванном от своего рода-семьи. Человеке, которого все остальные не признают, который, возможно и часто, сам поставил себя в такое отдельное от других положение. Отрезанность с отделением от всего остального (отсюда *ломоть*), изолированность и связываемая со всем этим нередко лишенность равным образом могут быть концептуально и семантически применимы к *холостому* для человека, на что обращалось внимание в самом начале, и, с изменением класса объектов, но не восприятия, ощущения и представления, к тому, что внутренне нашло свое отражение в *Separ(Part) холостого бревна и сруба*. Остановимся, однако, на этом, не развивая дальнейшие вероятные ходы и продолжения, в отношении, в первую очередь, языкового антропоцентризма, мифологического и не только мифологического соотношения с человеком бревна, человека с бревном, также домом и, видимо, срубом, равно как и чем-то другим. *Холостой* семантических переносов дает материал для размышлений подобного рода.

Значение 7-е по классу объектов близко связано с предыдущим, определяясь как ‘относящийся к холодному строению’: а) к пустующей, нежилой (или временно нежилой) постройке: *холостая хоромина, холостая изба, холостой дом*; б) к жилому неотапливаемому помещению: *холостая горенка*; в) к хозяйственной постройке, не предусматривающей отопления: *холостые здания, холостые строения, холостой погреб* «♦ к хозяйственной постройке за пределом усадьбы: «В отличие от жилых другие строения в говоре называются холостыми. Они расположены за селом или деревней, за огородами» (новг., 1955)» (*Словарь русских народных говоров*, 2019, 51, 215).

Из чего получалось бы также близко связанное с предыдущим, 6-го значения, представление о лишенности и отсутствии – человеческого живого тепла, человеческого наличия, бытия, постоянного нахождения и, вместе с тем, а также как следствие, тепла как такового, поскольку такие постройки, как сказано, холодные и не отапливаемые. Признак, за этим стоящий, поэтому представляется в своих разновидностях как *Absent(Vit)*, *Absent(CalorVit)* либо *Absent(Calor)* – абсентив виталиса (человеческого жития), теплоты живого присутствия, теплоты изначально в себе.

Значение 8-е, ‘лишенный какой-л. добавки, компонента, с каким-л. измененным свойством, качеством’, в сочетаниях: *холостая колоша* (порция засыпаемой в домну плавильной печи смеси без какого-л. важного компонента, уральск., 1953 (выделено мною – П.Ч.), *холостая погода* (время, когда не ловится рыба, хотя дует благоприятный для лова ветер, пск., 1912–1914), *холостое озеро* (с пресной, без соленого привкуса, водой, уральск., оренб.), *холостой ветер* (сивер, северный или юго-восточный осенний ветер, несущий ненастье, арх., селигер.), *холостой кто-л.* (остриженный очень коротко, под гребенку, ряз.), *холостой пирог* (без начинки, смол.), *холостой поезд* (Знач.?), *холостой сунчик* (постный, ничем не заправленный, смол.), *холостой хомут* (без гужей, костром.), *холостой цветок* (не махровый, дон., 1929), *холостой чай* (без сахара и без хлеба или булки, пск., смол., 1917) || Холостой, м., в знач. *суц.* Заряд, не имеющий пули, дроби. *Холостыми заряжены* (перм.) (*Словарь русских народных говоров*, 2019, 51, 216).

Представленные словосочетаниями значения, как следует из определения по словарю, подразделяются в двух отношениях – на ‘лишенный’ чего-то по сравнению с другими объектами подобного рода, возможно при этом важного, и этим его от них отличающего (*холостая колоша*, метонимически – *холостая погода*, поскольку без рыб, а также *холостой пирог*, *холостой сунчик*, *холостой хомут*, *холостой чай*, *холостой*, о заряде) и на ‘измененного качества, по причине отсутствия’ у него чего-либо по сравнению с другими (*холостое озеро*, *холостой цветок*). Несколько особняком стоит *холостой* в смысле ‘остриженный очень коротко’, но если понимать это как слишком коротко и потому заметно лишенный на голове волос, то это значение относилось бы к представлению о лишенности. Также как не до конца понятно (опуская *холостой поезд* без определения значения), в каком отношении следует воспринимать *холостой* для *ветер*, который северный или юго-восточный, осенний, несущий ненастье. Если измененного качества по сравнению с другими, то при отсутствии в нем чего? Сомнительно, чтобы хорошей погоды.

Как бы там ни было, но, видимо, все эти случаи, так или иначе, обращаются вокруг абсентива составляющей определяющей части, абсентив партитивного атрибутива, *Absent(PartAttr)*, для первой, наиболее многочисленной, группы; изменяющей качество части, абсентив конвертирующего партитива, *Absent(ConvertPart)*, для группы второй.

Значение 9-е определяется как ‘пустой, свободный, незанятый’: «◇ Холоста́я канава. Канава для спуска воды «мимо мельницы, когда работы нет» (при работающей мельнице она без воды), терск., 1902» (*Словарь русских народных говоров*, 2019, 51, 216). За этим значением, исходя из единственного примера, других примеров словарь не дает, ‘стоит, собственно говоря, для канавы, все то же отсутствие – без воды’. Важно, по-видимому, не столько то, что она свободная и незанятая, а то, что пустая, при том, что канава привычно воспринимается не без воды (сопоставление с другими предметами того же рода и с тем же предметом в другом его состоянии). И тогда это будет все тот же не раз появлявшийся абсентив, на сей раз в отношении наполнения, абсентив не занятой тем, что привычно, а может, положено, пустоты, абсентив атрибутирующего комплетива – *Absent(AttrComplect)*.

И, наконец, 10-е и последнее – ‘неутепленный’ (о предмете одежды): *холостая жакетка, холостые рукавицы* (волог.), – также связывалось бы все с тем же отсутствием как лишенностью, необходимой утепляющей части (ср. подобную неутепленность в разряде построек), с признаком *Absent(AttrCalor)*. Приводимые в качестве дополнения значения с вопросами: «– Доп. (Знач.?). «Приводящий (кто? что?) в хмельной экстаз». Бельск. Смол., Добровольский, 1914. ◇ Холоста́я гребля (?). Дон., Миртов (с вопросом). 1929» (*Словарь русских народных говоров*, 2019, 51, 216), поскольку не получают определения, приходится опустить.

Для того, чтобы представить общую для русскоязычного ареала парадигматико-концептуальную схему, ту внутреннюю модель, которая связывается с семантическим потенциалом, способным производить реализуемые в виде лексико-семантических вариантов, или значений, лексемы, определяемой и представляемой как *холостой*, – для такого более или менее общего моделирующего отображения видится необходимым связать то, что было выведено для диалектов на основе *Словаря русских народных говоров*, с тем, что в самом начале работы было дано на основе МАС как имеющееся в литературном и вместе с тем общеупотребительном языке. Вернемся для этого к тем восьми значениям в МАС, включая специальные и одно разговорное (как оттенок значения), которые, не будучи все же, как получается, общеупотребительными, предстают, с одной стороны, как значения литературного языка, а с другой, в какой-то части своей соотносятся и совпадают с теми, которые определялись как диалектные.

Первым значением, основным и общеупотребительным, также, видимо, и исходным для русского языка было определявшееся как ‘неженатый, не вступивший в брак (о мужчине)’, с *разг.* оттенком ‘незамужняя (о женщине)’. Объединяющим признаком было бы ранее выведенное *Exist(Agam)*, как экзистенциалист безбрачия, в двух своих разновидностях *Exist(AgamMasc)* > *Exist(AgamFemin)*, первое из которых следует определять как ведущее, а второе как от него производное.

Второе значение, метонимическое в отношении первого, ‘состоящий из холостяков’ (*Холостая компания*), определяясь в том смысле, что это некая группа, собрание, коллектив, и при этом мужских представителей (в отношении женщин, поскольку *из холостяков*, трудно было бы говорить как о чем-то употребительном), – это второе значение можно представить как *Congreg(AgamMasc)*, конгрегатив агам-маскулинности, что естественно следовало и связывалось с предыдущим признаком для *Exist*. Имеется, следовательно, в сознании носителей языка представление о существовании кого-то (а также чего-то), в том числе и не единственным образом, в таком либо ином его характеризующем виде, и это признак *Exist*, который далее, распространяясь, связывается представлением о безбрачности, *Agam*, для того или тех, кто мужчины, *Masc*, для того или тех, кто, соответственно, женщины, *Femin*, и то, что *Exist* может быть не только само собой разумеющимся и чаще всего поэтому препозиционным, признаком, но и признаком определяющим, как в разбираемом случае (то, что некто является холостым, есть показатель безбрачного, и при этом экзистенциального, его состояния), предполагает необходимость его отражения при представлении в парадигматико-концептуальной модели.

В дополнение к сказанному, если признак существования, *Exist*, следует определять как имплицитно-актуализируемый (подразумеваемый и эксплицитируемый в характеризующих случаях), а *Masc* и *Femin* как константные и неизменные, то *Agam*, соответственно, будучи признаком состояния, проявляет себя как признак, способный меняться, вариативный, точнее вариабельный.

Третье значение в *MAC*, ‘свойственный неженатому мужчине или незамужней женщине’, определялось бы в отношении ранее появившегося (для 2-го значения в говорах) атрибутива, в виде *Attr(Agam)*, без указания на подразумеваемую экзистенциальность и различия для *Masc* и *Femin*, как равновозможное для одного и другого.

Четвертое значение, с пометой *охот.*, ‘одиночный, не имеющий пары (о животных, птицах)’, не отраженное для говоров как диалектное, поскольку литературное, будет проекцией экзистенциального состояния, близкого к *Agam*, но с ним все же не совпадающего, прежде всего в силу отнесенности к животным и птицам, не людям, и это было бы *Exist(SingulAnimal/Avis)*, либо дифференцированно – *Exist(SingulAnimal)* и *Exist(SingulAvis)*, поскольку то и другое может существовать для сознания также и в разделении. Признак сингулятива существования, *Singul*, такой же, как и *Agam*, т.е. вариабельный, и при этом может быть применим и для класса людей, поэтому важно в характеристике, подчеркнув, отразить отличающие позиции *Animal/Avis*, обе такие же по своей природе константные, как *Masc* и *Femin* в отношении людей.

Пятое значение, *с.-х.*, ‘голощенный’, равно как и оттенки его ‘не оплодотворенный (о самках животных)’, ‘не дающий плодов (о растениях)’ на материале говоров были раньше описаны. И это признаки, определявшиеся

как *Caus(PhysUnProd)*, *Phys(UnProd)* и *Impot(Prod)*, с тем сужающим, но при этом существенным уточнением в отношении классов объектов, для домашних животных, самцов, в виде *Caus(PhysUnProd):Marit(Pec)*, их самок, как *PhysUnProd:Fem(Pec)* и растений – *ImpotProd(Plant)*. Показатели классов как признаки, так же как и для полов, т.е. *Pec*, *Plant*, *Marit*, *Femin*, предстают как константные. Константным будет также физический показатель *Phys*. Признак *Caus* – как вариативно воздействующий, неизменно стабильный (необратимый) при *PhysUnProd*. Способность и неспособность, *Pot* и *Impot*, могут быть как переменными, так и постоянными, равно как и продуктивность, непродуктивность, *Prod* и *UnProd*.

Шестое и седьмое значения ‘не производящий полезной работы, действующий без рабочей нагрузки’, с оттенком ‘осуществляемый транспортом без груза’ и, для 7-го, ‘не боевой (о патронах, зарядах)’ представляют собой отражения общего признака как не ‘действующий предназначенным образом’, ‘лишенный подобной способности’, ‘не функциональный’, в возможных для него разновидностях, как неспособности к функциональному атрибуту в виде *Impot(FuncAttr)* и осуществлению в несвойственном действии – *Act(InAttr)*.

Восьмое значение, с пометой *устар.*, ‘нежилой, пустой (о постройках)’ в говорах уже встретилось, как 7-е в пункте (а), с характеристикой в признаках абсентива виталиса, *Absent(Vit)*.

Итак, имеются концептуальные и затем семантические признаки, укладываемые в соотносительные ряды и связываемые между собой в комбинации, передающие те или иные значения. Ряды эти с признаками можно представить следующим образом (вид и список их могут быть не законченными):

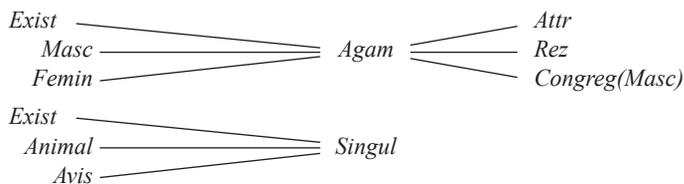
I	II	III	IV	V	VI	VII
<i>Exist</i> <i>Phys</i>	<i>Agam</i> <i>Singul</i>	<i>Masc</i> <i>Femin</i> <i>Pec</i> <i>Animal</i> <i>Avis</i> <i>Plant</i> <i>Marit</i> <i>Fem</i>	<i>Pot</i> <i>Impot</i> <i>Prod</i> <i>UnProd</i>	<i>Part</i>	<i>Vit</i> <i>Calor</i> <i>Attr</i> <i>InAttr</i> <i>Convert</i> <i>Complet</i> <i>Congreg</i>	<i>Caus</i> <i>Rez</i> <i>Func</i> <i>Act</i> <i>Adempt</i> <i>Absent</i> <i>Separ</i>

I ряд, по признакам существования, *Exist*, и физических свойств, *Phys*, можно было бы определять в отношении бытийности, характеризуя это как фактатив, представляя наличие чего-то исходного, данного, неотъемлемого. II ряд, соответственно, по выведенным ранее признакам безбрачия, *Agam*, и одиночности, *Singul*, видится как проявление состояния (стационалис). III – ряд несменяемого в своей естественной данности класса – представителей мужского, *Masc*, и женского полов, *Femin*, для людей (люди также

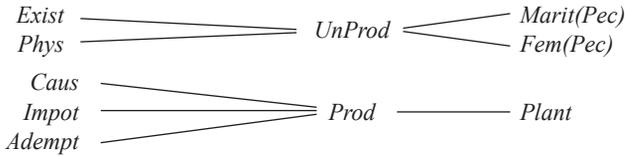
здесь, но в материале были проявлены в виде *Masc/Femin*), домашних, *Pec*, диких животных, *Animal*, птиц, *Avis*, растений, *Plant*, самцов, *Marit*, и самок, *Fem* (рыбы также в этом ряду, но при анализе нами отмечены не были). IV ряд представляет способности (потенциалис), то внутреннее заложенное, которое, будучи принадлежащим чему-л. или кому-л., может в каком-л. отношении себя проявлять – как потенция, а также сила, *Pot*, либо наоборот, *Impot*, продуктивность, *Prod*, либо непродуктивность, *UnProd*. V ряд, состава (партитив) был представлен одним только признаком – части, *Part*. VI и VII ряды соотносятся, как проявленности (VI, проектив) и их оформление (VII, форматив), представляясь, соответственно, в признаках жизни как жителя и, возможно, шире, жизненных проявлений, *Vit*, тепла, *Calor*, принадлежности-свойственности, *Attr*, и наоборот, *InAttr*, изменения-обращения, измененного обращения, *Convert*, полноты, наполненности, *Complet*, объединения, собрания, *Congreg*; каузации, *Caus*, результирования, *Rez*, функциональности, *Func*, действия, *Act*, лишения и ‘лишенности’, *Adempt*, отсутствия, *Absent*, и отделенности, обособленности, *Separ*.

Между признаками в рядах существуют не равные отношения, что в таблице показано с помощью сдвига вправо. Объяснение характера этих неравенств заняло бы немало места, поэтому мы их представление опустим. Те комбинации признаков, о которых ранее шла речь, могут иметь различное оформление. С учетом рассматривавшегося материала их определенность была представлена при анализе. В завершение было бы небезразличным показать их в возможной концептуальной связи, что давало бы, при схематическом построении, основание предполагать стоящую за всем этим парадигматическую модель и концептуальный потенциал, о котором ранее говорилось.

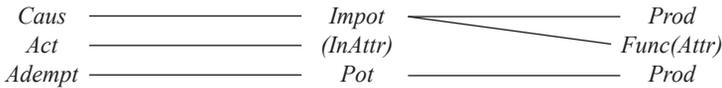
Имеются комбинации группы безбрачия-сингулятива, в материале проявленные в виде *Exist(Agam)*, *Attr(Agam)*, *Rez(Agam)*, *Exist(AgamMasc)*, *Exist(AgamFemin)*, *Congreg(AgamMasc)*, *Exist(SingulAnimal)*, *Exist(SingulAvis)*. Тем самым, *Agam* и *Singul* парадигматически представлялись следующим образом:



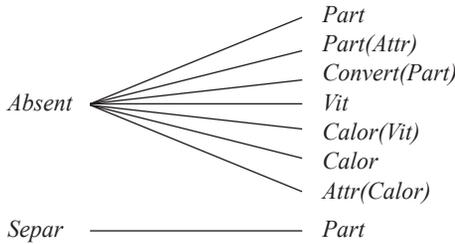
В группе (ре)продуктивности, предполагающей также ее отсутствие для *Exist(UnProd)*, *Phys(UnProd)*, *Caus(UnProd)*, *Caus(PhysUnProd)*, *Caus(PhysUnProd):Marit(Pec)*, *PhysUnProd:Fem(Pec)*, *ImpotProd(Plant)*, *Adempt(Prod)*:



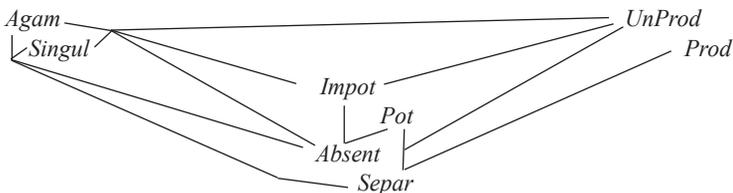
В группе способности / неспособности, в том числе с показателем инатрибутива: *Adempt(PotProd)*, *Impot(Prod)*, *Caus(ImpotProd)*, *Impot(FuncAttr)*, *Act(InAttr)*:



В группе отсутствия, в том числе как лишения или лишенности и, как следствие, отделенности: *Absent(Part)*, *Separ(Part)*, *Absent(PartAttr)*, *Absent(ConvertPart)*, *Absent(Vit)*, *Absent(CalorVit)*, *Absent(Calor)*, *Absent(AttrCalor)*:



Многочисленными и в деривативном, и не только в деривативном отношении более полно представленными оказались группы безбрачия-сингулятива, (не)продуктивности и отсутствия как ‘лишенности’. Менее полную в представлении (не)способность следует, видимо, соотносить с (не)продуктивностью как ее уточняющим проявлением. Концептуальный потенциал и, соответственно, парадигматико-концептуальную схему, или модель, относящуюся к представлениям, покрываемым семантикой русского корня *хол(о)-*, соотносимую с этими представлениями, мотивируемую, формируемую ими и вместе с тем их собой дополняющую, можно выстроить в следующем виде, захватив только центральные, осевые, проекции с предполагаемым подразумеванием распространяющих их левых и правых частей как вводящих и уточняющих:



Представленный в схеме концептуальный фрагмент, релевантный к значениям корня *хол(о)-*, с одной стороны, покрывает то, что можно воспринимать относящимся к русскоязычному ареалу (что следует из словарных отображений, включая его диалекты и литературный язык). С другой, в свою очередь, действует как способность, включая и расширяясь, обозначать и другое, то, что не нашло отражения в словарях. Задумываясь над полученным в результате анализа следствием, возможным видится различие двух сочетающихся и связанных между собой сторон – того, что имеет свое отношение к семантике (корня *хол(о)-* для разбираемого случая), и того, что, будучи концептуально, составляет круг не всегда отчетливо воспринимаемых представлений. Если для первого, в отношении *хол(о)-*, с дополнением суффиксального морфа *-ст-*, в современном языке уже не выделяемого⁷, определяющим было бы представление об *Agam* с соотносимым с ним *Singul* (на вербально осознаваемой поверхности), то для второго, более продуктивного и к тому же пронизывающего собой показатель *Agam*, таким дифференцирующим выразителем был бы признак отсутствия, *Absent*, как недостачи, ‘лишенности’, предполагающих отделенность, *Separ*, отличающую, в продуктивно-потенциальном, в первую очередь, отношении данный объект от других (для разрядов живых существ) и в функционально-действующем для разрядов предметов. Тем самым, при том, что основной и ведущей для русскоязычного материала в отношении *холостой* была бы комбинация *Exist(Agam)*, с точки зрения корня *хол(о)-*, для концептуального потенциала применительно к его (данного корня) семантике положение видится таким образом, что поддерживающим и мотивирующим, за всем этим стоящим, был бы признак следующей из отсутствия и отделенности, ‘срезанной’, с опорой на этимологию и народные представления, недостаточности, ‘лишенности и неполноты’.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бадеева, Е.Я. (2004). *Метонимия имени в общественно-политической лексике английского языка: когнитивный и прагматический аспекты*. Автореферат. Диссертация кандидата филологических наук, доступ: 10.02.2004. Владивосток.
- Гак, В.Г. (1972). *К проблеме общих семантических законов*. В: *Общее и романское языкознание* (151–152). Москва: Издательство Московского университета.
- Даль, В.И. (2000). *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 4. Москва: Русский язык.
- Рахилина, Е.В., Карпова, О.С., Резникова, Т.И. (2010). *Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг* (396–455). В: *Лингвистика конструкций*, Е.В. Рахилина (отв. ред.). Москва: Азбуковник.

⁷ Другие не выделяемые суффиксы, такие, как *-л-* в *холон*, *-уй-* в *холуй* и пр., в связи с оторванностью этих слов и их производных от *холостой*, не будем учитывать.

- Словарь русских народных говоров*. Вып. 41 (2007), Ф.П. Сороколетов (гл. ред.), О.Д. Кузнецова (ред.), Н.И. Андреева-Васина, Е.В. Колосько, О.Н. Крылова (сост.). Санкт-Петербург: Наука.
- Словарь русских народных говоров*. Вып. 51 (2019), С.А. Мызников (гл. ред.), О.Д. Кузнецова, Р.В. Гайдамашко (ред.), Ю.Ф. Денисенко (сост.). Санкт-Петербург: Наука.
- Срезневский, И.И. (1958). *Материалы для словаря древнерусского языка* (по изд. 1903–1912 гг.). Т. III. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Черных, П.Я. (1999). *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. 3-е изд., стереотипное. Т. I–II. Москва: Русский язык.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. (1981). Вып. 8 (*kha–*jъvьlga), О.Н. Трубачев (ред.). Москва: Наука.

- Badeeva, E. Ya. (2004). *Metonimiya imeni v obshchestvenno-politicheskoi leksike angliiskogo yazyka: kognitivnyi i pragmaticheskii aspekty*. Avtoreferat. Dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk, dostup: 10.02.2004. Vladivostok.
- Chernykh, P. Ya. (1999). *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. 3-e izd., stereotipnoe. T. I–II. Moscow: Russkii yazyk.
- Croft, W. (2003). *The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies*, *Cognitive Linguistics*, no. 4, 335–370.
- Dal, V.I. (2000). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. T. 4. Moscow: Russkii yazyk.
- Dirven, R. (2002). *Metonymy and metaphor: Different mental strategies of conceptualisation*. In: *Metaphor and Metonymy in comparison and contrast* (75–111), R. Dirven and R. Porings (eds.). Berlin–New York: Mouton de Gruyter.
- Dirven, R., Verspoor, M. (1998). *Cognitive exploration of language and linguistics*. Amsterdam; Philadelphia.
- Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond*. (1981). Vyp. 8 (*kha–*jъvьlga), O.N. Trubachev (red). Moscow: Nauka.
- Gak, V.G. (1972). *K probleme obshchikh semanticheskikh zakonov*. V: *Obshchee i romanskoe yazykoznanie* (151–152). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Kövecses, Z., Radden, G. (1998). *Metonymy. Developing a Cognitive Linguistic View*, *Cognitive linguistics*, vol. 9, no. 1, 37–77.
- Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago L.: The University of Chicago Press, XIII.
- Peirsman, Y., Geeraerts, D. (2006). *Metonymy as a Prototypical category*, *Cognitive Linguistics*, no. 17(3), 269–316.
- Rakhilina, E.V., Karpova, O.S., Reznikova, T.I. (2010). *Semanticheskie perekhody v atributivnykh konstruktivnykh: metafora, metonimiya i rebrending*. (396–455). V: *Lingvistika konstruktivnykh*, E.V. Rakhilina (otv. red.). Moscow: Azbukovnik.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 41 (2007), F.P. Sorokoletov (gl. red.), O.D. Kuznetsova (red.), N.I. Andreeva-Vasina, E.V. Kolos'ko, O.N. Krylova (sost.). St. Petersburg: Nauka.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Vyp. 51 (2019), S.A. Myznikov (gl. red.), O.D. Kuznetsova, R.V. Gaidamashko (red.), Yu.F. Denisenko (sost.). St. Petersburg: Nauka.
- Sreznevskii, I.I. (1958). *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka* (po izd. 1903–1912 gg.). T. III. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei.
- Ullmann, S. (1963). *Semantic Universals. Universals of Language*. Ed. by J. Greenberg. M. I. T. Cambridge (Mass.).



Jarosław Wierzbński

 <https://orcid.org/0000-0002-1351-4276>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

90-236 Łódź, ul. Pomorska 171/173

jaroslaw.wierzbinski@uni.lodz.pl

Kategoryzowanie świata a model sieciowy z perspektywy badań Beaty Rycielskiej

**Categorizing the World and the Network Model
from the Perspective of Beata Rycielska's Research**

**Категоризация мира и сетевая модель
с точки зрения исследований Беаты Рыцельской**

Streszczenie

Artykuł prezentuje najnowsze opracowanie monograficzne Beaty Rycielskiej pt. *Języki słowiańskie w świetle lingwistyki kognitywnej. Studium przypadków*, które ukazało się w 2020 r. nakładem cenionego wydawnictwa Księgarnia Akademicka w Krakowie. Badaczka jest dobrze rozpoznawalna w środowisku slawistów. Jej książka ma charakter komparatywny i transdyscyplinarny, ponieważ wyróżnia ją podejście kognitywistyczne, semiotyczne, kulturowe, antropocentryczne i socjologiczne. Monografia przybliża w sposób erudycyjny kwestie związane z kategoryzowaniem świata w kontekście modelu sieciowego Ronalda W. Langackera. Autorka omawia w rosyjsko-polskim zestawieniu afiksy prefiksalne, morfem zwrotny, przyimek w wyrażeniach z biernikiem i z miejscownikiem oraz kategorię celownika w konstrukcjach bezosobowych z czasownikiem zwrotnym. Rozpatruje też wybrane kategorie pojęciowe z uwzględnieniem teorii metafory konceptualnej w oparciu o utwory literackie rosyjskich i polskich twórców oraz ich przekładów. W artykule prezentuję walory naukowe, dydaktyczne i metodologiczne tej wartościowej książki, która w sposób nowatorski przedstawia i systematyzuje wiedzę z zakresu uniwersalnych wartości poznawczych.

Słowa kluczowe: Beata Rycielska, językoznawstwo kognitywne, model sieciowy, metafora konceptualna, języki słowiańskie, przekład.

Summary

The article presents the latest monographic study by Beata Rycielska, *Języki słowiańskie w świetle lingwistyki kognitywnej. Studium przypadków*, published in 2020 by the respected publishing house Księgarnia Akademicka in Kraków. The researcher is well recognized in the Slavic

scholarly community. Her book is comparative and transdisciplinary in nature, distinguished by its cognitive, semiotic, cultural, anthropocentric, and sociological approaches. The monograph work addresses issues related to the categorization of the world in the context of Ronald W. Langacker's network model. By juxtaposing Russian and Polish, the author discusses prefixal affixes, a reflexive morpheme, a preposition in phrases with an accusative and locative, and the category of the dative in impersonal constructions with a reflexive verb. She also examines selected conceptual categories, taking into account the theory of conceptual metaphor, based on the literary works of Russian and Polish authors and their translations. The article presents the scientific, didactic and methodological values of this valuable book which presents and systematizes knowledge in the field of universal cognitive values in an innovative way.

Keywords: Beata Rycielska, cognitive linguistics, network model, conceptual metaphor, slavic languages, translation.

Резюме

Статья посвящена последнему монографическому исследованию Беаты Рыцельской *Języki słowiańskie w świetle lingwistyki kognitywnej. Studium przypadków*, опубликованному в 2020 году издательством Księgarnia Akademicka в Кракове. Исследователь хорошо известен в среде славистов. Ее книга носит сравнительный и трансдисциплинарный характер и отличается когнитивным, семиотическим, культурологическим, антропоцентрическим и социологическим подходами. В монографии представлены вопросы, связанные с категоризацией мира в контексте сетевой модели Рональда У. Лангакера. В русско-польском сопоставлении автор обсуждает префиксальные аффиксы, возвратную морфему, предлог в выражениях с винительным и местным падежами, а также категорию дательного падежа в безличных конструкциях с возвратным глаголом. Исследует также избранные концептуальные категории с учетом теории концептуальной метафоры, основанные на литературных произведениях русских и польских авторов и их переводах. В статье я отмечаю научные, дидактические и методологические качества этой книги, которая инновационным образом представляет и систематизирует знания в области универсальных когнитивных ценностей.

Ключевые слова: Беата Рыцельска, когнитивная лингвистика, сетевая модель, концептуальная метафора, славянские языки, перевод.

Niniejszy tekst jest artykułem recenzyjnym książki Beaty Rycielskiej, której tytuł w oryginale brzmi *Języki słowiańskie w świetle lingwistyki kognitywnej. Studium przypadków* (Kraków: Wydawnictwo Księgarnia Akademicka, 2020, 215). Badaczka należy do grona uznanych językoznawców sławistów, zwłaszcza w obszarze polskiej lingwistyki kognitywnej. Jest ona autorką kilku znaczących monografii z tej dziedziny. Pierwszą z nich pt. *Celownik rosyjski Studium kognitywne* opublikowała w Wydawnictwie Naukowym Uniwersytetu Szczecińskiego w 2007 r. Kolejna pt. *Obrazowanie w języku. „Lancetnik bez głowy” i celownik rosyjski* ukazała się nakładem Wydawnictwa Naukowego Akademii Pomorskiej w Słupsku w 2008 r. (we współautorstwie z Marzeną Rycielską). Trzecia pozycja pt. *Znaczenie. Perspektywa современной лингвистики* została ogłoszona dru-

kiem w 2018 r. w znanym i cenionym Wydawnictwie Primum Verbum. I ostatnia, czwarta w kolejności, książka to właśnie tytułowa w niniejszej opinii monografia Beaty Rycielskiej, która ma również w swoim dorobku liczne publikacje w postaci wartościowych artykułów naukowych i rozdziałów monografii wieloautorskich.

Domeną prowadzonych przez nią ostatnio pogłębionych badań kognitywistycznych są wybrane kategorie językowe, jak prefiksy werbalne w czasownikach rosyjskich w aspekcie porównawczym z językiem polskim, czy też afiks zwrotny, a także przypadki gramatyczne i kwestie obrazowania w języku oraz konstrukcje przymikowe w ujęciu konfrontatywnym, oraz metafora pojęciowa i przekład a również ikonizacja tekstu. Właśnie te głównie zagadnienia, umiejętnie powiązane ze sobą metodologicznie, przedstawia Beata Rycielska w swojej najnowszej książce pt. *Języki słowiańskie w świetle lingwistyki kognitywnej. Studium przypadków*. Monografia ta ukazała się w Krakowie w 2020 r. nakładem prestiżowego Wydawnictwa Księgarnia Akademicka.

Beata Rycielska opatrzyła swoją książkę mottem z pracy studyjnej Elżbiety Tabakowskiej o przydatności językoznawstwa kognitywnego przy określaniu specyfiki języków słowiańskich (Tabakowska, 2016, 112). W monografii autorka konsekwentnie podziela i uzasadnia tę słuszną tezę. Na początku prezentuje podstawowe założenia językoznawstwa kognitywnego (Rycielska, 2020, 7–21), za twórcę którego uznaje się Ronalda W. Langackera, podkreślając jego najważniejsze osiągnięcia i kierunki badań (zob. m.in.: Langacker, 1995; 2001; 2003; 2009). W tym kontekście odnotowuje m.in.:

Obrazowanie odgrywa w teorii Langackera szczególną rolę – jest to proces mentalny polegający na konstruowaniu zdarzenia, na który składają się różne parametry, m.in. poziom uszczegółowienia/schematyzacji konceptualizacji danej sceny, perspektywa oglądu zdarzenia (m.in. punkt widzenia konceptualizatora zdarzenia), względnie wyróżnienie struktur semantycznych, szyk wyrazów, ikonizacja, metafora pojęciowa [...] Jednym z innych istotnych, bardziej ogólnych założeń gramatyki kognitywnej jest m.in. przyjęta przez Langackera już na samym początku budowania teorii kognitywnej taka oto zasada, że jednostki językowe wyłaniają się „z dyskursu i komunikatywnych interakcji zachodzących w kontekście socjokulturowym” (Rycielska, 2020, 8).

Badaczka skupia się też – w ujęciu syntetycznym – na rozwoju językoznawstwa kognitywnego w Polsce ze wskazaniem takich badaczy jak: Elżbieta Tabakowska, Tomasz P. Krzeszowski, Roman Kalisz, Renata Przybylska, Anna Wierzbicka, Brygida Rudzka-Ostyn, Ewa Dąbrowska, Barbara Bacz, czy też badań utrzymanych w nurcie etnolingwistycznym przez Jerzego Bartmińskiego, Ryszarda Tokarskiego, Romana Lewickiego, Renatę Grzegorzyczkową, Barbarę Boniecką (jedynie wybrane pozycje tych i kolejnych badaczy podaje w Bibliografii).

Na tle językoznawstwa słowiańskiego B. Rycielska nawiązuje w szczególności do języka polskiego i rosyjskiego w badaniach kognitywistycznych oraz do obszaru badań E. Tabakowskiej, która uchodzi za twórcę kognitywnej teorii prze-

kładu. Podkreśla też udział innych badaczy odnośnie do kategorii przypadku i czasu (Laura A. Janda), konstrukcji syntaktycznych (Zofia Kaleta, Teresa Żeberek, Iwona Nowakowska-Kempna, Agnieszka Będkowska-Kopczyk), motywacji słowotwórczej (Krystyna Waszakowa), metafory pojęciowej (Iwona Nowakowska-Kempna, Aleksandra Jasielska, Teresa Żeberek, Aleksandra Żabicka, Agnieszka Mikołajczuk), polisemii kategorii językowych (Renata Przybylska), aspektów komunikatu multimodalnego (Justyna Winiarska, Agnieszka Libura), opisu tekstu literackiego (Dorota Korwin-Piotrowska, Jarosław Płuciennik) i kognitywnych aspektów poetyki (Joanna Śłósarska, Grażyna Habrajska), aktów mowy (Michał Post, Olga Sokołowska, Małgorzata Fabiszak), komunikacji niewerbalnej (Aneta Załazińska, Jolanta Antas). Wieńczy ten przegląd rozpatrywanych kwestii z zastosowaniem teorii kognitywistycznych rejestr prac Anny Wierzbickiej z dziedziny etnolingwistyki. W nawiązaniu do polskiej rusycystyki Rycielska wskazuje m.in. prace Małgorzaty Borek oraz własne opracowania.

W przestrzeni rosyjskiej lingwistyki kognitywnej autorka wyróżniła serię *Новое в зарубежной лингвистике*, która w 25. tomach w latach 1960–1989 prezentowała osiągnięcia kognitywizmu. Odrębnie podkreśliła też znaczenie opracowań Anatolija P. Czudinowa, Aleksandry G. Kwiat, Andrieja W. Prohorowa, Lubowi Bałaszowej oraz publikacje Tatiany G. Skriebcowej i Aleksandra W. Krawczenki.

Po tym przeglądzie literatury przedmiotu Beata Rycielska przechodzi do części analitycznej, na którą składają się rozliczne zagadnienia badawcze.

Książka bazuje na materiałach dotyczących języka polskiego i rosyjskiego. Autorka rozpatruje je w konwencji gramatyki kognitywnej Ronalda W. Langackera oraz teorii metafory pojęciowej George’a Lakoffa i Marka Johnsona.

Początkowo w części *Studium przypadków* skupiła się na morfemach prefiksalnych, po czym analizuje morfem zwrotny, po którym zajmuje się przyimkiem w wyrażeniach z biernikiem i z miejscownikiem oraz kategorią celownika w konstrukcjach bezosobowych z czasownikiem zwrotnym. Do opisu wyróżnionych kategorii stosuje model sieciowy, co ma kluczowe znaczenie w badaniu poznawczej funkcji języka. Autorka przy tym wyjaśnia:

W gramatyce kognitywnej model sieciowy powołano do opisu semantyki kategorii językowych. Został on zaproponowany przez Ronalda W. Langackera jako sposób analizy złożonych kategorii językowych, które tworzą skomplikowany układ znaczeń i ich wzajemnych połączeń kognitywnych. Jest ten model rozwinięciem prostszego układu znaczeń przedstawionego jako kategoria radialna według George’a Lakoffa, która przypomina ‘słoneczko’ utworzone przez znaczenie podstawowe, prototypowe, wraz z promieniście rozchodzącymi się od niego podkategoriami (Rycielska, 2020, 28).

W innym miejscu zaś stwierdza:

model sieciowy w teorii Ronalda W. Langackera jest znakomitym narzędziem służącym do poznania semantyki i relacji kognitywnych między prototypowymi a peryferyjnymi strukturami nie tylko kategorii leksykalnej, lecz także gramatycznej – nie tylko jednej kategorii, lecz

semantycznie bliskich sobie jednostek, do wykazania istniejących między nimi różnic, które przejawiają się w kontekście. Model sieciowy przedstawia sposób konceptualizacji otaczającej rzeczywistości przez ucieleśniony umysł (Rycielska, 2020, 39).

Wybrane jednostki autorka rozpatruje w dyskursie, w warunkach kontekstu. Stoi przy tym na stanowisku, że

Model sieciowy pozwala rozumieć sposoby kategoryzacji rzeczywistości i uniwersalne zasady konceptualizacji. Podstawowa z nich odwołuje się do encyklopedycznej wiedzy użytkowników języka i ich doświadczenia. Inna polega na właściwej ludziom umiejętności porównywania, odkrywania podobieństw, [...]. Jeszcze inna zasada mówi o sposobach kategoryzowania rzeczywistości, które mogą opierać się na generalizacji, konkretyzacji, rozszerzeniu metaforycznym, metonimicznym [...] (Rycielska, 2020, 188).

Dzięki przyjętej metodologii autorka dociera do szczegółowej wiedzy tkwiącej w konwencjonalnych jednostkach symbolicznych. Percepcji materiału językowego sprzyja jego wizualizacja w postaci schematów obrazujących:

1. Model sieciowy prefiksu werbalnego *o-* w języku rosyjskim (Rycielska, 2020, 40).
2. Model sieciowy przedrostka *uz-* w konstrukcjach werbalnych (Rycielska, 2020, 54).
3. Model sieciowy afiksu zwrotnego *-ся* (Rycielska, 2020, 102).

W kolejnej części monografii autorka omawia wybrane kategorie pojęciowe z uwzględnieniem teorii metafory konceptualnej na podstawie tekstów poetyckich twórców rosyjskich i polskich, a także ich przekładów. Analiza obejmuje kognitywne aspekty przekładu.

Tę część rozprawy inicjuje rozdział prezentujący świat mentalny Aleksandra Puszkina, który poeta wyraził w odzie *Wolność*, odnosząc się w niej do trzech kluczowych pojęć, jak swoboda, prawo i władza (Rycielska, 2020, 125–136). Pojęcia te poeta koduje przy pomocy peryfraz opartych na metaforach. W analizie wiersza autorka posługuje się teorią metafor pojęciowych Georgèa Lakoffa i Marka Johnsona. Szczegółowo opisuje świat przedstawiony w odzie oraz sposoby jego konceptualizacji, które zastosował poeta w tym utworze. A składa się on z 12-tu ośmiowersowych strof napisanych czterostopowym jambem. Ten rodzaj stopy wierszowej przysparzał polskim tłumaczom sporo trudności. Z tych to powodów Julian Tuwim przełożył jedynie cztery ostatnie strofy.

Swoistą kontynuacją podjętej tematyki jest przeprowadzona przez autorkę równie niezwykle staranna analiza poematu A. Puszkina *Jeździec Miedziany* i przekładu J. Tuwima (Rycielska, 2020, 137–157). Puszkina konceptualizuje swoich bohaterów (Piotr Wielki, Paweł I i in.) przy pomocy metafory i metonimii, co ma swoje odzwierciedlenie w przekładzie Tuwima. Autorka wykazuje zarówno odpowiedniości w przekładzie na poziomie metaforycznego obrazowania, jak też ich brak lub niepełne odpowiedniości. Por. kilka konstatacji autorki:

Car-reformator jest w oryginale konceptualizowany jako TWÓRCA MIASTA, w przekładzie natomiast pojawia się metafora WŁAŚCICIELA GRODU. [...] W oryginale car będący POTEŻNYM WŁADCĄ, KTÓRY RZĄDZI POŁOWĄ ŚWIATA, otrzymuje w przekładzie nieekwiwalentną konceptualizację cara będącego GROŻNYM WŁADCĄ, KTÓRY RZĄDZI ŚWIATEM. [...] Pomnik Jeźdźca Miedzianego otrzymuje w obu tekstach cechy żywej istoty, ma miejsce animizacja POMNIK TO ŻYJĄCY CAR. Poza tą wspólną metaforą brakuje w przekładzie odpowiedniości pod względem sposobów konceptualizowania cara (Rycielska, 2020, 155–156).

Kolejny rozdział poświęca noblistce Wiśławie Szymborskiej, gdzie analizuje wiersz *Życie na oczekaniu* oraz jego przekłady na język rosyjski. Poetka konceptualizuje w nim m.in. przemijalność życia. Posługuje się w tym celu metaforą teatralną: życie przeciwstawia teatrowi i grze aktorów, podkreślając że „Życie i spektakl to nieprzystające do siebie dwa obrazy” (Rycielska, 2020, 170) co szczegółowo uzasadnia w swojej analizie. Przy wyróżnionych metaforach życia B. Rycielska podaje ich tłumaczenia i przytacza komentarze. Por. jedną z nich, gdzie mowa, że „Życie to nieprzygotowane uprzednio działania”: przy określeniu poetki *Życie na oczekaniu* podaje jego przekłady trzech kolejnych tłumaczy: *Жизнь экспромтом / Жизнь на ходу, сейчас же / Жизнь с бухты-барухты* (Rycielska, 2020, 165). W wyniku przeprowadzonych badań schematów wyobrażeniowych autorka stwierdza „Duże podobieństwo konceptualizacji życia w polskim tekście i jego rosyjskich przekładach” (Rycielska, 2020, 170), a zatem i bliskość oryginału i przekładu na poziomie metafory życia, bliskość sposobów percepcji zjawisk w porównywanych językach. Postrzegane nieznaczne różnice w tłumaczeniach dotyczą głównie leksyki i polegają na doborze synonimów, bądź występują na poziomie konstrukcji, które stosują tłumacze. Kategoryzacja światów przedstawionych w rosyjskich i polskich przekładach wykazuje znaczące podobieństwo ze względu na sąsiedztwo i dużą wspólnotę kultur.

Autorka zajęła się następnie analizą znaków ikonicznych, które wyekscerpowwała z tekstów epistolarnych zawartych w *Dzienniku Mistrza i Małgorzaty* Michała i Jeleny Bułhakowów. *Ikoniczność* autorka rozumie za Tabakowską jako bezpośrednie podobieństwo między strukturą pojęciową i formą wyrażenia językowego. W przypadku ikoniczności ilościowej rozumie się podobieństwo ilości formy do treści. Autorka podkreśla, że „Różnorodne funkcje ikoniczności ilościowej wyraźnie dają o sobie znać w tekstach epistolarnych” (Rycielska, 2020, 186). Znaki ikoniczne odzwierciedlają sposoby konceptualizowania rozmaitych relacji międzyludzkich. Chodzi tu o emocjonalny stosunek pisarza do osób mu bliskich, bądź o jego dystans do przedstawicieli ówczesnej władzy. Funkcjonują one w schemacie: więcej formy – więcej treści i odwrotnie. Więcej formy językowej oznacza większy dystans emocjonalny (por. powitanie / pożegnanie w korespondencji: *Многоуважаемый Иосиф Виссарионович! / Уважающий Вас Михаил Булгаков*) (Rycielska, 2020, 183), mniej formy – bliski kontakt (np. powitanie / pożegnanie w liście: *Дорогая кошечка (Л.Е. Белозерской) / Твой любящий*) (Rycielska, 2020, 185).

Zasadne jest stwierdzenie, że „Zarówno metafora konceptualna, jak i ikoniczność stanowią jedne z parametrów obrazowania w teorii gramatyki kognitywnej, [...]” (Rycielska, 2020, 21). Zastosowane przez autorkę rozwiązania badawcze tworzą swoistą ramę interpretacyjną ludzkiego poznania co de facto jest istotą językoznawstwa kognitywnego.

Zakończenie jest kwintesencją dokonań autorki. Bibliografia liczy ponad 230 pozycji. Reprezentatywny jest również wykaz materiałów źródłowych. Autorka dołączyła na koniec indeks nazwisk. Książka zawiera też streszczenie w języku rosyjskim i angielskim.

W mojej opinii monografia prof. Beaty Rycielskiej wykazuje się nienaganną spójnością treści i formy. Doceniam przy tym zarówno jej zawartość tematyczną, jak i podejście analityczno-porównawcze przeprowadzonych badań. Propozycja odczytania semantyki jednostek leksykalnych z perspektywy kognitywnej wciąż stanowi atrakcyjny i ciekawy klucz interpretacyjny, który pozwala zgłębić istotę analizowanych zagadnień. Książka ma dużą wartość poznawczą z punktu widzenia konstruowania założeń językowego obrazu świata, teorii metodologicznej mającej swe aplikacje w badaniach kognitywistycznych, jak również w dydaktyce akademickiej. Badaczka podejmuje w książce szczegółowe kwestie dotyczące systemu semantycznego języka rosyjskiego w zestawieniu z systemem języka polskiego oraz wartości tekstowej i znakowej kategorii gramatycznych. W wielu kwestiach poszerza pole badawcze, jest konsekwentna w stawianiu pytań, rozwijaniu problematyki, poszukiwaniu i rozwiązywaniu problemów. Książkę wyróżnia głębia warsztatu analitycznego. Autorka wypracowała przy tym własną oryginalną koncepcję opisu i interpretacji podjętych zagadnień. Jej monografię uznaję za w pełni nowatorskie opracowanie wnoszące znaczący wkład do rozwoju polskiej rusycystyki w nurcie badań kognitywistycznych.

BIBLIOGRAFIA

- Janda, L.A. (2004). *Koncepcja przypadku i czasu w językach słowiańskich*, tłum. M. Majewska. Kraków: Universitas.
- Johnson, M. (2015). *Znaczenie ciała. Estetyka rozumienia ludzkiego*, tłum. J. Płuciennik. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.
- Korwin-Piotrowska, D. (2006). *Powiedzieć świat. Kognitywna analiza tekstów literackich*. Kraków: Universitas.
- Krzeszowski, T.P. (1999). *Aksjologiczne aspekty semantyki językowej*. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika.
- Lakoff, G., Johnson, M. (2010). *Metafory w naszym życiu*, przekład i wstęp T.P. Krzeszowski, wyd. II. Warszawa: Aletheia.
- Lakoff, G., Turner, M. (1989). *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago: University of Chicago.
- Langacker, R.W. (1995). *Wykłady z gramatyki kognitywnej I. Kazimierz nad Wisłą, grudzień 1993*. H. Kardela (red.). Lublin: Wydawnictwo UMCS.

- Langacker, R.W. (2001). *Kotwiczenie, kodowanie i dyskurs*. W: *Językoznawstwo kognitywne II. Zjawiska pragmatyczne* (22–69), W. Kubiński, D. Stanulewicz (red.). Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
- Langacker, R.W. (2003). *Model dynamiczny oparty na uzusie językowym*. W: *Akwizycja języka w świetle językoznawstwa kognitywnego* (30–117), E. Dąbrowska, W. Kubiński (red.). Kraków: Universitas.
- Langacker, R.W. (2005). *Wykłady z gramatyki kognitywnej II. Lublin 2001*. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Langacker, R.W. (2009). *Gramatyka kognitywna. Wprowadzenie*, przeł. E. Tabakowska, M. Buchta, H. Kardela, W. Kubiński, P. Łozowski i in. Kraków: Universitas.
- Libura, A. (2010). *Teoria przestrzeni mentalnych i integracji pojęciowej. Struktura modelu i jego funkcjonalność*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Nowakowska-Kempna, I. (1995). *Konceptualizacja uczuć w języku polskim. Prolegomena*. Warszawa: WSP.
- Pawelec, A. (2005). *Znaczenie ucielesnione. Propozycje kręgu Lakoffa*. Kraków: Universitas.
- Rycielska, B. (2007). *Celownik rosyjski Studium kognitywne*. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego.
- Rycielska, B. (2018). *Значение. Перспектива современной лингвистики*. Łódź: Wydawnictwo Primum Verbum.
- Rycielska, B. (2020). *Języki słowiańskie w świetle lingwistyki kognitywnej. Studium przypadków*. Kraków: Wydawnictwo Księgarnia Akademicka.
- Rycielska, B., Rycielska, M. (2008). *Obrazowanie w języku. „Lancetnik bez głowy” i celownik rosyjski*. Słupsk: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej w Słupsku.
- Słórsarska, J., Habrajska, G. (2006). *Kognitywizm w poetyce i stylistyce (praca zbiorowa)*. Kraków: Universitas.
- Tabakowska, E. (2001). *Językoznawstwo kognitywne a poetyka przekładu*, przeł. A. Pokojska. Kraków: Universitas.
- Tabakowska, E. (2002). *What can the Polish Instrumental be instrumental in?* W: *Cognitive Linguistics today, Studies in Language*, t. 6, Łódź (375–396), B. Lewandowska-Tomaszczyk i K. Turwicz (red.). Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Tabakowska, E. (2004). *Kognitywizm po polsku – wczoraj i dziś*. Kraków: Universitas.
- Tabakowska, E. (2006). *Ikoniczność znaku: słowo – przedmiot – obraz – gest*. W: *Ikoniczność znaku: słowo – przedmiot – obraz – gest* (7–13), E. Tabakowska (red.). Kraków: Universitas.
- Tabakowska, E. (2015). *Myśl językoznawcza z myślą o przekładzie. Wybór prac*, P. de Bończa Bukowski, M. Heydel (red.). Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Tabakowska, E. (2016). *Językoznawstwo kognitywne – geneza, kierunki i perspektywy*. W: *Przewodnik po kognitywistyce* (79–119), J. Bremer (red.). Kraków: Wydawnictwo WAM.
- Taylor, J.R. (1989). *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford: Clarendon Press.
- Taylor, J.R. (2007). *Gramatyka kognitywna*, przeł. M. Buchta, Ł. Wiraszka. Kraków: Universitas.
- Wiraszka, Ł. (2015). *Kategoria punktu widzenia w przekładzie ustnym z perspektywy językoznawstwa kognitywnego w relacji język polski – język angielski*. Kraków: Universitas.
- Wittgenstein, L. (2000). *Dociekania filozoficzne*, tłum. B. Wolniewicz. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Załaźnińska, A. (2016). *Obraz, słowo, gest*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Żabicka, A. (2002). *Pojęcie jaźni: konceptualizacja i wyrażanie a język*. Kraków: Universitas.
- Балашова, Л. (2014). *Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее*. Москва: Языки славянских культур.
- Вежицкая, А. (1996). *Язык, культура, познание*, М.А. Кронгауз (ред.). Москва: Русские словари.

- Зельдович, Г.М. (2012). *Прагматика грамматики*. Москва: Языки славянских культур.
- Квят, А.Г. (2009). *Метафорические модели позиционирования товаров и услуг*, Лингвокультурология, № 3, 96–105.
- Кравченко, А.В. (1996). *Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации*. Иркутск: Изд. Ирк. ун-та.
- Кравченко, А.В. (2001). *Когнитивная лингвистика и новая эпистемология (К вопросу об идеальном проекте языкознания)*, Известия АН. Серия литературы и языка, т. 60, № 5, 3–13.
- Скребцова, Т.Г. (2011). *Когнитивная лингвистика: Курс лекций*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Скребцова, Т.Г. (2018). *Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы*, серия: *Разумное поведение и язык. Language and Reasoning*. Москва: Издательский Дом ЯСК.
- Чудинов, А.П. (2001). *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т.
- Янда, Л.А. (2012). *Русские приставки как система глагольных классификаторов*, Вопросы языкознания, № 6, 3–47.

- Balashova, L. (2014). *Russkaya metafora: proshloe, nastoyashchee, budushchee*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metaforoy (1991–2000)*. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t.
- Kravchenko, A.V. (1996). *Yazyk i vospriyatie: Kognitivnye aspekty yazykovoi kategorizatsii*. Irkutsk: Izd. Irk. un-ta.
- Kravchenko, A.V. (2001). *Kognitivnaya lingvistika i novaya epistemologiya (K voprosu ob ideal'nom projekte yazykoznanija)*, Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka, t. 60, nr 5, 3–13.
- Kvyat, A.G. (2009). *Metaforicheskie modeli pozitsionirovaniya tovarov i uslug*, Lingvokul'turologiya, 3, 96–105.
- Skrebtsova, T.G. (2011). *Kognitivnaya lingvistika: Kurs lektsii*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SpbGU.
- Skrebtsova, T.G. (2018). *Kognitivnaya lingvistika: klassicheskie teorii, novye podkhody*, seria: *Razumnoe povedenie i yazyk. Language and Reasoning*. Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK.
- Vezhbitskaya, A. (1996). *Yazyk, kul'tura, poznanie*, M.A. Krongauz (red.). Moscow: Russkie slovari.
- Yanda, L.A. (2012). *Russkie pristavki kak sistema glagol'nykh klassifikatorov*, Voprosy yazykoznanija, nr 6, 3–47.
- Zeldovich, G.M. (2012). *Pragmatika grammatiki*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.



Ольга Десюкевич

 <https://orcid.org/0000-0002-7158-0028>

*Минский государственный лингвистический университет
220034, Беларусь, Минск, Захарова, д. 21
desyukevitch@gmail.com*

Внутренняя и внешняя семантика глаголов социальных отношений (на материале русских глаголов победы и поражения)

Internal and External Semantics of Social Relations Verbs (Based on Russian Verbs of Victory and Defeat)

Резюме

В настоящей статье были описаны мотивационные семантические модели в лексико-семантической группе *победить/понести поражение*, определены источники пополнения группы за счет глаголов движения, физического воздействия и разрушения, владения. Описаны конструкционные профили первичных и вторичных глаголов группы, а также их сочетаемость, типичные способы заполнения актантных позиций. Описание семантики глагольных единиц позволило обнаружить регулярность семантического преобразования предикатов социальных отношений в предикаты психологического состояния *победить, побороть, пересилить кого > победить, побороть, пересилить что в ком*, определить смыслы, эксплицируемые на уровне внутренней и внешней семантики. Для получения результата были изучены словари разного типа, корпусные данные и самостоятельно отобранные тексты. Основными использованными методами являются семантическое моделирование и конструкционное профилирование.

Ключевые слова: глагол, предикат, мотивационная модель, грамматика конструкций, конструкционный профиль, метафора.

Summary

The article discusses motivational semantic models in the lexical-semantic group *победить/понести поражение* (win/lose) as well as determining the sources of expansion of the group driven by the verbs of movement, physical impact, destruction, and possession. Structures of the verbs of the group are described along with their compatibility and common ways of filling the actant position. The description of the semantics of verb units made it possible to discover a regularity in the semantic transformation of social relation predicates into the predicates of the psychological state

of “winning,” “overcoming” and to determine the meanings explicated at the level of internal and external semantics. The author referred to dictionaries of various types, corpora, and selected texts. The main methods used are semantic modeling and constructional profiling.

Keywords: verb, predicate, motivational model, construction grammar, constructional profile, metaphor.

ВВЕДЕНИЕ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Представление о том, что семантика глагола получает выражение не только в глагольном слове, но и задаваемом им окружении, высказано в лингвистической науке многократно. Бранко Тошович рассматривает это явление как внутреннюю и внешнюю семантику:

Самое характерное в семантической структуре глагола – это то, что она не замыкается в рамки самого глагола, а выходит за его пределы... Значение глагола распространяется на слова, находящиеся в сфере его интересов. Поэтому можно говорить о внешней и внутренней семантике глагола. Внутреннюю семантику образует семантика глагола, внешнюю – значения неглагольных лексических единиц. Эти два компонента – глагольный и неглагольный – составляют глагольный семантический комплекс (Тошович, 1998, 35).

Таким образом, ученый продолжает традицию вербоцентрического подхода к анализу предложения Л. Теньера.

Рассматривая глагол как свернутую пропозицию, Ю.С. Степанов предложил ‘предикатное’ определение глагола: «Глагол мы определяем как сложную (комплексную) единицу Словаря, обозначающую, во-первых, некоторый предикат, во-вторых, некоторый семантический признак имени (терма – субъекта или объекта), входящего в этот ‘предикат’ в целом предложении». В ссылке к слову предикат Ю.С. Степанов делает уточнение: «Точнее было бы сказать, что глагол есть предикатор» (Тошович, 1998, 36). В работах Ю.С. Степанова сформулировано понятие ‘длинного’ семантического компонента, т.е. значения, которое проходит через конструкцию, состоящую из субъекта, предиката и объекта.

Принятый указанными исследователями аспект анализа от внутренней семантики глагола к ее расширению и воплощению в конструкции не является единственно возможным. В грамматике конструкций первичной считается именно конструкция, которая мыслится как языковой знак, обладающий собственной семантикой, синтактикой и прагматикой, способный ‘принимать’ или ‘не принимать’ конкретный глагол.

У истоков грамматики конструкций (C×G) стоит Ч. Филлмор. Наиболее последовательное развитие его идей, учитывающее достижения когни-

тивной грамматики Р. Лангакера и когнитивной теории метафоры, находим в работах А. Голдберг. Под конструкцией ученый понимает «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» (Goldberg, 1995, 19). Форма конструкции мотивируется ее содержанием, под которым понимается не языковое значение единиц, а когнитивная база, представления говорящего о ситуации.

Очевидно, что в рамках когнитивной парадигмы значение не рассматривается как собственно языковой феномен. Ч. Филлмор подчеркивает в одной из работ (Fillmore, Atkins, 1992) принципиальные отличия исследований ономаσιологического характера от когнитивных исследований фреймов: понятие поля принадлежит той парадигме, в которой различались парадигматическая и синтагматическая оси, а изучение имело целью каталогизировать типы внутренних связей между единицами лексикона; в рамках фрейм-исследований значение слова рассматривается в отношении к когнитивным структурам, стоящим за ним, опыту, представлениям, которые составляют концептуальную предпосылку к пониманию значений. В последнем подходе предполагается, что слова и их значения не относятся друг к другу прямо, но только посредством их связей с общим фреймом, части которого они выявляют. Эта мысль о том, что слова и их значения представляют собой лишь способ выражения фреймов, нашла продолжение в грамматике конструкций, которые мыслятся авторами C×G как поверхностные реализации свойственных для данной предметной области фреймов.

А. Голдберг считает изменчивость одним из важнейших свойств конструкции, обеспечивающих плавность и гибкость изменения языка. Ее, как и других создателей теории грамматики конструкций, отличает интерес к нестандартному заполнению конструкции, к семантическим трансформациям, доступным для определенной конструкции, рассматриваемым как явление синтаксической метафоры. Хотя А. Голдберг семантическим центром считает конструкцию, которая «принимает» новый глагол и ‘навязывает’ ему свою актантную структуру, причем глагол встраивается в конструкцию при условии, что он соответствует ограничениям на глагольное место, которые предусмотрены этой конструкцией, однако в результате исследований детской речи приходит к выводу, что запоминанию конструкции способствует существование прототипического, т.е. наиболее частотного и естественного для данной конструкции глагола (Goldberg, 1995, 49). В современных исследованиях конструкционного профилирования также подчеркивается тесная взаимосвязь семантики и синтаксиса, конструкции приписывается функция очерчивания контуров значения глагола (Дивьяк, 2015, 451), полностью выявить значение глагола можно путем описания всех контекстов его употребления, под контекстом понимается ‘естественная’ единица – предложение или клауза.

Таким образом, направление анализа от внутреннего значения к внешнему получает подтверждение и в рамках грамматики конструкций. Глагол, выполняя функцию предиката, являясь свернутой пропозицией, каждое из своих значений воплощает в свойственном ему окружении; первое значение глагола задает стандартное расширение, далее, по мере своего семантического развития, глагол выступает в частично или полностью измененных конструкциях, смена конструкции указывает на изменение в значении, переход в другую группу предикатов.

Выход в анализе глагольной семантики за рамки собственно глагола, интерес к его конструкции, с одной стороны, и переход от узкого понимания языкового значения к представлению о значении как о концептуализации, коррелирует с идеями транссемантики, высказанными В.Н. Топоровым. По мнению ученого, транссемантика – это следующий этап в развитии семантики, ближайшая цель которого может быть сформулирована как «поиск семантической мотивировки языкового обозначения данного сигнификата», которая «переключает свое внимание с парадигматики смыслов на их синтагматику, понимаемую в широком смысле и дающую возможность проникнуть на уровень зарождения, формирования и раннего развития смыслов, т.е. на уровень мотивационных схем» (Топоров, 1994, 127). Транссемантика по своему характеру может быть названа ‘синтаксической’, т.к. ориентирована на контекст, также понимаемый широко – от языковой конструкции (минимальной синтагмы) до текстового контекста (Топоров, 1994, 127).

Исследование мотивационных схем, по мнению С.М. Толстой, следует начинать с наиболее раннего этапа, доступного этимологической реконструкции: первоначальная семантическая связь может не осознаваться наивным носителем языка, однако «на стадии возникновения слова она должна была быть актуальной» (Толстая, 2002, 119). Следующим шагом в исследовании должно быть извлечение мотивационного признака из прозрачной для наивного носителя языка внутренней формы производного слова, причем мотивационный следует рассматривать в общезыковом значении, т.е. обобщающий выбор определенного признака для номинации.

ЦЕЛЬ, МЕТОД И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Представленное ниже исследование выполнено методами ономастического анализа группы глаголов, экспликации мотивационных признаков по данным этимологии и семантической деривации в случаях, когда глаголы победы и поражения выступают в качестве денотата метафоры (т.е. фрей-

ма-мишени) и в качестве ее сигнификата (т.е. фрейма-источника), а также методом конструкционного профилирования предикатов.

Идея состоит в том, что значение глагола, представленное в синкретическом, не вполне расчлененном на логические составляющие виде, в этимологии, впоследствии получает более ясное воплощение в семантической структуре ядерных лексем лексико-семантической группы, затем все более четко артикулируется в расширениях группы за счет пополнения ее новыми языковыми единицами – тут мотивационные схемы позволяют уже не только выделить все составляющие и возможные параметры ситуации, но и выявить свойственную русской картине мира интерпретацию ситуации и оценку ее участников.

Рассматривая на всех этапах значение в когнитивном его понимании, мы надеемся уточнить нюансы представления ситуации завершения конфликтной ситуации победой или поражением в русской языковой картине мира. Для этого последовательно рассмотрим этимологию ядерных глаголов (*победить, одолеть, справиться, побороть, поразить*), определим основные модели семантической деривации в области данной группы глаголов, пополняющие периферию за счет других групп, а также опишем конструкции, в которых реализуются значения, и их трансформации, указывающие на переход предикатов социальных отношений в другие группы.

Анализируя таким образом семантику глаголов по мере перехода от внутренней к внешней, мы будем основываться на первых двух этапах на данных этимологических и идеографических словарей, в частности, (Бабенко, 1999) на этапе профилирования будем опираться на данные устного подкорпуса Национального корпуса русского языка и самостоятельно отобранные тексты.

АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

Победа и поражение – два исхода развития конфликтной ситуации, в которой участвуют две противные стороны, причем каждый из соперников стремится доказать свое превосходство. Конфликтными являются ситуации войны, спора, игры, спортивного состязания, разного плана конкурсов, а также политического противостояния.

Первое значение глагола *победить*, пропозициональная часть его семантики предполагает следующие семантические роли:

Агнец – победитель (кто) и его **контрагент** – побежденный (кого). Победивший может получать награду, приз, его **статус** повышается, он становится *лидером, призером, лауреатом, чемпионом*. Статус проигравшего, соответственно, понижается. Агенсом и контрагентом могут быть коллективные

субъекты, в случае метафорического употребления – самые разные сущности. Блок **инструмента** может быть представлен как материальным орудием, так и квазиинструментом – это может быть часть субъекта (*победить умом, обаянием*) или средство, которое может быть выражено свернутым предикатом (*победить хитростью*). Кроме того, победить можно в чем-то – в какой-то **сфере** (*победить в многоборье*). Последняя роль связана с содержанием конфликта, процессуальной частью семантики, которая формируется интенцией контрагентов – желанием превзойти друг друга в чем-то. Вместе с тем возможен тип конфликта, в котором целью участников является овладение неким материальным объектом – в этом случае победа означает обретение/закрепление права на обладание, власть над чем, расширение пространства в широком смысле этого слова.

Для некоторых глаголов группы окажется существенной не только семантическая часть содержания, но и прагматическая – пресуппозиция, имплицатуры, модусы. Так, собственно ситуации борьбы может предшествовать ситуация возникновения конфликта или подобная ситуация в прошлом, завершившаяся поражением или проигрышем, в частности, при моделировании значения глагола *отыграться* необходимо учитывать в качестве пресуппозиции ситуацию предыдущего проигрыша, оценку неудачи, мотивирующую проигравшего на то, чтобы взять реванш в следующей игре.

Наконец, ситуация жесткой борьбы, прототипная для многих иных ситуаций социального взаимодействия, может быть интерпретирована с точки зрения победителя и с точки зрения побежденного – анализируемые нами глаголы являются лексическими конверсивами, что существенно также в свете возможности внутренней конверсии. Выбор одного из конверсивов при описании ситуации определяет модус, по-разному профилирует ситуацию (Ляшевская, 2016, 118).

ЭТИМОЛОГИЯ

Исконный синкретизм значений, отраженный в этимологии ядерных глаголов группы, является истоком осмысления ситуации борьбы, завершающейся победой или поражением. Рассмотрим эти базовые смыслы.

В этимологии ядерных глаголов, называющих анализируемую ситуацию, уже очерчиваются некоторые параметры ситуации: в частности, источником конфликта, борьбы является желание чем-то обладать, стремление утолить потребность; положительный для агенса исход борьбы проявляется в овладении частью, долей; сам процесс борьбы состоит в избиении, нанесении ран, орудием/средством достижения победа является

оружие, возможно слова; победитель мыслится как моральный авторитет, носитель правды, своими усилиями восстанавливающий первоначальную гармонию, находящий *управу*; в роли контрагента выступает как внешний враг, так и внутренний, та самая потребность, которая вынуждает включиться в борьбу.

Таблица. Этимология ядерных глаголов группы

Глагол	Этимология	Смысл, его интерпретация
побороть	<i>Побороть</i> , <i>бороться</i> от прасл. * <i>borgiti</i> ‘мериться силами и ловкостью в драке’ (рус.), ‘бодаться’ (бел.), ‘воевать’ (др.-рус), ‘состязаться’ (поль.), ‘бить, рубить, колоть’ (лат.), ‘браниться’ (лит.).	<i>Побороть</i> – значит оказаться сильнее, ловче; инструментом борьбы может быть оружие, иногда слова, брань.
поразить	<i>Поразить</i> от <i>разіть</i> , укр. <i>разіти</i> , блр. <i>разіць</i> , словен. <i>ráziti</i> , <i>rázim</i> ‘царапать’, чеш. <i>gaziti</i> ‘бить’, слвц. <i>gazit</i> , польск. <i>razić</i> ‘ранить’. Связано с <i>рэзать</i> : алб. <i>grah</i> ‘бью, разбиваю’ (из * <i>gradh</i>), гег. <i>graj</i> – то же, алб. <i>ggas</i> ‘сжимаю, наступаю’.	<i>Борьба</i> – это нанесение ран, избивание, проявление силы с целью лишения сил противника, его <i>поражения</i> .
одолеть	<i>Одолеть</i> от * <i>dola</i> ‘часть, счастье’, * <i>doliti</i> ‘бороться, драться’ (чеш.), ‘чувствовать побуждение к утолению голода’ (рус. диал.).	Источником ситуации борьбы является побуждение к утолению потребности, результатом – обретение некоторой части/доли желаемого, счастья. Одним из контрагентов может являться сама такая потребность – <i>голод</i> .
справиться	<i>Справиться</i> от прасл. * <i>prav-</i> ‘правый’, ‘хороший’, ‘прямой’, ‘настоящий, правильный’, ‘честный, порядочный, образцовый в моральном отношении’, ‘служащий нормой или указывающий норму для следования’ (Степанов, 2004, 462).	Внутреннее побуждение в борьбе может быть восстановлением порядка, гармонии, кем-то или чем-то нарушенного. Тот, кто его восстанавливает, является носителем правды.
победить	<i>Победить</i> < прасл. * <i>bediti</i> < * <i>beda</i> ‘принуждать’, ‘бороться, напрягаться, мучиться’, ‘губить, портить’, ‘доставлять ущерб’, ‘бедствовать’; <i>победа</i> (др.-рус.) ‘победа’ и ‘поражение’, <i>победная головушка</i> – ‘несчастливая’.	Ситуация завершения борьбы чьей-то победой мыслится первоначально неделимо, в единстве двух аспектов – это и принесение бедствия кому-то и переживание бедствия.

В этимологии глаголов *победить* и в меньшей степени *бороться* (развившего в разных славянских языках значения ‘побороть, победить’ и ‘обороняться, защищаться’) отражается изначальный синкретизм в осмыслении ситуации борьбы, завершающейся победой одного и поражением другого: этот процесс состоит в принуждении, нанесении ущерба противнику, с одной стороны, и переживания бедствия – с другой, в нападении и защите.

МОТИВАЦИОННЫЕ СХЕМЫ

Прототипными конфликтными ситуациями для русской картины мира оказываются, исходя из анализа отношений словообразовательной мотивации, ситуации **игры** (*выиграть, обыграть, переиграть, проиграть, отыграться* – ‘вернуть проигранное, доказать превосходство после проигрыша’); **спора** (*переспорить, проспорить*), **войны** (*завоевать, отвоевать*). Образные схемы интерпретации ситуации победы/поражения в русской языковой картине мира могут быть определены путем выделения следующих подгрупп семантически производных глаголов:

- глаголы движения, пополняющие группу глаголов победы, в первом значении содержат семантический компонент ‘вперед’ или ‘вверх’: *вылезти, выкарабкаться, превзойти, обойти, опередить*; а те, что выступают в роли глаголов поражения, – сему ‘позади’ или ‘внизу’: *отстать, отступить, уступить*, что указывает на статус победителя и побежденного. Использование в качестве вторичных предикатов социальных отношений глаголов с локативными компонентами ‘вверху/внизу’, наложение пространственных схем на сферу социальных отношений, по мнению Т.М. Ворониной, помогает акцентировать социальные роли участников обозначаемой глаголом ситуации (Воронина, 2001, 188). Кроме того, глаголы, описывающие действия победителя, имеют изначальную сему ‘интенсивного’ движения, что коррелирует с выводами автора статьи *Победа* в словаре концептов, согласно которым «победа, будучи целью борьбы, противодействия, оценивается положительно... и, несмотря на все затраты, приносит огромное моральное удовлетворение победителю» (Плотникова, 2017, 795). Последний семантический компонент выражен эксплицитно в глаголах периферии *восторжествовать, праздновать*.

- глаголы физического воздействия и разрушения: действия контрагентов в конфликтной ситуации направлены на то, чтобы вынудить соперника изменить позицию в социальном пространстве с высокой на низкую (*свергнуть, низвергнуть, повергнуть, согнуть*), с вертикальной на горизонтальную (*опрокинуть, побороть*), доказать свою силу (*осилить, пересилить*)

и слабость, хрупкость соперника (*разбить, сломить – сломаться*), лишить его свободы двигаться в самостоятельно выбранном направлении (*обуздать*), уничтожить (*разгромить, сокрушить*).

• глаголы обладания, обретения власти или ее утраты: *завладеть, овладеть, совладать; сдать, поддаться* – свидетельствуют об интерпретации победы как овладении каким-то материальным или нематериальным объектом, обретении контроля над кем-то.

С другой стороны, метафорический потенциал центральных глаголов группы победы/поражения также велик: многие ситуации социального взаимодействия могут быть названы с помощью глаголов *обезоружить, оккупировать, отвоевать, одолеть, отразить, отступить*. В исследованиях по лингвокультурологии это объясняется, в частности, существующей в концептосфере русского языка интерпретацией разрешения конфликта путем больших затрат «труда и усилий», а также большой объяснительной силой онтологической (по классификации Лакоффа и Джонсона) метафоры ‘социальные отношения – война’ в русской языковой картине мира (Плотникова, 2007, 221). Изменения в значении глаголов и связанные с ним конструкционные изменения подробно рассматриваем далее.

КОНСТРУКЦИОННЫЕ ПРОФИЛИ

Большая часть глаголов анализируемой группы получает расширение в актантной рамке ‘кто ... кого’ с дополнительными актантами ‘в чем и чем’: таковы глаголы *победить, побороть, одолеть, осилить, покорить, переспорить, обыграть, переиграть, разгромить, преодолеть, превзойти, пересилить, опередить*. Актант ‘чем’ получает дополнительную семантизацию – какой ценой, какими жертвами. При глаголе поражения *уступить* появление семантической роли ‘цена’, выраженной формой ‘за что’, указывает на переход в другую группу предикатов – владения, взаимовыгодных отношений: *И все это я готов уступить за одну горошину*.

Часть глаголов (*осилить, завоевать, покорить, одолеть*) при заполнении второго актанта неодушевленным существительным выражает значение достижения результата настойчивыми действиями, большим трудом – для глаголов *осилить, одолеть* это в большей степени связано с ситуациями приобретения навыка (*осилил грамматику*) или перемещения в пространстве с преградами (*одолея лестницу*). *Завоевать* предполагает в этом значении очень широкий перечень возможных заполнений второго актанта в зависимости от характера социальных отношений: в спортивной борьбе – *первое место, золотую медаль, звание чемпиона, кубок мира*; в политической борьбе –

бе – *власть, доверие избирателей, голоса избирателей, губернаторское место*; в межличностных отношениях – *сердце, доверие, авторитет*.

В семантике глаголов *победить, покорить* акцентируются межличностные отношения, профиль первого актанта подобен профилю глагола *завоевать* в контекстах типа *Он всех победил умом и обаянием; Оратор покорила аудиторию ясностью аргументов*. Употребление глаголов в значении ‘завоевать любовь’, ‘добиться признания’ мотивировано предшествующей ситуацией неблагоприятного, предубежденного взгляда на субъекта действия, в связи с которым актуализируется сема ‘преодоления сопротивления’ – в таких случаях существенна пресуппозиция.

Надо отметить, что второй актант (кого/что) при некоторых из перечисленных глаголов (*одолеть, преодолеть, превозмочь, пересилить*) может быть заполнен номинацией свойства характера или недостатка – *застенчивость, лень, слабость* – либо возвратным местоимением ‘себя’. В этом случае анализируемые глаголы являются не предикатами социальных отношений, а предикатами психологического состояния группы предикатов ‘воли’. Заполнение второго актанта такими словами, как ‘болезнь’, ‘смерть’ свидетельствуют о метафорическом, образном восприятии последних как врагов, глагол при этом переходит в группу предикатов созидательной профессиональной (врачебной) деятельности.

Позиция контрагента – второго актанта может быть ‘понижена’ в двухактантной конструкции ‘кто...над кем’, ‘над чем’, что свойственно глаголам *возобладать, восторжествовать* (*Некто восторжествовал над противником*), в метафорическом описании ситуации внутренней борьбы субъект получает еще более низкий статус в трехактантной конструкции ‘в ком что ... над чем’: *Чувство долга восторжествовало во мне над слабостью человеческой* (Пушкин).

Схожая трансформация – переход из группы предикатов социальных взаимоотношений в группу предикатов психологического состояния – свойственна при изменении заполнения второго актанта глаголам *овладеть, завладеть, совладать*. В профилях данных глаголов доминирует заданная внутренней формой семантика контроля, подчинения: *Овладеть городом*. > *Овладеть обстановкой, аудиторией, собой* (отсюда *самообладание*); *Завладел царством*. > *Завладел общим вниманием; Совладал с противником*. > *Совладал с озорниками*. При заполнении позиции первого актанта номинациями физиологического или психологического состояния: *Сомнения (сон, слабость/ смущение, беспокойство* и т.д.) *овладели/завладели им* – глаголы являются предикатами психологического или физиологического состояния.

Зеркальные рамки глаголов-конверсивов: что ... у кого (*выиграть*) и что ... кому (*проиграть, проспорить, уступить*) задают разные модусы одной и той же ситуации: *Чемпион проиграл новичку. Аутсайдер выиграл у первой ракетки мира*.

Метафорические предикаты, первично глаголы движения, вертикального перемещения, сохраняют свою актантную рамку: *вылезти из долгов, выкарабкаться из болезни, выстоять* (нулевая правая валентность – *Цветы выстояли в холода*) – и попадают в анализируемую группу предикатов, так как описывают благополучный исход пограничной ситуации, в которой был высок риск неудачи.

В анализируемой группе особое место занимают глаголы *выносить/вынести, переносить/перенести*, которые рассматриваются как предикаты «поражения», поскольку содержат сему ‘переживать бедствие’, что проявляется в их типичной сочетаемости: как свидетельствует случайная выборка из устного корпуса (ruscorpora.ru), переносят обычно *болезнь, поражение, травму, разлуку, каторгу, погоду, таблетки, трудности, невзгоды, неизбежное, смерть, смех (над собой), тяжелые времена*, выносят *безнадегу, неприятных людей, побои, спертый воздух, бремя, сочувствие, жалость, операцию, пытку, жизнь*. В их значениях и, соответственно, конструкционных профилях обращают на себя внимание видовые отличия в семантике: *Она часто выносит унижения, упреки от родственников. – Она вынесла урок / не вынесла урока из опыта; Он переносит болезнь на ногах. – Он перенес / не перенес операцию*. Глагол совершенного вида описывает ситуацию преодоления сложной ситуации. В частности, глагол *перенести* может в контексте замещать глагол *выстоять*: *Я думаю, эта трудная, но не униженная и неспособная унизиться юность помогла моей матери впоследствии перенести многое, от чего можно было сломаться* (Ф. Искандер), что свидетельствует об внутрисловной конверсии, энантиосемии глагола *перенести*. В группу глаголов социальных отношений данные единицы попадают также в контекстах типа *Я не выношу твоих упреков; Я не переношу, когда мне противоречат*, в которых они выполняют функцию предиката эмоционального состояния ‘терпеть’.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ВЫВОДЫ

В результате проведенного исследования можно выделить семантические компоненты, составляющие в целом осмысление конфликтной ситуации и ее завершения победой или поражением, и эксплицируемые на уровне внутренней семантики (этимологии и семантической деривации) и внешней, реализуемой в конструкциях глаголов и их сочетаемости.

Наиболее последовательно эксплицируются представления о победе как о завоевании чего-то, овладении чем-то, а также об осуществлении ее путем физического воздействия, силы, разрушения, причинения ущерба. Указан-

ные семантические компоненты эксплицируются на основании всех уровней анализа.

Данные этимологии и конструкционного профилирования указывают, что в качестве контрагента конфликтной ситуации может выступать часть субъекта, его потребность или свойство характера. В этом случае глаголы 'победы' и 'поражения' выступают в роли предикатов психологического или физиологического состояния. Семантическая деривация глаголов, в частности, пополнение группы глаголами движения по вертикали, и конструкционные трансформации подчеркивают релевантность статуса победителя, а также усилия, затрачиваемые на приобретение такого статуса.

Наибольшее количество признаков удастся выделить на основании наблюдения за конструкциями метафорических глаголов в тех случаях, когда глаголы 'победы' и 'поражения' выступают в роли фрейма-источника, в частности, обнаруживается, что с помощью данных глаголов могут описываться те ситуации, в которых агенту приходится преодолевать препятствие, в целом рискованные, опасные ситуации.

Для полного описания и верификации выделенных семантических признаков, формирующих внешнюю семантику глаголов данной группы, требуется более обширное исследование речи on-line.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бабенко, Л.Г. (1999). *Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы*. Москва: АСТ-пресс.
- Воронина, Т.М. (2001). *Образные семантические модели русских глагольных предложений*. Екатеринбург: Уральский государственный университет.
- Дивьяк, Д. (2015). *Исследование грамматики восприятия (на материале русского языка)*. В: *Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика* (448–477), А.В. Кравченко (ред). Москва: Языки славянской культуры.
- Ляшевская, О.Н. (2016). *Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка*. Москва: Языки славянской культуры. Рукописные памятники Древней Руси.
- Плотникова, А.М. (2007). *Метафорическое моделирование семантической деривации глаголов социальных действий и отношений*, Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки, № (13) 49, 212–222.
- Плотникова, А.М. (2017). *Победа*. В: *Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)* (793–797), Л.Г. Бабенко (ред.). Москва: Азбуковник.
- Рахилина, Е.В. (ред.) (2010). *Лингвистика конструкций*. Москва: Азбуковник.
- Степанов, Ю.С. (2004). *Константы: Словарь русской культуры*. Москва: Академический Проект.
- Толстая, С.М. (2002). *Мотивационные семантические модели и картина мира, Русский язык в научном освещении*, № 1(3), 112–127.
- Топоров, В.Н. (1994). *Из индоевропейской этимологии. V(1)*. В: *Этимология. 1991–1993* (126–154). Москва: Наука.

- Тошович, Б. (1998). *Глагольный категориал*. Opole–Graz: Uniwersytet Opolski, Universität Graz.
- Фасмер, М. (1986). *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Прогресс.
- Этимологический словарь славянских языков: (Праславянский лексический фонд)* (1975). Москва: Издательство АН СССР.

- Babenko, L.G. (1999). *Tolkovyiy slovar' russkikh glagolov. Ideograficheskoe opisanie. Angliiskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy*. Moscow: AST-press.
- Div'yak, D. (2015). *Issledovanie grammatiki vospriyatiya (na materiale russkogo yazyka)*. V: *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* (448–477), A.V. Kravchenko (red). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury.
- Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: (Praslavyanskii leksicheskii fond)* (1975). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Progress.
- Fillmore, Ch.J., Atkins, B.T. (1992). *Toward a frame-based lexicon: The semantics of RISK and its neighbors*. In: *Frames, Fields and Contrasts* (75–102). Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Assoc.
- Goldberg, A. (1995). *Constructions: a construction grammar approach to argument structure*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lyashevskaya, O.N. (2016). *Korpusnye instrumenty v grammaticheskikh issledovaniyakh russkogo yazyka*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi.
- Plotnikova, A.M. (2007). *Metaforicheskoe modelirovanie semanticheskoi derivatsii glagolov sotsial'nykh deistvii i otnoshenii*, *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 2. Gumanitarnye nauki, no. (13) 49, 212–222.
- Plotnikova, A.M. (2017). *Pobeda*. V: *Kontseptsfera russkogo yazyka: klyuchevye kontsepty i ikh reprezentatsii v yazyke i rechi (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii)* (793–797), L.G. Babenko (red.). Moscow: Azbukovnik.
- Rakhilina, E.V. (red.) (2010). *Lingvistika konstruktivnogo*. Moscow: Azbukovnik.
- Stepanov, Yu.S. (2004). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury*. Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Tolstaya, S.M. (2002). *Motivatsionnye semanticheskie modeli i kartina mira*, *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 1(3), 112–127.
- Toporov, V.N. (1994). *Iz indoevropskoi etimologii. V(1)*. V: *Etimologiya. 1991–1993* (126–154). Moscow: Nauka.
- Tošovich, B. (1998). *Glagol'nyi kategorial*. Opole–Graz: Uniwersytet Opolski, Universität Graz.
- Voronina, T.M. (2001). *Obraznye semanticheskie modeli russkikh glagol'nykh predlozhenii*. Yekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet, 2001.



Елена Невзорова-Кмеч

 <https://orcid.org/0000-0002-4032-1533>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny, Instytut Rusycystyki

90-236 Łódź, ul. Pomorska 171/173

elena.nevzorova@uni.lodz.pl

Криминальные истории Людвика Курнатовского как источник жаргона

Crime Stories by L. Kurnatowski as a Source of Jargon

Резюме

Статья посвящена описанию избранных элементов языка криминальных историй, созданных Л. Курнатовским, работающим в начале XX века в качестве следователя. Обращение к теме было вызвано интересом к персоне автора, а также загадкой существования некой работы его авторства. Ссылки на данную работу находятся в словаре «Блатной музыки» В. Людвиковского и Г. Вальчака и труде по жаргону В. Будзишевской. Произведя анализ текстов произведений Л. Курнатовского, предполагаем, что не было словаря, на который ссылаются авторы названных выше трудов.

Ключевые слова: идиолект Курнатовского, криминальный жаргон.

Summary

The article discusses selected elements of the language of the crime stories, in particular the criminal jargon, penned by L. Kurnatowski, a criminologist and investigator active at the beginning of the 20th century. The subject was selected due to interest in the figure of the author and in a mystery linked to the existence of one of L. Kurnatowski's works, to which W. Ludwikowski and H. Walczak, the compilers of the *Thug Music* dictionary, and the jargon researcher W. Budziszewska refer. However, no data on that text and work is available. Having analysed L. Kurnatowski's works, it seems that there was no such work or dictionary that the aforesaid authors refer to.

Keywords: Kurnatowski's idiolect, criminal jargon.

Преступный жаргон¹ уже более века привлекает внимание ученых разных научных дисциплин. До сегодняшнего времени собран богатый фактический материал, произведено большое количество исследований, в связи с чем литература, касающаяся избранного нами объекта в качестве заглавного, очень богатая. Можно было бы утверждать, что польский и русский, а также жаргон иных языков уже достаточно полно изучен и не представляет особого интереса для лингвистов в настоящее время. Однако, как нам кажется, некоторые лакуны все-таки остаются. Одной из таких является историко-этимологическое описание жаргонно-разговорных единиц различных языков, и в том числе польских и русских. Данная проблема возникает из-за некоторых пробелов изучении источников, содержащих жаргонный материал. Одним из них являются криминально-детективные истории Людвика Курнатовского.

¹ Терминологический вопрос, касающийся использования и трактования понятий арго, жаргон, сленг, интержаргон, жаргонизированная разговорная речь и argot, żargon, gwara, slang, grypsera, język potoczny, socjolekt уже описывался не раз в русскоязычной и польскоязычной научной литературе (например, см. Б.А. Ларин, Д.С. Лихачев, В.В. Бондалетов, В.С. Елистратов, Л.И. Скворцов, М.А. Грачев, В.М. Мокиенко, В.В. Химик, В. Geremek, St. Kania, H. Ułaszyn, W. Budziszewska, St. Wiczorkiewicz, K. Stępniaк, K. Dejna, St. Grabias, J. Bartmiński и др.). Целью настоящей работы не является решение этого вопроса. Такие термины как арго и жаргон в отношении разновидностей языка криминального мира мы используем синонимично вслед за Б.А. Лариным, В.Б. Быковым, М.А. Грачевым, В.С. Елистратовым (Мокиенко, Никитина, 2000, 7). Говоря об использовании определений: преступный, уголовный, криминальный, воровской, лагерный, (речь/язык) преступников, уголовников, криминалистов, заключенных и подобные, перечисленные также М.А. Грачевым в работе *От Ваньки Каина до мафиш* (Грачев, 2005, 15) – то также не соблюдаем строгого терминологического подхода к их разграничению, тем не менее принимаем классификацию, представленную В.В. Химиком в работе *Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен* (2000): «Язык криминального мира, или криминальный подъязык [...]. Во-первых, это скорее лексико-фразеологическая подсистема, специфический социально-групповой тезаурус, чем собственно язык, хотя это подсистема и поддерживается в реальном употреблении некоторыми интонационно-фонетическими особенностями и грамматическими предпочтениями традиционной речи уголовников. Во-вторых, внутренне такая подсистема распадается еще на ряд группировок, региональных и социально-«профессиональных» вариантов. Самая очевидная дифференциация криминального языка может быть представлена тремя разновидностями, тремя лексико-фразеологическими подсистемами, принятыми у криминалистов. Общеуголовный жаргон, которым пользуются профессионалы-уголовники, обычные преступники, а также лица тяготеющие к ним, и который выходит за пределы собственно криминальной среды, – так называемая блатная музыка, или байковский язык, феня, блат; Тюремно-лагерный жаргон, характерный для мест лишения свободы, – лексико-фразеологическая подсистема, отражающая идеологический инвентарь мест заключения; «профессиональные» жаргоны – дифференцированные лексические подсистемы в речи воров-карманников, фармазонщиков, медвежатников, домушников, карточных шулеров, валютных аферистов, автомобильных кидал и прочих «специалистов» (Химик, 2000, 19–20). Как сам исследователь указывает, что это разграничение очень условное, поскольку эти подсистемы тесно друг с другом взаимодействуют.

Литературные, публицистические произведения, исторические документы помогают жаргонологам узнать больше об уголовной субкультуре, субстандарте прошлых эпох. Именно такой подход используется в настоящее время, поскольку методика сбора «живого» материала недостаточно разработана (Грачев, 2005, 7). Без письменных источников не удалось бы установить и зафиксировать некоторые историко-этимологические факты. Например, польские исследователи – А. Брюкнер, Г. Улашин возводят появление жаргона к литературному произведению С.Ф. Кленовица *Flis* (XVII век), отдельные единицы старого польского воровского жаргона отмечены А. Брюкнером (1891) в *Scylurus*'е Яна Юрковского (1604); русский жаргон, по мнению М.А. Грачева, имеет многовековую историю (напр., речь волжских разбойников) утверждение ученого подкреплено исследованиями памятников письменности (Грачев, 2005, 27, 30). Очерки Л. Курнатовского не отсылают нас к столь далеким временам, поскольку описывают события конца XIX – начала XX века. К этому периоду ученые различных научных дисциплин обращались не раз, если объектом становился преступный мир. Наш выбор источника для анализа обуславливается следующими причинами: 1) фигурой его автора, 2) его неизученностью и малоизвестностью среди широкого круга читателей, 3) тематикой, затрагиваемой в нем, 4) некоторыми особенностями языка произведений, в особенности жаргонизмами, и наконец, 5) загадкой, касающейся словаря Л. Курнатовского, попытку разгадки которой мы предпримем при изучении его криминальных воспоминаний. Основной же целью является представить некоторые языковые особенности криминальных историй, написанных Л. Курнатовским, а также проанализировать использованные в них жаргонные единицы с точки зрения их распространенности в рассматриваемый нами период.

О Курнатовском (1867/1868?–1940) известно то, что занимал высокие посты в государственной полиции (например, в 1909 г. – исполняющий обязанности начальника варшавского следственного управления, 1910 г. – референт следственного управления), с началом I первой мировой войны из Варшавы он был переведен в С.-Петербург и назначен чиновником по специальным поручениям при министерстве внутренних дел, во время революции 1917 г. освобожден от занимаемой должности по декрету Керенского, в 1918 г. вернулся в Варшаву, получил звание старшего комиссара полиции и должность заместителя начальника следственного отделения в округе VI – столица Варшава вплоть до 1926 г., о чем свидетельствуют архивные данные Польской государственной полиции², из прессы узнаем и об иных фактах его жизни, например, о его намерении бежать в Италию через Швейцарию в опасении скандала быть замешанным в дело Даниэля Бахраха, осужденного за причастие к делу по подделке паспортов. Осуждали его также

² Электронный доступ к архиву на сайте – policjapanstwowa.pl

и за взятничество. В газете «Głos Polski» от 17 января 1928 г., издаваемой в Лодзи, читаем:

Wielce sensacyjny proces, który rozpoczął się wczoraj przed trybunałem sądu okręgowego, połączył nazwiska oskarżonych, a mianowicie: zastępcy naczelnika urzędu śledczego Mariana Ludwika Kurnatowskiego, podkomisarza Leonarda Dobieckiego, wywiadowców służby śledczej Władysława Marczaka i Władysława Rutkiewicza oraz starszego posterunkowego Feliksa Tyszyńskiego.

Wszyscy podsądni oskarżeni są o wymuszanie łapówek zarówno od osób przez kradzież poszkodowanych, jak i samych złodzieiów³.

Его вина не была доказана. Далее известно лишь то, что он собирался изложить в дневнике факты своей жизни, этот его замысел не был осуществлен. Однако, вероятно, другой проект был реализован. Предполагаем, что Л. Курнатовский совместно с Сонненбергом (инспектором в следственном управлении) издали в Варшаве в 1923 г. пособие под названием *Śłużba śledcza. Podręcznik dla użytku policji państwowej* для будущих полицейских, в котором на страницах 95–101 находим немало воровских арготизмов и их объяснения: *koniki* ‘мальчики до 10 лет’⁴, *ojcowie* ‘старые воры или перекупщики краденого, отбирающие все украденное взамен за крышу над головой’, *piechociarz* (*piechota* ‘домашняя птица’) ‘мальчики до 10 лет, занимающиеся кражей птицы’, *potokarze* (*potok* ‘телега’) ‘воры, работающие в одиночку и только на себя. Они крадут с телег товар, перекладывая его на свой транспорт’, *szopenfeldziarz* ‘магазинный вор’, *klawisznik* (*klawisz* ‘отмычка’) ‘взломщик’, *szczur* ‘гостиничный вор’, *pajęciarz* (*pajęczyna* ‘белье’) ‘вор, крадущий белье с чердаков’, *praca* ‘преступление’, *doliniarz* (*dolina* ‘карман’) ‘вор-карманник’.

Из иных его произведений нам известен ряд криминальных историй, опубликованных в конце 20-х – начале 30-х годов XX в. Переизданы они были в 2017–2018 годах в издательстве СМ в серии *Kryminały przedwojennej Warszawy*. Это следующие истории: *Tajemnica Belwederu* (1904⁵ г., повествование о загадочной краже в Бельведере), *Szpilka z trupią główką* (1914 г., о преступной шайке, которая совершала кражи, усыпляя своих жертв), *Salonowy bandyta* (год?, история об ухажере-мошеннике), *Krwawa nić życia i zbrodni Wiktora Zielińskiego* (1920–1923 г., о жестоких бандитских расправах), *Upiór w pasiece, Zagadkowi milionerzy* (1908 г., история двух преступников из России), *Dzieje grzechu Kraussa* (1908–1926 г., рассказ о том, как рождаются и становятся ворами), *Sprawa Mincesów* (ок. 1890 г., история о любви,

³ Электронный доступ к архиву на сайте – policjapanstwowo.pl

⁴ Значение единиц приводим по-русски в переводе с польского. Перевод мой – Е.Н.-К.

⁵ Цифры в скобках при названиях произведений указывают на годы ведения следствия уголовных дел.

культуре, традициях и политике на примере описания любовной истории еврейки и черкеса), *Sprawa o mord rytualny* (1916 г., история, действие которой происходит в селе Новоселье, рассказывает о любовной трагедии, убийстве ребенка и ложном обвинении), *Od 1908 do dzisiaj* (1905–1910 гг., рассказ о криминальной ситуации в начале XX века), *Samochodowa banda Klaka, Banda rybaka vel Pietrzaka* (1921 г. история разоблачения, поимки опасных банд, действующих в разных местностях на всей территории Польши), *Oblęd złota* (1921 г., описание дела, известного под названием «Дело Берлинберга», о подделке и торговле фальшивыми документами, убийстве), *Branka cyganów* (1921–1923 гг., о похищении польской девочки цыганами и ее поисках), *Szach Ali Kuli Mirza* (1909–1917 гг., о расследовании крупных ограблениях банков), *Szczury hotelowe (Kradzież w warszawskim Bristolu)* (1909 г., об ограблениях, совершаемых в отеле), *Krwawa noc w Skolimowie* (1921 г., история жестокого убийства).

Истории-очерки наполнены фактическим материалом о людях, в том числе самом авторе. В них также описываются события, имевшие место в начале XX века. Действия происходят на территории Польши, России, Украины, Румынии. Героями, которые упоминаются в очерках-рассказах, являются поляки, русские или украинцы, евреи, немцы, цыгане. В описаниях и диалогах для более точной передачи атмосферы, для убедительности, правдивости характеристики Л. Курнатовский использует лексические единицы из других языков: еврейские (*Halt de pisk!*; *O miszigeno! Szlag zoł troffen te miszigeno!*), немецкие (*Wus ist mit ihm?*; *gänsehändler*), английское (*sleeping*). Особо выделяются в текстах произведений русские слова и выражения. Этих вставок больше всего, поскольку Л. Курнатовскому по долгу службы приходилось общаться на русском языке, занимаясь расследованием дел на территориях за восточной границей Польши. Язык он знал хорошо, о чем можем судить даже по тому факту, что он мог оценить, как говорит собеседник. В историях-очерках *Szach Ali Murza*, описывая встречу с подозреваемым, Л. Курнатовский пишет: «Jakąż to urzędową sprawę może mieć do mnie urząd śledczy – zagadnął wyborną ruszczyzną» (Kurnatowski, 2018, 16). Кроме того, следственное управление, в котором автор служил, находилось в Варшаве, а варшавское просторечие изобилует русскоязычными элементами (Wieczorkiewicz, 1966, 36–39). Естественным приемом для передачи колорита времени и места действия было введение русизмов в текст историй.

Русскоязычные элементы приводятся в транскрипции с элементами транслитерации, встречаются и кальки. Передача формы русских слов в текстах достаточно условна и приблизительна, а правила замены звуков используются автором произвольно, напр., *cara-batiuszkę – batuszka – miateżnikami, muzyków – bobożiś, golubezik – piewczyj* и др. Также свободно автор подходит к грамматической адаптации русских слов, напр., *cara-batiuszkę* (В.п. сущ. 1 скл. *царь-батюшка*) – *grać w wośmiorku* (В.п. сущ. 1 скл. *восьмёр-*

ka), *żydowska róża* (Зв.п. сущ. 1 скл. ж.р. *жидовская роза*) – *potaskucho* (Зв.п. сущ. 1 скл. ж.р. *потаскуха*), *Ludwiku Antonowiczu* (Зв.п. сущ. 2 скл.) – *Ludwik Antonowicz* (Зв.п. сущ. 2 скл.). В качестве примеров калек можно привести: *krzyżuk na tym położyć* (*положить крест на чем-л., ком-л.* ‘потерять веру в кого-л.’), *niet zła bez dobra* (*нет худа без добра* ‘мелкие неприятности могут обернуться чем-л. хорошим’), *będzie święto i na mojej ulicy* (*будет и на моей улице праздник* ‘и мне когда-нибудь повезет’); *tryńtrawa* (*трын-трава* ‘все нипочем, все пустяки’); *wyższe koła* (*высшие круги* ‘люди, занимающие высокое положение в обществе’). Лексико-семантическая и стилистическая характеристика описываемых единиц включает в себя, главным образом: названия лиц и обращение к ним (напр., *gołubcik* (*голубчик* ‘похвала с ласково-фамильярная форма обращения к мужчине (напр., подчиненному)’), *wasze wysokobłagorodje* (*ваше высокоблагородие* ‘обращение к лицам, имевших чин с 6 по 8 класс’) и в трансформации *jaśnie błagorodje* (пол. *Jaśnie Panie* ‘официальное обращение в Польше к лицу дворянского происхождения’ + русск. *ваше благородие* ‘обращение в дореволюционной России к дворянам без титула, баронам’), *isprawnik* (*исправник* ‘в России до 1917 года начальник уездной полиции’), *urządnik* (*урядник* ‘в России до 1917 г. нижний чин уездной полиции’), *czuownik* (*чиновник* ‘государственный служащий; должностное лицо, которое формально выполняет свою работу’ (у Л. Курнатовского с презрительным оттенком – ср. русск. *чиновничихо*), *grażdanie* (*граждане* ‘официальная’); *razwodiaszczyj* (*разводящий* ‘военнослужащий, расставляющий часовых на посты’); названия исторических, национально-культурных реалий, событий *czarna sotnia* (*черносотенцы* ‘в России в 1905–1917 гг. название представителей крайне правых сил’); *czerezwyczajka* (*чрезвычайка* ‘разг. Всероссийская чрезвычайная комиссия, созданная при Совете народных комиссаров РСФСР для борьбы с саботажем и контрреволюцией’); *kontrrewolucja* (*контрреволюция* ‘возмущение, движение против нового порядка’); *Sowiet Soldackich Raboczich i Krestianskich Dieputatow* (*Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов* ‘органы народной власти в России после 1917 г.’); *póltinnik* (*полтинник* ‘полрубля’); *rubliszki przy „sobie”* (*рублишки при себе*); *kosoworotka* (*косоворотка* ‘мужская рубашка с косым воротом’) и др. Особый колорит создают в произведениях не только отдельные слова, но целые фразы (этикетные формулы общения, разговорные и просторечные единицы), произнесенные героями по-русски: *Winowaty wasze wysokobłagorodje, soblaźniliś!* (Виноваты, ваше высокоблагородие, соблазнились); *Tak toczno wasze wysokobłagorodje* (Так точно, ваше высокоблагородие!); *Wot tak sztuka!* (Вот так штука!); *Nikak niet, wasze wysokobłagorodje* (Никак нет, ваше высокоблагородие); *Nu i sławno* (Ну и славно); *Nu wot* (Ну вот); *Nu ładno, ładno!* (Ну ладно, ладно!); *Wot ono czto!* (Вот оно что!), *Ubieritje won etu damu, ona sowsiem pjana* (Уберите вон эту даму, она совсем пьяна); *potaskucha* (*потаскуха* ‘прост. женщина легкого по-

ведения'). Из других заимствований из русского языка являются жаргонизмы: как, например, *artysty* (*артисты* 'угол. опытные мошенники, аферисты, шулеры'), для которых *kryszka* (*крышка* 'угол. 1. восклицание, означающее «умер», 2. восклицание, означающее «все, конец»' (Грачев, 2003, 457); *grać w „wośmiorku”* (*играть в восьмерку* 'играть в вариант карточной игры баккарат (*chemin de fer*')), [*grać*] w „*czet – nie czet*” (*чет-нечет* 'карточная игра, также пасьянс').

Именно последние являются неотъемлемым элементом языка произведений Л. Курнатовского, правда, не только те, которые перешли из русского языка. Польский криминальный подъязык в конце XIX – начале XX века изобиловал заимствованиями и кальками из немецкого, французского, русского языков и идиш. Это результат преступных контактов, так называемых 'гастролей', обмена тайнами 'ремесла'. С. Милевский в книге *Szemrane towarzystwo niegdysiejszej Warszawy* пишет:

Zapożyczenia rosyjskie są oczywiste, bo Warszawa była przecież jednym z wielu miast Cesarstwa i złodzieje swobodnie przemieszczali się między nimi; na „gastrole”, czyli gościnne występy, przyjeżdżało ich ponoć wielu nie tylko z Petersburga i Moskwy, ale i z Odessy? Zwłaszcza Żydzi. Poznawali też język „woriugów? W więzieniach etapowych czy na samej katordze. Złodzieje za nic też mieli kordony i jeździli na „robotę” do Krakowa i Lwowa, gdzie poznawali tajniki i język szkoły lwowskiej”, z którą potem jeszcze bardziej intensywnie „szkoła warszawska” wymieniała doświadczenia i rywalizowała w okresie międzywojnia (Milewski, 2009, 217).

Эту ситуацию при помощи вставки в текст произведения жаргонных единиц попытался отразить Л. Курнатовский. Без них описание ситуаций и стилизация речи героев была бы необъективной. С другой стороны, Л. Курнатовский мог так же, как и Русецкий, автор романа *Male tajemnice Warszawy* (Ułaszyn, 2009, 48), предупреждать читателя перед людьми, которые используют такую лексику. И с третьей, криминалист писал воспоминания для широкой публики, а не пособие-учебник для тайного использования служащими органами полиции. Количество отмеченных субстандартных единиц в рассматриваемых историях невелико – ок. 100 единиц, причем основная часть выбрана нами из произведений: *Dzieje grzechu Kraussa*, *Krwawa nić życia i zbrodni Wiktora Zielińskiego*, *Banda rybaka vel Pietrzaka*. Их герои – это воры, бандиты, которые действуют напролом, не используют изысканных ходов, не боятся себя *сдать, ботая по фене* ('попасться в руки полиции', 'говоря на жаргоне'), в отличие от преступников, вращающихся в высших кругах и опасующихся себя выдать любым неправильным движением, словом (герои историй *Szach Ali Kuli Mirza*, *Oblęd złota*, *Szpilka z trupią główką*). Жаргонизмы единичны также в рассказах, в которых основное внимание сосредоточено не на преступном элементе. То есть тематика рассказа и описание подсказывает автору соответствующий подбор языковых средств и способ их оформления.

Итак, жаргонизмы в тексте приводятся следующим образом: 1. слово и выражение (в кавычках или без них) с объяснением в скобках (например, *ajnbruchowiec (włamywacz)* ‘взломщик’ /от нем. *ejnbruch* ‘кража со взломом’/, *binia (kochanka)* ‘любовница’ /из львовского воровского аргю 1857 г. (босняцкий говор) *binia* ‘дівчина’ (Горбач, 2006, 20, 25) /, „*chodź na pajęczynę*” (*kraść bieliznę*) ‘давай пойдем украсть белье с чердака’ /польское воровское аргю XVIII в. – *pajęczyna* ‘белье’), *raki, szabry i inne gnaty (narzędzia złodziejskie)* ‘названия орудий для совершения преступления’ (Ludwikowski, Walczak, 1922, 61, 67) *rak* ‘приспособление для взламывания сейфов’; *szaber* – из идиш *shaber* ‘лом’/; *faraony (policja)* ‘полиция’ /*faraon* – из жаргона петербургских мазуриков XVIII в. ‘солдат’/, *gliny (policja)* ‘полиция’ /из польского жаргона XIX в. (Estreicher; Wiczorkiewicz) ‘полицейский’/, *gryps (list)* ‘письмо, сообщение, отправленное заключенным из тюрьмы’ /от немецкого *grippen* ‘поймать, схватить’/, *indyk (złodziej początkujący)* ‘начинающий вор’ /из варшавского просторечия ‘маленький мальчик’, *knajano (chodź)* ‘иди сюда’ /из львовского диалекта *knajać* ‘бежать, ехать, лазить’/, *kusz (interes)* ‘преступное дело’ /от французского *couche* ‘крупный выигрыш’/, *luj (sutener)* ‘сутенер’ /эвфемизм от вулгаризма *...uj*/, *machać (robić)* ‘совершать преступление’, *topson (sędzia śledczy)* ‘судья, ведущий следствие’ /из русского воровского аргю *монс* ‘усыплять жертву’/, *pilietówka (dziewczyna uliczna)* ‘проститутка’ /фиксируется только Курнатовским/, *poflandrować (pożartować)* ‘пошутить’ /от немецкого *fladren* ‘рисовать’/, *szparagi (zyski)* ‘прибыль’ /от немецкого выражения *Geld sparen* ‘экономить деньги’/, *szczeniak (chłopiec)* ‘мальчик’ /анималистическая метафора/, *stary fachowiec (stary złodziej)* ‘опытный старый вор’ /метафорический перенос, связанный с жаргонным *robota* ‘преступление’/, 2. слово и выражение без кавычек и без объяснения (в том числе корректора-издателя), но (2.a) значение которого уже было ранее объяснено или (2.b) должно, по мнению автора, вытекать из контекста его употребления (например, *blaty* ‘деньги’, *buchnięcie* ‘кража’, *dintojra* ‘суд, кровавая расправа в преступной среде’, *flankierować* ‘бродяжничать’, *frajer* ‘неопытный преступник’, *forsa* ‘деньги’, *interes* ‘преступление’ /калька русского преступного жаргона *дело* ‘преступление’/, *karowanie* ‘доносительство’, *gryps* ‘письмо, весточка’, *kapuś* ‘доносчик’ /из нем. , *melina złodziejska* ‘место проживания или сборов преступного элемента’, *opiekun* ‘сутенер’, *pajęczarstwo* ‘кража белья с чердака’, *psu* ‘полиция’, *pracować* ‘совершать преступление’, *robota* ‘кража, а также любое преступление’, *rycerz wytrycha* ‘вор’, *salon* ‘публичный дом’, *wyleźć z ciupy* ‘выйти из тюрьмы’, *zdzira* ‘проститутка’, *zakropienie* ‘сдача подельника полиции; убийство’, *żaba* ‘инструмент для взлома’ и др. Известно, что уже в 1778 году *Gazeta Warszawska* „podała dla wiadomości każdego” mały słowniczek terminów, które złodzieje „dla utajnienia swych zamysłów uformowali” (Milewski, 2009, 221), в котором находим такие единицы, как:

obmieść pajęczynę, forsa, kapować, blatować. Интересно, что *blat* у Л. Курнатовского имеет иное значение, а именно: ‘деньги’, чем то, которое зачастую приводится в словарях: например, у А. Курки *blat (blatnik)* ‘укрыватель краденого’, *blat być blat zan.* ‘согласиться на что-л. или хранить тайну’, *blatka* ‘женщина, приобретающая украденные вещи’, *blatny* ‘хранящий тайну’ (Kurka, 1907, 6). Однако, в словаре В.Ф. Трахтенберга читаем, что *blat* происходит от немецкого *Blatt – лист* [...] (Трахтенберг, 2002, 4). Автор использует вышеуказанные приемы обозначения и объяснения единиц непоследовательно. Возможно, Л. Курнатовский при выборе определенного способа подачи руководствовался своим языковым чутьем. Он понимал, что многие жаргонные единицы вышли из рамок употребления исключительно в узкой преступно-воровской среде и их значение понятно читателю без дополнительных пояснений. Кроме того, к моменту появления его историй (30-е гг. XX века) уже были изданы пособия, учебники, словари, сборники, словники преступного жаргона, например, Э. Эстрайхера, А. Курки, В. Людвиковского и Г. Вальчака. По сведениям последних, Л. Курнатовский также является автором жаргонного словаря.

W naszej literaturze kryminalnej posiadamy dotychczas zaledwie kilka prób zebrania w jedną całość słów używanych przez przestępców, a mianowicie słownik Profesora Dra Estreichera, słownik A. Kurki, L. Kurnatowskiego [...].

Zbiory (słowniki) trzech wyżej wymienionych autorów, zwłaszcza zaś dwóch ostatnich, noszą charakter prac dzielnicowych, bo zawierają materiał zebrany na granicach austriackiego lub tylko rosyjskiego zaboru. [...].

Największą wartość ze wszystkich zbiorów przedstawiają dla nas zbiory Kurki i Kurnatowskiego, które chociaż co do ilości słów nie dorównują zbiorowi K. Estreichera, to przecież z uwagi na to, iż pod względem kryminalnym dają nam materiał pewniejszy i rzeczowy, zasługują na specjalną wzmiankę i uwzględnienie. (Ludwikowski, Walczak, III, 1922).

В. Будзишевская также пишет в монографии *Żargon ochwieśnicki* о словаре Курнатовского (Budziszewska, 1957, 10). Однако иные исследователи преступно-криминального жаргона, например, К. Эстрайхер, Г. Улашин, В. Стемпняк, Ст. Каня, О. Горбач умалчивают о данном факте. Никаких библиографических данных о данной работе нами найдено не было. Можем, лишь на основании сносок в словаре *Żargon mowy przestępców*. „*Blatna muzyka*”. *Ogólny zbiór słów gwary złodziejskiej* восстановить часть его лексикографического труда. В словник входили следующие единицы:

amba, arab, arkan, bekas, brodę przyszyć, centować, czerwony walet, czubarik, deska, dom zajezdny, droga, drzeć gardło, dzieliworek, dzwonek, fajgel, faraon, fascyt, handlowiec, hipieś, jesiotry, język, kadryl, kajlem, kapele, kapuśniak, kicz, kluj, koronkowy robotnik, kotka, krala, krupa, lekcję dawać, lignać, luj, łokieć, łyko, macać nogi, magiel, majster, maks, malinka, marwicher, matka, mazurik, metropolita, miotła, miroszka, młyn, młynarz, na cynku strać, na blat opędzić, najmi morda, na pochód, na ślepo, na sygnały, na wytysz chodzić, notka, obręcz,

odtyryć, okulary, okulary ciemne, pajak, parawan, przyć się, pasażer, piekarnia, pielietówka, podchiryć, poduszka, pójść w drogę, pont, pudełko, ślepy, służba, śmietnik, śpiew, szkiełka, szmelc, szpana, sztychiel, sztymp, szucher, szufladka, szufladkarz, telefon, telegrafista, towar, towar rudy, trąbę zrobić, trzy karty, ugryść, walet, wydrę zrobić, wyśpiewać, wyzdrowieć, wziąć na bugaj, wziąć na paczki, wziąć na pudełko, wziąć na zakonnika, zachorować, zborniak, zecować ling, zeks, żaba (Ludwikowski, Walczak, 1922, 10–79).

Сопоставляя все жаргонные слова и выражения, выбранные из историй-очерков Л. Курнатовского, с представленными, прежде всего, в лексикографических материалах, изданных до XX века или в самом его начале, можно утверждать, что криминальные истории Л. Курнатовского отражают состояние польского криминального жаргона в 30-е годы прошлого столетия, а также могут служить дополнительным материалом для уточнения дефиниции и этимологической трактовки некоторых лексико-фразеологических единиц в словарях субстандарта. Кроме этого, анализ рассказов не подтвердил наше предположение, что словарь Л. Курнатовского, упомянутый В. Людвиковским и Г. Вальчаком (и данные о котором так и остаются загадкой) был составлен на базе созданных им очерков. Совпадают лишь *faraon* ‘служащий полиции’, *luj* ‘сутенер’, *pilietówka* ‘проститутка’, *malinka* ‘наркотик, с помощью которого можно усыпить жертву кражи’, *żaba* ‘инструмент для взламывания дверей’. Для заполнения этой лакуны необходимо дальнейшее изучение архивных материалов, что, в свою очередь, позволит создать более точное представление о криминальном жаргоне начала XX века.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Горбач, О. (2006). *Арго в Україні*. Львів.
- Грачев, М.А. (2003). *Словарь тысячелетнего русского арга*. Москва.
- Грачев, М.А. (2005). *От Ваньки Каина до мафии. Прошлое и настоящее уголовного жаргона*. Санкт-Петербург.
- Грачев, М.А., Мокиенко, В.М. (2008). *Русский жаргон: Историко-этимологический словарь*. Москва.
- Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. (2000). *Большой словарь русского жаргона*. Санкт-Петербург.
- Трахтенберг, В.Ф. (1908). *Блатная музыка. («Жаргон тюрьмы»)*. Под редакцией и с предисловием профессора И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Санкт-Петербург.
- Химик, В.В. (2000). *Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен*. Санкт-Петербург.
- Budziszewska, W. (1957). *Żargon ochwieśnicki*. Łódź.
- Estreicher, K. (1903). *Szwargot więzienny*. Kraków.
- Kurka, A. (1907). *Słownik mowy złodziejskiej*. Lwów.
- Kurnatowski, L. (2014). *Tajemnica Belwederu*. Warszawa.
- Kurnatowski, L. (2015). *Zagadkowi milionerzy*. Warszawa.
- Kurnatowski, L. (2016). *Samochodowa banda Klaka*. Warszawa.

- Kurnatowski, L. (2018). *Szczury hotelowe*. Warszawa.
- Ludwikowski, W., Walczak, H. (1922). *Żargon mowy przestępców. „Blatna muzyka”*. *Ogólny zbiór słów gwary złodziejskiej*. Warszawa.
- Milewski, W. (2009). *Szemrane towarzystwo niegdysiejszej Warszawy*. Warszawa.
- Stępnia, K. (1993). *Słownik tajemnych gwar przestępczych*. Warszawa.
- Ułaszyn, H. (1951). *Język złodziejski. La langue des voleur*. Łódź.
- Ułaszyn, H. (2009). *Studia onomastyczne i socjolingwistyczne*. Poznań.
- Wieczorkiewicz, B. (1966). *Gwara warszawska XIX wieku*. Warszawa.

- Grachev, M.A. (2003). *Slovar' tysyacheletnego russkogo argo*. Moscow.
- Grachev, M.A. (2005). *Ot Van'ki Kaina do mafii. Proshloe i nastoyashchee ugolovnego zhargona*. St. Petersburg.
- Grachev, M.A., Mokienko, V.M. (2008). *Russkii zhargon: Istoriko-etimologicheskii slovar'*. Moscow.
- Horbach, O. (2006). *Arho v Ukraïni*. Lviv.
- Khimik, V.V. (2000). *Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyi fenomen*. St. Petersburg.
- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2000). *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona*. St. Petersburg.
- Trakhtenberg, V.F. (1908). *Blatnaya muzyka. («Zhargon tyur'my»)*. *Pod redaktsiei i s predisloviem profesora I.A. Boduena-de-Kurtene*. St. Petersburg.



Zoja Kuca

 <https://orcid.org/0000-0003-2194-9250>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny, Instytut Rusycystyki

90-236 Łódź, ul. Pomorska 171/173

zoja.kuca@uni.lodz.pl

Анна Падо, *Beceda*
***Beceda* – skutecznie i atrakcyjnie**
Издательство: Draco, сс. 130

Anna Pado, *Beceda*
***Beceda* – Efficient and Attractive**
Publisher: Draco, pp. 130

Резюме

Настоящая статья представляет собой рецензию на учебный комплекс по русскому языку для учеников, начинающих изучение русского языка как второго иностранного на третьем этапе обучения (средняя школа). Рассматриваются некоторые аспекты серии, отличающие данный комплекс от других учебных пособий, предназначенных для польских учеников, в частности: формирование умения общаться, строение устного и письменного высказывания, обучение грамотности, задания-проекты и другие.

Ключевые слова: *Beceda*, языковой материал, коммуникативный подход, языковые и речевые задания.

Summary

This paper outlines *Beceda 1–3* by Anna Pado, a series of Russian language handbooks for students who begin studying Russian as their second language at the upper secondary school (in the Polish educational system). It outlines the main attributes of the series that make it superior to other educational materials available to Polish students. The series helps develop communication skills, improve speech and text composition, teaches accuracy, offers project work, and more.

Keywords: *Beceda*, language material, communication method, language and speech assignments.

W polskich szkołach w coraz większym stopniu umożliwia się uczniom realny wybór drugiego języka (wobec obowiązkowej nauki angielskiego). Wyborowi temu sprzyja organizowanie nauki w tzw. blokach (ciągach) językowych, które pozwalają łączyć uczniów w grupy według języków i poziomów niezależnie od profilu klasy. Język rosyjski od lat znajduje się w trójce najczęściej wybieranych języków obcych na maturze (po angielskim i niemieckim, które zdaje największa liczba abiturientów). Na maturze 2020 zdawało go na poziomie podstawowym 3750 uczniów oraz około 2400 na poziomie rozszerzonym. Oczywiście, liczba uczących się tego języka jako przedmiotu obowiązkowego jest wielokrotnie większa. Po ostatnich zmianach w oświacie naukę języka drugiego (w tym rosyjskiego) mogą uczniowie rozpocząć na drugim etapie edukacyjnym (klasy 7–8) lub na trzecim (szkoła ponadpodstawowa). Właśnie do tej ostatniej grupy oraz ich nauczycieli adresowana jest jedna z najnowszych propozycji wydawnictwa Draco, *Beceda* autorstwa Anny Pado.

Postęp w dziedzinie glottodydaktyki, który dokonał się w ciągu ostatnich dziesięcioleci, kumulacja doświadczeń nauczycieli, metodyków, autorów i wydawców pozwalają dzisiaj tworzyć coraz nowocześniejsze materiały do nauczania, które posiadają zalety podstawowej pomocy dydaktycznej jaką jest podręcznik, a jednocześnie w optymalny sposób pozwalają unikać jego wad, takich jak zamknięcie nauki języka w klasie, dezaktualizacja jego treści czy zrutynizowanie procesu dydaktycznego. Takie warunki spełnia prezentowana publikacja *Beceda*.

Cykl adresowany jest do uczniów szkoły ponadpodstawowej, którzy rozpoczynają kurs języka rosyjskiego od zera (poziom A1 > B1). Składa się z trzech części, z których każda zawiera podręcznik, zeszyt ćwiczeń oraz płytę CD. Innowacyjnym rozwiązaniem są kody QR dodatkowo ułatwiające uczniowi i nauczycielowi dostęp do nagrań.

W niniejszym krótkim omówieniu pominiemy szczegółową koncepcję cyklu, ponieważ zainteresowani znajdą ją w Książce dla nauczyciela dostępnej na stronie wydawnictwa oraz w autorskim zwiastunie serii (patrz bibliografia). W publikacjach tych Autorka przedstawia najważniejsze założenia metodyczne cyklu, zawartość i strukturę poszczególnych części i rozdziałów oraz wskazówki dotyczące ich realizacji i wyjaśniające intencje Autorki. Zamieszczono tam również materiały ułatwiające nauczycielowi organizację i planowanie zajęć (rozkład materiału, koordynacja podręcznika z zeszytem ćwiczeń). W koncepcji cyklu i w całym jego dyskursie wyraźnie dochodzi do głosu wieloletnie doświadczenie dydaktyczne Autorki, która dzięki obserwacji wielu pokoleń absolwentów szkoły średniej, podejmujących potem studia na filologii rosyjskiej lub lingwistyce stosowanej, trafnie definiuje ich możliwości, oczekiwania, a także deficyty i trudności. Wnioski z tej obserwacji pozwalają jej właściwie rozłożyć akcenty przy formułowaniu celów edukacyjnych oraz zaproponować szereg przemyślanych rozwiązań i strategii uczenia się, które wychodzą naprzeciw oczekiwaniom uczących się, a również pozwolą zapobiec ich deficytom lub je w sposób widoczny

złagodzić. Należy oczekiwać, że to podejście spotka się z życzliwym przyjęciem ze strony uczniów, a także nauczycieli, którzy borykają się z tymi samymi problemami w klasie językowej. Uwaga Autorki kieruje się więc między innymi na niżej omówione problemy.

Kształtowanie umiejętności mówienia. Porozumiewanie się w języku obcym, wskazane jako kompetencja kluczowa i główny cel do realizacji zarówno w dokumentach oświatowych, jak i w materiałach do nauczania jest wciąż bolączką uczących się języków obcych i ich nauczycieli. Cykl *Беседа* proponuje szereg rozwiązań, które od najwcześniejszego etapu wdrażają ucznia do skutecznego porozumiewania się. Już od pierwszego kontaktu z podręcznikiem ma miejsce przygotowanie do produkcji ustnej. Oczywistym warunkiem komunikacji jest rozumienie rozmówcy. Uczeń, który nigdy nie słyszał mowy rosyjskiej, już na samym wstępie kursu staje się partnerem w rozmowach zaproponowanych w rozdziale *Мне всё понятно*, który otwiera część pierwszą cyklu.

W rozdziale tym pomysłowo wykorzystany został pozytywny transfer od języka ojczystego do rosyjskiego oparty na bliskości obu języków. Celem tego rozdziału jest nie tylko wprowadzenie w atmosferę języka rosyjskiego, osłuchanie z mową rosyjską poprzez rozmowy prowadzone w naturalnym tempie przez dwoje Rosjan, ale również zachęcenie do pierwszych prób interakcji z nimi. Uczeń ma satysfakcję, że od pierwszego kontaktu z językiem nie tylko rozumie rodowitych użytkowników języka, ale potrafi odpowiedzieć na ich pytania i sformułować pierwsze repliki używając poznanych struktur i leksyki. Niewątpliwie fakt ten ośmiela ucznia do działania językowego, daje mu satysfakcję i motywuje do dalszej nauki.

Kolejnym oryginalnym rozwiązaniem wdrażającym do porozumiewania się jest stały komponent *Давайте побеседуем* otwierający każdy rozdział w kolejnych modułach merytorycznych. Jego zadaniem jest nie tylko zapowiedź tematyki danego rozdziału, pierwsza prezentacja słownictwa i struktur, ale również wciągnięcie uczniów w interakcję, co odbywa się poprzez sterowaną rozmowę, w której nauczyciel głównie odwołuje się do osobistych doświadczeń i codziennych obserwacji uczniów. Należy zaznaczyć, że w tym momencie uczeń nie dysponuje środkami językowymi w zakresie tematyki, którą dopiero będzie poznawał, ponieważ jest przed działaniami receptywnymi (jeszcze nie przeczytał, nie wysłuchał żadnego tekstu, który te środki zaprezentuje). Jednak zgodnie ze scenariuszem tego komponentu nauczyciel prowadzi rozmowę w taki sposób, że uczeń otrzymuje podpowiedzi umożliwiające mu poprawną komunikację. Komponent *Давайте побеседуем* może być dowolnie modyfikowany przez nauczyciela (i również uczniów), co stwarza szansę na spontaniczną, choć na razie ograniczoną skromnym zasobem środków językowych rozmowę. Jest oczywiste, że podobne wprowadzenie powinno mieć miejsce przed każdym działaniem receptywnym, jednak zamieszczenie go w podręczniku (w każdej części serii) jako elementu obligatoryjnego w pewien sposób zobowiązuje nauczyciela do wstępnej rozmowy

z uczniami. Kolejne fazy kształtowania umiejętności mówienia realizowane są konsekwentnie w każdym rozdziale i w całym dyskursie cyklu według oczywistej reguły: od recepcji i towarzyszących jej aktywności i kształtowania nawyków, poprzez mówienie ustrukturyzowane aż do produkcji, czyli mówienia spontanicznego. Skutecznemu kształtowaniu mówienia sprzyjają ćwiczenia artykulacyjne i intonacyjne, powtarzanie za lektorem (CD) lub nauczycielem wybranych fraz ‘echo’, a także odtwarzanie ustne fraz i przetwarzanie tekstów. Zabiegi te nie tylko trenują aparat mowy przygotowując go do mówienia, ale pomagają zapamiętać i utrwalić słownictwo i struktury.

Porozumiewanie się jako kompetencja kluczowa, to działanie nie tylko ustne, ale i pisemne. Ten aspekt również jest rozwijany w całym cyklu, ale najczęściej zadanie pisemne proponowane jest jako zadanie dla chętnych. Jednak następuje ono zawsze po całej serii poprzednich aktywności oraz po zadaniu z mówienia i często z wykorzystaniem jego struktury. Warto dodać, że pisemna wypowiedź to nie tylko klasyczna forma zadania wykonana odręcznie ‘na papierze’, ale również autentyczny sms lub mail wykonywany przez uczniów na swoich smartfonach, pisany czcionką rosyjską i adresowany do kolegi lub nauczyciela.

Planowanie i budowanie wypowiedzi ustnej i pisemnej – to kolejna umiejętność konsekwentnie rozwijana w cyklu *Beceda*. Przygotowując swoją wypowiedź uczeń nie robi tego ‘z powietrza’ lub ‘z głowy’, ale wykorzystuje m.in. następujące techniki:

- plan w formie pytań, na które odpowiadając buduje całościową logiczną wypowiedź;
- plan i wyrazy kluczowe, które podpowiadają treść;
- gotową strukturę i początki akapitów, które uzupełnia poznanymi argumentami i leksyką;
- notatkę w formie tabelki (samodzielnie sporządzoną jako zadanie towarzyszące recepcji) z leksyką i argumentami;
- ankietę w formie pytań, które wraz z argumentami do wyboru (a, b, c) tworzą gotowy scenariusz wypowiedzi;
- szczegółową instrukcję (zaczynij tak: ..., potem wymień argumenty za / przeciw..., teraz powiedz o własnym doświadczeniu..., zakończ tak: ...);
- gotowy wzór, który przenosi na własną wypowiedź.

Planowanie i konstruowanie wypowiedzi (ustnej lub pisemnej) to umiejętność uniwersalna, a więc poznanie powyższych technik będzie przydatne przy wykonywaniu zadań z innego języka obcego, a nawet polskiego. Jest to kolejny przykład wykorzystania w cyklu *Beceda* transferu pozytywnego: tym razem uczeń przenosi umiejętności rozwinięte na lekcji języka rosyjskiego do innego języka, w tym ojczystego.

Kształtowanie poprawności. Seria *Beceda* uwzględnia hierarchię celów edukacyjnych wymaganych w podstawie programowej, która jako nadrzędny cel edukacyjny wskazuje umiejętności komunikacyjne, a nie poprawność. Nie ozna-

cza to jednak, że dbałość o poprawność jest zarzucona. W całym cyklu zamieszczono szereg strategii i zadań, które kształtują poprawną wymowę i intonację oraz stronę morfologiczną i syntaktyczną języka, a także ortografię. Cykl proponuje ‘poprawność w komunikacji’, ponieważ zadanie komunikacyjne wymaga stosowania form, reguł i modeli tekstowych. Kształtowanie nawyków poprawnościowych odbywa się zawsze w integracji z działaniami językowymi. Pomocne są przy tym czytelne tablice konfrontujące dane zjawisko językowe z językiem ojczystym, a także rozbudowane tablice gramatyczne, do korzystania z których uczeń jest stopniowo wdrażany pracując z zeszytem ćwiczeń. Proporcje między komunikacją a poprawnością z naciskiem na komunikację są widoczne również w komponentach monitorujących postęp ucznia, gdzie sprawdzane są głównie umiejętności porozumiewania się, a nie opanowanie form wyrazów.

Warto również zwrócić uwagę na przemyślaną i nowatorską metodykę wprowadzania alfabetu rosyjskiego. Intencją Autorki jest zapobieganie negatywnym konsekwencjom fonetycznym i ortograficznym, które bardzo często powstają na elementarnym etapie poznawania języka i potem prześladują ucznia i nauczyciela na kolejnych etapach nauki. Grupowanie liter i kolejność prezentowania tych grup oparta jest na podobieństwie lub kontraście artykulacyjnym i graficznym z językiem polskim z uwzględnieniem możliwych trudności ortograficznych. Liczba liter w poszczególnych grupach jest różna (np. 13 w pierwszej, jedna w szóstej, dwie w siódmej), a kolejność ich wprowadzania uwzględnia kryterium ‘nowości’ i trudności dla ucznia. To dlatego litery jotowane są w dalszej kolejności (grupa piąta), a znaki Ъ i ъ są wprowadzone jako ostatnie (grupa szósta i siódma). Te właśnie litery są wprowadzane z bardzo czytelnym (bo przedstawionym na schematach i tabelkach) opisem zasad ich użycia z uwzględnieniem konsekwencji fonetycznych i ortograficznych. Dzięki temu uczniowie w procesie przyswajania kolejnych grup liter nie popełniają typowych dla Polaków błędów wynikających z niezrozumienia sposobu oznaczania miękkości w języku rosyjskim oraz z nadużywania znaku Ъ i nieodróżniania znaków rozdzielających Ъ i ъ. Godna podziwu jest inwencja Autorki, która tworzy teksty o dużych walorach komunikacyjnych z wykorzystaniem tylko już poznanych liter.

Otwartość – to kolejna zaleta cyklu *Беседа*. Chociaż praca z podręcznikiem to praca w klasie, omawiana publikacja przekracza granice sali audytorijnej. Przy wykonywaniu zadań uczniowie odsyłani są do Internetu, gdzie poszukują informacji przy wykonywaniu projektów, uczą się korzystać ze słowników internetowych i rosyjskiej Wikipedii, wysyłają maile i sms-y trenując posługiwanie się czcionką rosyjską.

Stałym komponentem serii są zadania-projekty. Mają one różną formę, np. konkurs (pisanie kaligraficznego i czytania), prezentacja Power Point (w klasie lub na stronie internetowej szkoły), akcja (przyjęcie klasowe, bookcrossing), plakat (zdrowy styl życia) i inne. Zadania te mają nie tylko duży walor edukacyjny (uczniowie uzupełniają wiedzę i rozwijają umiejętności w ramach poznawanej

sfery komunikacji), lecz wdrażają ich do pracy zespołowej, w której uczą się odpowiedzialności za wspólne działanie. Warto zaznaczyć, że każde zadanie-projekt zaopatrzone jest w instrukcję, jak je przygotować (wybór tematu, podział zadań, etapy realizacji, sposób prezentacji). Umiejętność planowania i realizacji tego typu zadania to kolejna umiejętność uniwersalna, którą uczniowie mogą wykorzystać również na innych przedmiotach oraz w działaniach pozaszkolnych.

Praca zespołowa (w parach lub grupach) jest kolejnym atutem serii. Autorka proponuje ją nie tylko w typowych zadaniach z partnerem (rozmowa, wymiana sms-ów, odegranie scenki, gra zespołowa), ale również w zadaniach, które tradycyjnie uczniowie wykonują indywidualnie (np. przygotowanie wypowiedzi pisemnej lub ustnej, tworzenie słowniczka tematycznego).

W ten sposób uczniowie nie tylko rozwijają strategie komunikacyjne wspomagające użycie języka, ale również wdrażani są do koleżeńskiej samopomocy i wzajemnego uczenia się od siebie.

Pomimo że cykl przeznaczony jest dla uczących się od zera, już na bardzo wczesnym etapie (zaraz po wprowadzeniu alfabetu w module *Пиши и читай*) uczniowie czytają autentyczne teksty. Uprzedzając zrozumiałe trudności ucznia przy tym zadaniu, Autorka podpowiada mu strategię czytania nowego tekstu (wstępna orientacja na podstawie ilustracji i tytułu, czytanie pobieżne całości, czytanie akapitami, domysł językowy). Strategię rozumienia czytanego samodzielnie tekstu uczeń poznaje również w komponentach zawierających teksty dodatkowe. W komentarzu po każdym tekście może on zapoznać się z jedno-dwuzdaniowym resume, nowym słownictwem (wyjaśnionym po rosyjsku), a w częściach 2 i 3 również z planem w formie pytań, na które odpowiedzi umożliwią mu krótkie streszczenie po rosyjsku przeczytanego tekstu.

Uczniowie korzystający z cyklu *Beceda* niewątpliwie docenią stałą troską Autorki o komfort wykonywania przez nich zadań. Całą serią jest bardzo przyjazna uczniom. Dostają oni dużo odpowiedzi i instrukcji, są w odpowiednim miejscu uprzedzani o trudnościach, przygotowani do odbioru tekstu czytanego lub słuchanego (komponent *Готовимся к чтению / аудированию*), korzystają ze słowniczka na marginesach stron i słownika tematycznego na końcu podręcznika.

Dużym walorem serii jest materiał ilustracyjny. Trafnie dobrane, często zabawne i zaskakujące rysunki i zdjęcia nie tylko sprzyjają zapamiętywaniu treści i pełnią funkcję motywującą, ale także są impulsem do produkcji ustnej lub pisemnej (uczniowie wpisują komentarze w 'dymki', opisują ilustrację lub streszczają historyjkę obrazkową). Cenne jest zaproszenie do współpracy skierowane przez Autorkę na stronie internetowej wydawnictwa do nauczycieli. Strona www sukcesywnie wzbogacana jest o materiały dodatkowe dla ucznia i nauczyciela, które będą pomocne w utrwalaniu umiejętności uczniów, w monitoringu i kontroli ich postępów, a także w pogłębianiu wiedzy glottodydaktycznej nauczycieli. Materiały te są w większości przygotowane przez Autorkę, jednak strona ma charakter otwarty i stopniowo w jej budowanie angażują się inni nauczyciele i wykładow-

cy. Zgodnie z zamysłem Autorki i wydawnictwa na stronie internetowej będzie stopniowo powstawał swoisty ‘bank glottodydaktyczny’, który będzie miejscem wymiany doświadczeń i materiałów.

To tylko wybrane aspekty serii, która ma wszelkie cechy nowoczesnej pomocy dydaktycznej opartej na bogatym doświadczeniu dydaktycznym i wiedzy glottodydaktycznej Autorki. Przemysłana prezentacja treści, atrakcyjne formy pracy, bogaty wybór zadań i strategii pracy kształtujące we wzajemnej integracji działania językowe (recepcja, produkcja, interakcja i mediacja) zasługują na zainteresowanie nauczycieli i z pewnością zachęcą uczniów do nauki języka rosyjskiego. Jak mówi Autorka: „Należy mieć nadzieję, że nasz wspólny wysiłek – autora i nauczycieli obali mit, że języka obcego można się nauczyć wszędzie, tylko nie w szkole” (Pado, 2017, 65).

BIBLIOGRAFIA

- Pado, A. (2017). *Nowy podręcznik – nowe rozwiązania*. W: *Współczesny język rosyjski w teorii i praktyce* (56–65), A. Antoniuk, W. Meli-Cullen, J. Roguska, A. Szafernakier-Świrko (red.). Warszawa: Katedra Ukrainistyki Uniwersytetu Warszawskiego.
- Pado, A. (2019). *Bеседа 1–3*. Kraków: Wydawnictwo Draco.
- Pado, A. (2019). *Książka dla nauczycieli*, https://wydawnictwodraco.pl/Bеседа1_2019



Марина Родина

 <https://orcid.org/0000-0002-6664-2458>

Белорусский государственный университет

Институт дополнительного образования

Кафедра русского языка как иностранного в профессиональном обучении

220030, Минск, пл. Независимости 4

mararoenator@gmail.com

Анна Падо, *Беседа*

Учебный комплекс для изучения русского языка

Издательство: Draco, сс. 130

Anna Pado, *Beseda*

Russian Language Course

Publisher: Draco, pp. 130

Резюме

В настоящей статье представлена рецензия на учебный комплекс по русскому языку как иностранному на начальном уровне – *Беседа* (автор – Анна Падо). В частности, рассматриваются основные принципы построения учебного комплекса (коммуникативность, проблемность, модульность) и концепции, отраженные в его содержании. Представленный учебный комплекс предназначен для поляков и является этноориентированным. В учебном комплексе присутствуют языковые и речевые упражнения, учебные и аутентичные тексты, богатый грамматический и лексический материал, иллюстрации.

Ключевые слова: *Беседа*, учебный комплекс, языковые и речевые задания, материал.

Summary

The article reviews an educational complex of Russian as a foreign language for beginners, *Beseda* (author: Anna Pado). In particular, the basic principles of building an educational complex (communicativeness, problematicity, modularity) and its embedded concepts are considered. The discussed educational complex is intended for Poles and is ethno-oriented. It contains language and speech exercises, educational and authentic texts, rich grammatical and lexical material, as well as images.

Keywords: *Beseda*, training complex, language and speech assignments, material.

Постоянно изменяющиеся требования к образовательной среде, содержанию обучения и учебным технологиям делают актуальной проблему создания учебного комплекса по иностранному языку. Дискуссии о том, каким критериям должен соответствовать учебный комплекс, постоянно ведутся в методической науке. При этом большинство исследователей сходятся во мнении, что современный учебник должен быть основан на принципах коммуникативности, проблемности, модульности, системности, преемственности и наглядности.

Тем более радуется, что рассматриваемый учебный комплекс *Беседа* (автор – Анна Падо), предназначенный для начинающих (уровни А1/В1), как раз учитывает эти принципы и представляет собой удачный образец воплощения коммуникативной методики в учебном пособии в соответствии с запросами современного образовательного пространства.

Начнем обзор учебника *Беседа* с определения его основных характеристик. Учебный комплекс является этноориентированным, поскольку предназначен для поляков, изучающих русский язык. При его создании учитывался фактор близкородственности польского и русского языков. Именно это позволило автору на самых ранних этапах работы с учебником вводить разнообразные задания, выполнение которых на слух и письменно основано на сходстве славянских языков и использовании позитивного переноса навыков и умений из родного языка в иностранный. Учебник предназначен для изучения русского языка вне языковой среды, поэтому реализует задачу создания искусственной языковой среды, максимально приближенной к аутентичной.

Следующим определяющим фактором для автора учебного комплекса становится коммуникативность. Современная образовательная парадигма определяет межкультурное общение основной целью изучения иностранного языка, а коммуникативная методика помогает научить иноязычному общению. Для обучения общению в *Беседе* присутствуют коммуникативные речевые задания социокультурного и культуроведческого характера. Следует отметить разнообразие изучаемых тем, насыщенность заданий и текстов информацией о культуре России (география, традиции, праздники, фразеология и др.) и о мировой культуре. Непринужденная и интересная *Беседа* помогает учащимся осваивать русскую речь и расширять свой культурный кругозор. Ситуативно-тематическое представление языкового материала и практически ориентированное обучение также обеспечивают коммуникативную направленность учебного комплекса. Аутентичные материалы (тексты, песни, стихи) определяют культурологическую ценность пособия.

Кроме обучения речевому общению, целью учебного комплекса является формирование грамматических и лексических навыков. Русский язык, как и польский, это язык синтетического типа, который имеет разветвленную систему грамматических значений и разные способы их выражения. Овла-

дение грамматическими правилами необходимо для грамотного использования русского языка в различных ситуациях. Учебник снабжен большим количеством ярких и хорошо структурированных грамматических таблиц и комментариев. В учебной тетради представлены речевые коммуникативные и языковые задания.

Нужно отметить ориентированность *Беседы* на сформированность у учащихся навыков владения информационными технологиями. Работа с CD, использование гаджетов для поиска и обработки информации в Интернете разнообразят учебный процесс и облегчают усвоение нового материала.

Следует выделить направленность учебного комплекса на индивидуализацию обучения. Для этого учащему предоставлен выбор формы и сложности задания и темы высказывания, а также роли в групповом выполнении заданий.

Следующей характерной чертой учебного комплекса является его наглядность, яркое и запоминающееся оформление. Это и разноцветные, четкие грамматические таблицы, диаграммы, оригинальные фотографии, коллажи, остроумные рисунки, карикатуры, выделение шрифтом и цветом. Хотелось бы отметить удачный и плодотворный творческий тандем автора Анны Падо и художника Анны Теодорчик в оформлении. Наглядность особенно важна для современной молодежи, ориентированной на визуализацию информации, которая значительно облегчает восприятие и усвоение учебного материала.

Обратимся к структуре и содержанию учебного комплекса *Беседа*. В состав каждого пакета (части 1, 2, 3) входят учебник, рабочая тетрадь, CD (а также код QR), книга для учителя. Обучение видам речевой деятельности – чтению, говорению, аудированию и письму происходит взаимосвязанно, осуществляется перенос навыков из одной активности в другую в рамках русского языка, а также из родного языка в иностранный. Структура учебника носит модульный характер. Учебный комплекс рассчитан на трехлетнее или четырехлетнее обучение в зависимости от назначенной учителем и учениками цели организации дидактического процесса.

Первая часть учебника, предназначенная для изучения русского языка на начальном уровне, включает следующие разделы:

Мне все понятно (актуализация культуроведческих знаний о России, о коммуникативной культуре русских путем выполнения аудитивных заданий);

Пишу и читаю (усвоение русского алфавита, формирование графических и лексико-грамматических навыков и развитие умений чтения и письма взаимосвязанно с аудированием (диктанты), актуализация знаний о славянах и славянских языках, совершенствование произношения и развитие умений говорения);

Я уже общаюсь (взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности с упором на говорение, коммуникативные задания, базовые темы *Знакомство, Семья, Учеба, Город, Жилье*).

Кроме этого, учебник содержит разделы *Повторяем и закрепляем* (совершенствование лексических и коммуникативных навыков); *Хочу знать больше* (культуроведческие тексты и коммуникативные задания, а также проекты); *Формулы общения* (коммуникативная культура); *Учимся учить язык* (методические рекомендации для учащихся на родном языке); *Грамматические таблицы* и *Тематический словарь*. К учебнику прилагается учебная тетрадь с разнообразными заданиями.

Вторая часть учебника *Беседа* предназначена для продолжающих изучать русский язык и имеет еще более ярко выраженную коммуникативную и культуроведческую направленность. В учебнике освещаются социокультурные темы *Культура, Услуги и СМИ, Кулинария, Праздники и гости*. Занимательные коммуникативные задания и тексты о современной культуре вводят учащихся в речевое инокультурное общение. Кроме этого, традиционно представлены интересные тексты для чтения, *Формулы общения* и *Грамматические таблицы*. В учебной тетради даны задания по темам учебника, направленные на совершенствование лексико-грамматических навыков и развитие умений во всех видах речевой деятельности.

Заключительная, третья часть учебного комплекса также включает в себя учебник, CD и учебную тетрадь. Представлены темы *Здоровый образ жизни, Труд и профессия, Мир вокруг нас, Путешествие*. Лексический запас учащихся значительно расширяется. Проводится работа не только над навыками и умениями, но и пониманием текстов (работа со стратегиями понимания, обучение просмотровому чтению и краткому изложению).

В заключении мы можем констатировать, что появление в Польше нового учебного комплекса, последовательно реализующего принципы коммуникативности и культуроведческой направленности, весьма полезно для изучающих русский язык. *Беседа* содержит тексты и задания, вызывающие живой интерес учащихся и оптимизирующие работу преподавателя. Учебный комплекс *Беседа* не только формирует основные языковые компетенции, но и непосредственно готовит учащихся к межкультурному общению и диалогу культур.